

ВЕРИ

ПИСЬМО

ПОЛКА

№

38.
4.
72.
10.

ОБЩЕСТВО 1888

Робертъ Пири.

ОТКРЫТІЕ СЪВЕРНАГО ПОЛЮСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Д. ДМИТРІЕВА.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„ЮНАЯ РОССИЯ“.

Москва, Большой Мокшанцевъ, д. № 12.

НОВЫЯ КНИГИ:

АБРАМОВИЧЪ, Н. Дѣтскіе годы Чехова. Ц. 12 к.

АКСАНОВЪ, С. Т. Аленкой цѣточекъ. Разсказъ впрочеины
Неласки. Ц. 6 к.

— Семейная хроника. Ц. 25 к.

БИРЮКОВЪ, П. Л. Н. Толстой. Біогр. очеркъ для семьи и школы.
Со мног. рис. Ц. 12 к.

БРУСЯНИНЪ. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжикъ. Ц. 15 к.

БЭНКЪ, Е. Изъ жизни одной американской журналистки.
Въ пересказѣ Э. Пяменовой. Ц. 15 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Владыка міра Пер Г. Галиной. Съ рис. Ц. 40 к.

ГАМИЛЬТОНЪ-ДОННЕЛЬ. Сильные волей. (Ребекка-Мари) Пер.
съ англ. Р. Рубиновой. Съ рис. Ц. 30 к.

ЕРМИЛОВЪ, В. Е. Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ.
Съ рис. худ. А. Авсита. Ц. 45 к.

— Юность Добролюбова. Съ рис. худ. А. Авсита. Ц. 30 к.

ЕФИМЕНКО, А. Я. На Украинѣ. Выпускъ четвертый. Самуилъ Збо-
ровский. Съ рис. худ. К. Фридберга. Ц. 30 к. Допущено къ учебн. библ.
и учеб. учам.

ИНФАНТЬЕВЪ, П. Сибирскіе разсказы. Маленькіе пистолеты.—
Веркутъ Галея.—Смерть Омудана.—Враги.—Возвращеніе со свя-
токъ.—Ночная тревога. Съ рис. Ц. 50 к. Допущено къ учебн. библ. и учеб.
учам. и къ библ. библ. и чит.

ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ, І. Разсказы. Ц. 20 к.

МАЙКОВЪ, А. Н. и ПОЛОНСКІЙ, Я. П. Біографіи и избран. стих.
подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

НОСИЛОВЪ, Н. В. лѣсахъ. За парасяни.—На лабазѣ.—Вѣлая рука-
ничка.—Корка.—Июнь. Съ рис. Ц. 25 к. Допущено къ учебн. библ.
и учеб. учам. и къ библ. библ. и чит.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Біографіи и избран. стих., подъ редакціей Д. И.
Тихомирова. Ц. 15 к.

ПОГОДИНЪ, А., проф. Очеркъ исторіи Польши. Съ рисунками.
Ц. 50 к.

РАДИЧЪ, А. В. Дѣтскіе разсказы. Ц. 40 к.

Бібліотека для семьи и школы.

Робертъ Пери.

ОТКРЫТІЕ СЪВЕРНАГО ПОЛЮСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Д. Дмитриева.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ЮНАЯ РОССИЯ". Москва, Б. Молчановка, домъ № 18.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.

1911.

Первая фотографія Сѣв. Полюса съ развѣвающимся флагомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Составъ экспедиціи.

Двадцать три года я стремился къ завѣтной цѣли, и наконецъ она достигнута. 6-го апрѣля 1909 года всѣ тяжелыя воспоминанія прошлаго потонули въ волнѣ охватившаго меня чувства: рекордъ побить; я оправдалъ довѣріе лицъ, которыя помогали мнѣ не только деньгами, но и вѣрой въ меня, въ мой успѣхъ.

Желаніе во чтобы-то ни стало добраться до Полюса сдѣлалось цѣлью моего существованія; много лѣтъ тому назадъ я уже смотрѣлъ на себя, какъ на инструментъ для выполненія завѣтной цѣли.

Будучи на Полюсѣ, я не могъ не вспомнить, какъ три года тому назадъ, 21-го апрѣля 1906 года, послѣ жестокой борьбы со льдами и открытой водой, я принужденъ былъ вернуться обратно, дойдя до 87°6' сѣв. широты: для дальнѣйшей борьбы у меня не было провизіи. И я невольно сравнивалъ тогдашнее чувство страшной подавленности съ радостными минутами настоящаго.

Раньше чѣмъ приступить къ описанію моей послѣдней и успѣшной экспедиціи, я долженъ нѣсколько вернуться назадъ, ко времени возвращенія изъ экспедиціи 1905-6 года. Не успѣвъ „Рузвельтъ“ *) достигнуть Нью-Йорка, какъ въ моей головѣ уже началъ слагаться планъ новой экспедиціи, къ выполненію которой я надѣялся приступить, какъ только соберу необходимыя средства (деньги) и поправлю свое сильно расшатанное здоровье.

Счастье улыбалось. Президентъ Арктическаго Клуба Пири, г. Іесупъ (Јесир), который все время оказывалъ мнѣ самую дѣятельную, какъ матеріальную, такъ и моральную помощь, при первой же встрѣчѣ со мною сказалъ, что онъ уже видитъ меня начальникомъ новой экспедиціи и тутъ же, между прочимъ, заявилъ, что относительно средствъ безпокоиться нечего, а это значило, что я буду забавленъ собирать средства по мелочамъ отъ лицъ, болѣе или менѣе мнѣ сочувствующихъ.

Болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ ждать не приходилось, нужно было торопиться. Да къ тому же и годы мои уходили, я становился старѣе для изнурительной работы въ полярныхъ льдахъ. Или нынче, или навсегда я долженъ былъ покинуть свою мечту. И женѣ своей я заявилъ, что если она отпуститъ меня еще въ одну экспедицію, то я даю ей честное слово, что это будетъ послѣдняя.

Зиму 1906-7 года и весну 1907-го пришлось посвятить

---

*) Имя парохода.

Профессоръ Россъ
Марвинъ.

Докторъ
Гудсэлъ—
хирургъ.

все это требова-
лись деньги.

Въ то время,
какъ основной
фондъ составлял-
ся изъ взносовъ членовъ Арк-
тического Клуба Пири, со
всѣхъ концовъ страны получа-
лись пожертвованія, начиная
отъ двухъ рублей (долларъ)
и кончая двумястами. Эти
небольшія, но многочисленныя
приношенія начинали меня

печатанію матеріаловъ преды-
дущей экспедиціи и заинтере-
сованію возможно большаго
числа лицъ въ новомъ пред-
пріятіи. У насъ былъ пароходъ

„Рузвельтъ“, сто-
имостью около ста
тысячъ рублей, но
чтобы пуститься
въ новое путеше-
ствіе, необходимо
было перемѣнить
котлы и произве-
сти кое-какія пе-
ремѣны въ его
оборудованіи. На

Георгъ Борупъ—помощникъ Пири.

убъждать, что предприятие, наконецъ, начинаетъ принимать народный характеръ.

Большую часть зимы 1907-8 года я провелъ въ Нью-Йоркѣ, нетерпѣливо ожидая слѣдующаго лѣта. Неожиданный ударъ, казалось, разрушилъ всѣ планы экспедиціи, — скоропостижно скончался предсѣдатель Арктическаго Клуба

Томасъ Гашу—
шкиперъ.

Георгъ Вардуэлъ—
главный инженеръ-
механикъ.

Банксъ Скоттъ—помощникъ
инженеръ-механика.

Пири, Моррисъ
Иесупъ. Въ его
лицѣ я потерялъ не только мою главную матеріальную опору, но и лучшаго друга. Первое время мнѣ казалось, что все потеряно. Но вскорѣ выяснилось, что замѣститель Иесупа, новый предсѣдатель Клуба, Томасъ Хаббардъ, оказался такимъ же

Роберт Барлетт—
капитанъ „Рузвельта“.

горячимъ сторонникомъ экспедиціи, какъ и его предшественникъ.

За зиму я получилъ массу писемъ со всѣхъ концовъ земного шара. Авторы ихъ давали мнѣ всевозможные совѣты, на всѣ лады стараясь убѣдить въ возможности выполненія плана.

Многіе друзья экспедиціи, не будучи въ состояніи помочь деньгами, присылали массу полезныхъ вещей для экипировки членовъ экспедиціи и доставленія имъ возможныхъ удобствъ. Такъ, между прочимъ, былъ присланъ небольшой бильярдъ, разныя игры и безчисленное множество

книгъ. Ко времени отплытія мы имѣли рѣшительно все необходимое для путешествія до рождественскихъ, въ видѣ сластей, подарковъ включительно.

Въ выборѣ членовъ партіи я былъ необыкновенно счастливъ, — передо мною лежалъ списокъ всѣхъ членовъ предыдущихъ экспедицій. Нѣсколько мѣсяцевъ работы среди полярныхъ льдовъ являются прекраснымъ средствомъ для испытанія характера человѣка. Всякій можетъ убѣдиться, что въ арктическихъ областяхъ въ шесть мѣсяцевъ человѣка можно узнать лучше, чѣмъ въ теченіе всей жизни въ городѣ. На крайнемъ сѣверѣ человѣкъ все время находится лицомъ къ лицу съ самимъ собою и его компаньонами.

Матвій Хенсонъ—
помощникъ Пири.

Весь персоналъ „Рузевельта“ состоялъ изъ двадцати одного человѣка: Робертъ Пири — командиръ экспедиціи, Робертъ Бартлеттъ — капитанъ парохода, Георгъ Вардуэль — главный машинистъ, Банксъ Скоттъ — его помощникъ, докторъ Гудселль — хирургъ, профессоръ Россъ Маринъ, профессоръ Дональдъ Мак-Милланъ, Георгъ Борупъ — помощникъ, Матвій Хенсовъ — помощникъ, Томасъ Гашу — шкиперъ, Джонъ Коннорсъ — боцманъ, Чарльсъ Перси — лакей, Вильямъ Рритчардъ — юнга; Джонъ Коди, Джонъ Барнесъ, Денисъ Марфи, Георгъ Перси — матросы; Яковъ Бентли, Патрикъ Джонсъ, Патрикъ Скинсъ и Джонъ Вайзманъ — кочегары.

Провіантъ экспедиціи.

Запасы провизіи у насъ были вполне достаточны по количеству, но не по разнообразію. Многолѣтній опытъ научилъ меня, что, дѣлая запасы экспедиціи, прежде всего нужно обращать вниманіе не на разнообразіе, а на качество.

Всѣ запасы можно подѣлить на два разряда: на пищу для саннаго пути и на пищу во время плаванія на пароходѣ и зимней стоянкѣ.

Запасы перваго рода требовали особенно тщательнаго приготовленія, такъ какъ необходимо было при максимумѣ питательности имѣть минимумъ въ объемѣ и вѣсѣ. Сюда надо отнести пеммиканъ, чай, сухари и сгущенное молоко. Пеммиканъ готовится изъ лучшаго мяса, жира и сушеныхъ фруктовъ. Это замѣчательно питательное блюдо. Пища для продовольствія на пароходѣ и зимней стоянкѣ носила самый обыкновенный характеръ, за исключеніемъ мяса, которое совершенно отсутствовало. Въ этомъ отношеніи я всегда ставилъ экспедицію въ зависимость отъ окружающей мѣстности. Охота, не какъ спортъ, а какъ явная необходимость, отнимала не мало времени въ теченіе зимнихъ мѣся-

цевъ. (Въ общемъ было взято: муки—16.000 фун.*), кофе—1.000 фун., чаю—800 фун., сахару—10.000 фун., керосину—3.500 галлоновъ, ветчины—7.000 фун., сухарей—10.000 фун., сгущеннаго молока—100 ящиковъ, пеммикана—30.000 фун., сушеной рыбы—3.000 фун. и табаку—1.000 фун.).

Отплытіе.

Нью-Йоркскую гавань „Рузвельтъ“ покинуть около часу пополудни 6-го іюля 1908 года. Громадныя толпы народа на берегу, цѣлыя флотиліи пароходиковъ, парусныхъ яхтъ и мелкихъ лодокъ провожали насъ громкими пожеланіями успѣха. „Рузвельтъ“ направился къ маленькому Ойстеръ, заливу Длиннаго острова, къ лѣтней резиденціи президента Рузвельта. Президентъ, прощаясь, сказалъ: „Пири, я вѣрю въ васъ и вашъ успѣхъ, если только ваша задача вообще выполнима для человѣка“.

Съ Длиннаго острова пароходъ направился на сѣверъ къ маленькому островку Бретонъ, немного на югъ отъ Нью-фаундленда. Здѣсь бросили якорь въ гавани городка Сиднея.

Изъ Сиднея мы вышли въ половинѣ четвертаго пополудни 17-го іюля. Погода стояла прекрасная. Съ станціи мазка просигнализировали намъ:—„До свиданія, полного успѣха!“ Мы отвѣтили,—„Спасибо“ и спустили флагъ.

Паровая шлюпка, слѣдовавшая за нами, подошла къ „Рузвельту“ и приняла нашихъ послѣднихъ гостей—мою жену съ дѣтьми и старика, полковника Боруна. Маленькій Робертъ, цѣлуя меня на прощаніе, повторялъ: „Возвращайся, папа, поскорѣе, приходи скорѣе!“ Я стоялъ на палубѣ и, не

*) 36 англ. фун. = 40 русск. фун.

отрываясь, смотрѣлъ на удалявшуюся шляпку, которая становилась все меньше и меньше...

Палуба была уже настолько приведена въ порядокъ, что можно было кое-какъ переходить съ кормы на носъ, но въ

Пари на палубѣ „Рузвельта“.

нашихъ каютахъ еще царилъ полный хаосъ. У меня каюта была завалена инструментами, книгами, подарками друзей, скоропортящимися продуктами и многими другимъ, такъ что не оставалось мѣста для меня самого.

Пiano, подарокъ моего друга Бенедикта, было однимъ изъ пріятныхъ компаньоновъ во время еще предыдущей экспедиціи. Я не могу назвать себя знатокомъ въ обращеніи

Палуба „Рузвельта“, нагруженная провизией и собаками.

съ нимъ, но понимаю немного больше, чѣмъ нажимать педали. Я попривыкъ нѣсколько управлять регуляторами и могъ придавать нѣкоторые отгѣнки музыкальному ролику.

На второй день по морю забѣгали „бѣляки“; почти весь день по палубѣ перекатывались волны. Мои компаньоны постепенно разбрелись по своимъ каютамъ.

Первая наша остановка была у мыса святого Чарльза (Лабрадоръ), какъ разъ противъ китобойной станціи. Только что были пойманы два кита. Я тотчасъ же купилъ одного изъ нихъ для собакъ.

Вся эта масса мяса, около четырехъ тысячъ пудовъ, была нагружена на „Эрика“, небольшой пароходъ, который слѣдовалъ за нами, и только самая незначительная часть была сложена на „Рузвельтъ“.

Слѣдующая остановка была у острова Тарнаникъ, противъ рыболовной станціи, принадлежащей отцу капитана Бартлетта, гдѣ мы получили богатый запасъ лабдорскихъ сапоговъ. Какъ разъ передъ островомъ мы выдержали жестокую грозу со страшнымъ громомъ и молніей. Это была самая сѣверная гроза, какую мнѣ приходилось наблюдать въ теченіе всѣхъ экспедицій.

Чѣмъ дальше подвигались мы на сѣверъ, тѣмъ ночи становились все короче и короче, все свѣтлѣе и свѣтлѣе, а когда 26 іюля перешли полярный кругъ, то вступили въ область постоянного дня. Мнѣ приходилось пересѣкать полярный кругъ около двадцати разъ, и поэтому постоянный день, полное отсутствіе ночи, не производили уже на меня особеннаго впечатлѣнія, но нѣкоторые члены экспедиціи наблюдали это явленіе впервые.

Начиная отъ залива Мельвилля (на зап. берегу Гренландіи) печальными вѣхами нашего пути служили одинокія могилы нашихъ предшественниковъ. Каждая изъ нихъ является

памятникомъ героическихъ усилій челоѣка, павшаго въ борьбѣ съ негостепріимной природой.

Перваго августа мы достигли мыса Іоркъ, южной границы поселеній моихъ эскимосовъ, самыхъ сѣверныхъ обитателей земного шара. Могучая снѣжная шапка Іорка высоко поднимается надъ горизонтомъ и служить прекраснымъ маякомъ на пути на сѣверъ. У подножія Іорка гнѣздится деревушка моихъ эскимосовъ, мѣсто, гдѣ изъ года въ годъ я встрѣчаюсь съ членами маленькаго племени. Когда я упоминаю „деревушку“, это совсѣмъ не значитъ постоянное поселеніе. Одинъ годъ здѣсь могутъ жить двѣ семьи, другой—три, а на третій и ни одной. Эскимосы еще номады и рѣдко живутъ больше одного года на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Берега Іорка были заблокированы цѣлою арміею неприступныхъ айсберговъ, такъ что „Рузвельту“ очень трудно было пробраться къ берегу. Но задолго еще до остановки парохода мы замѣтили, что жители селенія уже пускаютъ свои крошечные кожаные каноэ или каяки и спѣшатъ къ намъ навстрѣчу.

По моему мнѣнію, кожаное каноэ есть лучшее изобрѣтеніе полярныхъ аборигеновъ. На деревянную раму, составленную почти изъ кусочковъ дерева, натягивается вычерненная сажей и пропитанная жиромъ тюленья кожа. Въ результатъ получается удивительно легкая, послушная, безшумная лодочка, поднимающая только одного челоѣка. На ней эскимосъ-охотникъ тихо подкрадывается къ своей добычѣ, къ тюленю или моржу. Размѣры каноэ зависятъ отъ тяжести его собственника, но въ общемъ колеблутся между 20—24 дюймами въ ширину и 16—18 футами въ длину. Она настолько легка, что переносится однимъ челоѣкомъ и, надо полагать, употребляется эскимосами съ незапамятныхъ временъ.

Эскимосы.

Легкія суденышки эскимосовъ скользили по водѣ, какъ черныя точки. Мнѣ необъяснимо пріятно было чувствовать, что я опять вхожу въ общеніе съ вѣрными обитателями сѣвера, которые были постоянными моими компаньонами въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ среды которыхъ и теперь я намѣренъ былъ выбрать лучшихъ охотниковъ изъ всего племени, разбросаннаго отъ мыса Іоркъ до Эта.

Съ 1891 года я жилъ среди этихъ людей, работалъ съ ними и приобрѣлъ абсолютное ихъ довѣріе, снабжалъ ихъ орудіями и вещами, болѣе всего имъ нужными; заслужилъ глубокую ихъ признательность, время отъ времени спасая ихъ женъ и дѣтей отъ голода.

Съ 1891 года я занялся тщательной тренировкой лучшихъ охотниковъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе полезными во время экспедицій. Главное вниманіе обращено было на то, чтобы возможно полнѣе использовать ихъ удивительное умѣнье бороться со льдами. Я изучалъ характеръ каждаго въ отдѣльности и такимъ образомъ постепенно подготавливалъ орудіе, при помощи котораго я надѣялся достигнуть намѣченной цѣли.

Маленькое племя ихъ заключаетъ не болѣе 220—230 человѣкъ всего. Я знаю каждаго мужчину, каждую женщину въ лицо отъ Іорка и Эта.

Въ Іоркѣ мы нашли пять семей, жившихъ въ „туникахъ“ изъ шкуръ. Отъ нихъ я могъ узнать все, что случилось въ племени за время двухлѣтняго моего отсутствія. Я могъ узнать, кто умеръ, въ какой семьѣ родился ребенокъ, гдѣ теперь живетъ та или другая семья. Такимъ образомъ я очень легко могъ найти мнѣ нужныхъ людей.

Было около семи часовъ утра, когда мы прибыли въ Іоркъ. Здѣсь я выбралъ себѣ нѣсколько нужныхъ эскимосовъ и сказалъ имъ, чтобы къ моменту, когда солнце будетъ про-

тивъ такого-то мѣста, они со своими семьями и пожитками должны быть на пароходѣ. А такъ какъ все хозяйство эскимоса-охотника состоитъ изъ нѣсколькихъ сѣтей-ловушекъ, собакъ, саней, нѣсколькихъ шкуръ и горшковъ, то безъ лишней торопливости на нашихъ подкахъ къ условленному времени всѣ они со всѣмъ своимъ добромъ были на „Рузвельтъ“. Мы двинулись далѣе на сѣверъ.

Желають ли они слѣдовать за мною, объ этомъ не могло быть и рѣчи, скорѣе всего—они были рады, такъ какъ изъ опыта предыдущихъ экспедицій они знали, что попасть въ экспедицію со мною, это значило—застраховать своихъ женъ и дѣтей отъ голода. Они также знали, что во возвращеніи изъ экспедиціи я отдамъ имъ всѣ остатки провизіи и одежды, чѣмъ совершенно обезпечу ихъ, по крайней мѣрѣ, на слѣдующій годъ и слѣлаю такимъ образомъ архимилліонерами по сравненію съ другими членами племени.

Мысъ Іоркъ лежитъ подъ 76° сѣв. широты. Находясь здѣсь, мы въ дѣйствительности были отъ полюса дальше, чѣмъ Нью-Іоркъ отъ Флориды.

Полярная экспедиція, собственно, началась отъ Іорка. До этого мѣста я пользовался въ своемъ путешествіи всѣмъ тѣмъ, что могъ дать мнѣ цивилизованный міръ. Начиная отсюда, я долженъ былъ воспользоваться, какъ орудіемъ для завоеванія сѣвера тѣмъ, что даетъ самъ же сѣверъ,—эскимосами. Заливъ Мельвилля есть послѣдняя граница между цивилизованнымъ міромъ съ одной стороны и арктическимъ міромъ съ другой, арктическимъ міромъ съ его эскимосами, собаками, тюленями, моржами, мѣховыми одедами и первобытными способами передвиженія.

Покидая мысъ Іоркъ, мы порывали всякія связи съ цивилизованнымъ міромъ и ставили передъ собою только двѣ цѣли: добыть пищу для людей и собакъ и пройти возможно большее разстояніе, жить по-собачьи и исполнять нечеловѣческую работу.

Карта, показывающая путь Пири
къ Полюсу.

Плывя въ сѣверо-запад-
номъ направленіи отъ Іорка,
мы вскорѣ достигли Карма-
зинскихъ скалъ, такъ на-
званныхъ за ихъ кроющо-
красный цвѣтъ англійскимъ
ислѣдователемъ сѣвера Рос-
сомъ въ 1818 году. Цвѣтъ
скалъ зависитъ отъ присут-
ствія въ снѣгу простѣйшихъ
одноклѣточныхъ органи-
зовъ краснаго цвѣта. Бу-
дучи видими на разстояніи
многихъ миль, онѣ привѣт-
ствовали меня во всѣхъ мо-
ихъ сѣверныхъ путешествіяхъ.

Плывя вдоль этихъ скалъ,
которые тянулись на разсто-
яніи 50—60 версты, я ду-
малъ о томъ, что лежитъ
впереді меня.

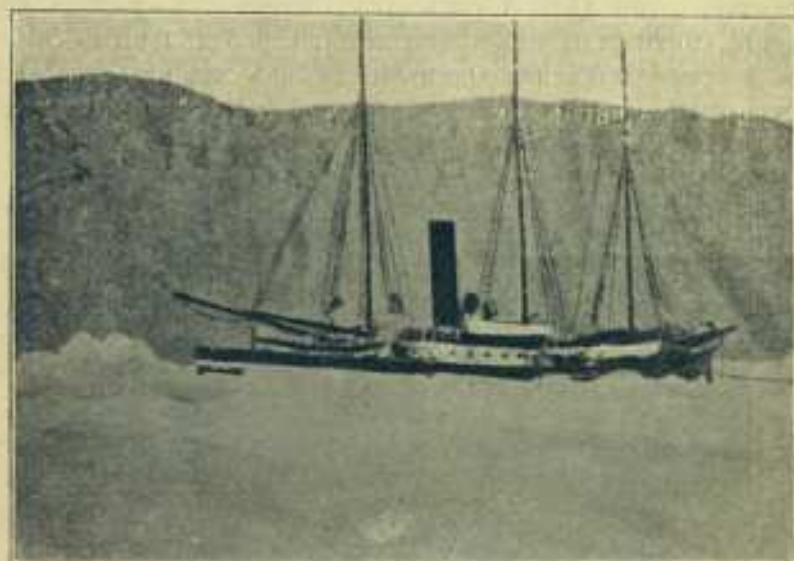
Прежде всего нужно бы-
ло собрать эскимосовъ и со-
бакъ. Начало уже было по-
ложено въ Іоркѣ. Безъ этихъ
дѣтей сѣвера и ихъ нераз-
лучныхъ спутниковъ-собакъ,
я едва ли бы достигъ своей
цѣли.

Все ихъ племя, какъ я
уже упоминалъ, состоитъ изъ
220—230 человѣкъ, но они

сильно отличаются отъ своихъ датскихъ сородичей Гренландіи.

Они, собственно говоря, дикари, но, присмотрѣвшись ближе, вы откажетесь назвать ихъ дикарями. У нихъ нѣтъ никакого правительства, но про нихъ нельзя сказать, что у нихъ нѣтъ законовъ. Они совершенно необразованны въ нашемъ смыслѣ

„Рузвельтъ“ во льду.

слова, но представляютъ высокую степень особеннаго развитія. По темпераменту совершенныя дѣти, они отличаются замѣчательною неустойчивостью, выносливостью и вѣрностью, часто до гроба. Безъ всякой, собственно, религій, не имѣя понятія о Богѣ, они готовы подѣлиться послѣднимъ кускомъ съ голоднымъ. Всѣ они здоровые, не имѣющіе понятія о пьянствѣ, не имѣющіе никакихъ дурныхъ обычаевъ, привычекъ, даже игръ. Однимъ словомъ—это народъ единственный въ своемъ родѣ на земномъ шарѣ.

Какъ живутъ эскимосы.

Хижины свои эскимосы строятъ группами, получается нѣчто въ родѣ деревни. Хорошо построенная хижина стоитъ, вѣроятно, сотни лѣтъ. А такъ какъ хозяева ихъ—народъ кочующій, то хижины ихъ принадлежать не отдѣльнымъ семьямъ, а всему племени. Одинъ годъ всѣ хижины деревни могутъ быть заняты, другой—ни одной, или одна, двѣ. Раз-

Эскимосъ въ каякѣ.

мѣры хижины—около 8 футовъ въ вышину и столько же въ длину и ширину. Полъ земляной, стѣны, главнымъ образомъ, изъ камня, проложеннаго мхомъ, потолокъ изъ длинныхъ каменныхъ плитъ, сверху утрамбовывается землею. Зимой вся хижина обваливается для тепла снѣгомъ. Маленькое отверстіе въ стѣнѣ, затянутое пузыремъ, служитъ окномъ, входъ же дѣлается всегда въ видѣ туннеля въ 10, 15 и даже 25 фут. длиною.

Въ одномъ изъ угловъ устраивается изъ каменныхъ плитъ на каменныхъ же подставкахъ постель, которая покрывается сначала травой, затѣмъ шкурами тюленей и, наконецъ, оленьими. Оленьи же шкуры служатъ и одеялами. Бѣлья эскимосы не знаютъ; на ночь раздѣваются до-гола и

въ такомъ видѣ забираются подъ одѣяло. Передъ постелью на большомъ камнѣ съ углубленіемъ горитъ постоянный огонь, источникомъ котораго является тюлений или моржовый жиръ. Онъ служитъ и для освѣщенія и нагрѣванія „иглу“. Въ противоположномъ углу отъ постели обыкновенно хранятся запасы пищи. Температура въ „иглу“ не

Эскимоска съ сыномъ.

вездѣ одинакова. На „нарахъ“ и подъ потолкомъ она колеблется отъ 35 до 40 градусовъ Реомюра, тогда какъ на полу чаще ниже точки замерзанія. Въ серединѣ потолка дѣлается маленькое вытяжное отверстіе, но, несмотря на это, въ счастливѣйшемъ „иглу“ эскимоса въ зимнее время воздухъ можно выносить лопатой.

Живутъ эскимосы очень грязно. Во время путешествія со мною на пароходѣ они дѣлали героическія усилія при случаѣ умываться водой; но дома они никогда этого не дѣлаютъ. И только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда грязь уже начинаетъ совершенно одолѣвать, они счищаютъ ее при помощи топленого жира.

Шхяверъ Томасъ Гушу и эскимось возвращаются съ охоты за зайцами.

Съ наступленіемъ лѣта стѣны и потолокъ хижины начинаютъ сырѣть; хозяева перебираются въ „тупикъ“, сдѣланный изъ оленьихъ или тюленьихъ шкуръ шерстью внутрь, которымъ и пользуются, какъ жилищемъ, приблизительно съ

1-го іюля иногда до сентября. За это время зимнія жилища просушиваютъ, для чего съ нихъ снимаются потолки и разбираются тоннели-пролазы. Средняя лѣтняя температура около 15—18 градусовъ Реомюра, и только въ самые жаркіе дни она поднимается до 35 градусовъ.

Среди эскимосовъ нѣтъ начальниковъ или старѣйшинъ. Если и пользуются еще кое-какимъ почетомъ, то это колдуны. Но и ихъ никто не любитъ, такъ какъ они знаютъ много нехорошихъ вещей, такъ, напримѣръ, они могутъ накликавъ болѣзни, смерть или другое какое-нибудь несчастье.

Никакого понятія о Богѣ, какъ Творцѣ, какъ добромъ началѣ, они не знаютъ. Объяснить это не трудно,—окружающая суровая природа не даетъ ни малѣйшаго повода къ появленію идеи о Богѣ, какъ добромъ началѣ. Они вѣрятъ только въ злого духа, какъ результатъ суровой, негостепріимной природы, вѣрятъ и при случаѣ стараются его задобрить. Такъ, при обильной охотѣ перепадаетъ кусокъ мяса и на долю злого духа, при другихъ же, менѣе благопріятныхъ случаяхъ просто стараются отогнать его, производя шумъ, иногда даже стрѣляя изъ ружей. Доброе начало, добрый духъ отождествляется эскимосами съ духомъ ихъ предковъ, которые и послѣ смерти остаются среди живыхъ и при случаѣ оказываютъ ту или иную услугу своимъ живымъ родичамъ. На ихъ же обязанности лежитъ борьба со злыми духами.

По характеру эскимосы — взрослые дѣти, и обращаться съ ними нужно, какъ съ дѣтьми. Отъ пустяка они могутъ придти въ восторгъ, но также быстро могутъ перейти и въ противоположное настроеніе. Они великіе охотники пошутить другъ надъ другомъ. Мнѣ пришлось изучить ихъ языкъ, что я и успѣлъ въ теченіе первыхъ же экспедицій. Въ отношеніяхъ къ нимъ я ставилъ себя въ положеніе старшаго къ младшимъ, но не больше, и могу утверждать, что мнѣ ни разу не пришлось въ этомъ раскаться. Въ благо-

дарность за всё оказанныя мнѣ услуги я награждалъ ихъ всѣмъ, чѣмъ могъ. Я жилъ среди нихъ почти двадцать лѣтъ, меня знали всѣ, какъ и я всѣхъ. Родители нерѣдко гово-

Эскимось.

рили своимъ дѣтямъ: „вотъ вырастешь большой, будешь хорошимъ охотникомъ, Большой Пири и наградитъ тебя за труды“.

Покупна собакъ.

И такъ, „Рузвельтъ“ покинулъ мысъ Юркъ 1-го августа, имѣя на борту нѣсколько семей эскимосовъ и около сотни

собакъ, которыхъ я закупили у эскимосовъ же. Подъ словомъ „закупили“ не слѣдуетъ подразумѣвать, что я платилъ имъ деньгами: эскимосы не имѣютъ денегъ и не знаютъ ихъ значенія. Вся ихъ торговля заключается въ обмѣнѣ одного предмета на другой. Мнѣ, напримѣръ, нужны собаки, которыхъ у эскимосовъ много, а у меня много вещей, которыя очень нужны эскимосамъ — ножи, гарпуны, котлы, спички и т. п., и мы мѣняемся.

Безъ эскимосскихъ собакъ я не могъ бы достигнуть полюса. Это удивительныя животныя. Могутъ быть собаки, конечно, красивѣе ихъ, больше ихъ, могутъ бѣжать быстрѣе, но только тогда, когда онѣ хорошо накормлены, тогда какъ эскимосскія собаки могутъ работать при самой низкой температурѣ удивительно долгое время безъ какой бы то ни было пищи. Питаются онѣ мясомъ и только мясомъ, въ чемъ я убѣдился опытомъ. Въмѣсто воды онѣ хватаютъ снѣгъ.

Собаки не имѣютъ понятія о кровѣ, зиму и лѣто остаются подъ открытымъ небомъ. И только иногда суку со щенками берутъ въ „яглу“ на нѣсколько недѣль, но не болѣе, такъ какъ черезъ мѣсяцъ уже щенки могутъ переносить какой угодно холодъ.

Слѣдующая остановка послѣ мыса Юркъ была въ бухтѣ Св. Звѣзды въ проливѣ Волстенхолма. Здѣсь я напелъ „Эрика“, который отсталъ отъ насъ нѣсколько дней тому назадъ во время бурной погоды. Здѣсь мы еще приняли на борту нѣсколько семей эскимосовъ и небольшую партію собакъ.

Проливъ Волстенхолма, по всей вѣроятности, есть наилучшее мѣсто въ мірѣ для охоты на моржей, вмѣстѣ съ тѣмъ эта охота и одна изъ опаснѣйшихъ. Охота на бѣлаго медвѣдя, по сравненію съ охотой на моржа, просто легкій спортъ, а, между тѣмъ, во время каждой экспедиціи намъ приходилось гоняться за моржами, какъ за кормомъ для собакъ.

Въ такихъ случаяхъ, какъ только кто-либо замѣчалъ стадо

Охота на моржей.

моржей, „Рузвельтъ“ тотчасъ же замедлялъ ходъ, осторожно спускалась шлюпка, въ нее садилось человекъ пять эскимосовъ съ гарпунами, нѣсколько матросовъ-гребцовъ и двое—трое изъ насъ съ ружьями. Лодка медленно и безшумно приближается къ добычѣ. Лучшій гарпунистъ на носу, у его

Мак-Милланъ тащить въ лодку 12-ти пудоваго теленка-моржа.

ногъ лежитъ кто-нибудь съ ружьемъ. Если моржи на льдинѣ и спятъ, то лодка можетъ подойти на разстояніе двухъ—трехъ саженъ отъ нихъ. Открывается бѣглый огонь изъ автоматическихъ винчестеровъ; моржи со стономъ валятся въ воду. Ихъ постигаетъ одинъ гарпунъ за другимъ. Кожанные

буй, привязанные къ концу гарпунной веревки, летятъ въ воду и въ ту же минуту исчезаютъ въ морской глубинѣ. Горе тому, кто нечаянно запутается въ веревкѣ гарпуна: онъ съ такой же быстротой, какъ и буй, исчезнетъ подъ водою. Самый опасный моментъ наступаетъ послѣ того, какъ моржи вновь покажутся на поверхности. Они съ яростью бросаются на охотниковъ; начинается отчаянная схватка. Морскія чудовища, громко фыркая, пуская цѣлыя фонтаны воды, начинаютъ, какъ таранами, бить лодку клыками, другія дѣлаютъ въ лодку и, цѣпляясь за бортъ, стараются перевернуть ее. Охотники защищаются чѣмъ попало, — топоры, багры, гарпуны и даже весла — все пускается въ ходъ, пальба идетъ все время въ упоръ... Атакѣ отбитѣ, нѣсколько непріятелей вышло изъ строя. Пробитыя мѣста лодки наскоро забиваются различнаго рода тряпками, которыя берутся на такой случай. Всѣ въ ожиданіи новой атаки, которая и начинается черезъ нѣсколько минутъ и т. д. до полного истребленія врага. По сигналу быстро подходит „Рузевельтъ“. Начинается ловля буевъ и медленное подтягиваніе мертвыхъ чудовищъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ отъ 70-ти до 120 пудовъ.

„Эрикъ“ уходитъ.

Въ ночь на 5 августа, въ ясную, солнечную ночь между островами Хаклуть и Нортумберландскими я покинулъ „Рузевельтъ“ и перешелъ на „Эрикъ“. „Рузевельтъ“ направился на сѣверъ въ Эта, а я съ Хенсономъ поплылъ вдоль береговъ, чтобы захватить еще нѣсколько человѣкъ эскимосовъ съ ихъ семьями и собаками. Собирая моихъ темнокожихъ помощниковъ, я испытывалъ какое-то смѣшанное чувство—не то удовольствія, не то печали, какъ будто предвидя, что это я дѣлаю въ послѣдній разъ. Обойдя всѣ поселенія и набравъ мнѣ нужное количество людей и собакъ, я вышелъ въ Эта, гдѣ и присоединился къ „Рузевельту“.

И не имѣлъ намѣренія забрать съ собою всѣхъ эскимосовъ на нашу зимнюю стоянку къ мысу Шеридана, а только лучшихъ, болѣе сильныхъ изъ нихъ. „Эрикъ“ пришелъ въ Эта 11-го августа, какъ разъ въ то время, когда на „Рузевельтъ“ шла генеральная чистка. Собаки были спущены на островъ, весь пароходъ былъ вымытъ, котлы спущены и наполнены свѣжей водой, топки вычищены, грузъ вновь переложень, — однимъ словомъ „Рузевельтъ“ готовился къ предстоящей борьбѣ со льдами.

Пятьдесятъ тоннъ *) угля было оставлено въ Эта для „Рузевельта“, возвращеніе котораго предполагалось черезъ годъ. Въ Эта оставлялись мною также двое изъ нашей партіи — боцманъ Марфи и мальчикъ-юнга, съ провизіей на два года.

Здѣсь ко мнѣ явился Рудольфъ Франкъ, который пришелъ сюда съ докторомъ Кукомъ въ 1907 году, и попросилъ позволенія вернуться на „Эрикъ“ домой. Онъ показалъ мнѣ и письмо доктора Кука, въ которомъ ему разрѣшалось вернуться домой въ теченіе этого лѣта. Докторъ Гудселль, освидѣтельствовавши Франка, нашелъ, что онъ боленъ цингой, и поэтому я разрѣшилъ ему сѣсть на „Эрика“. Марфи было заказано слѣдить за провизіей доктора Кука, чтобы эскимосы не растащили ее, и оказать возможную помощь самому Куку, если таковая потребуется по его возвращеніи.

18-го августа „Эрикъ“ повернулъ на югъ. Последняя нить, связывавшая насъ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, обрывалась. „До свиданія! Полнаго успѣха!“ былъ его послѣдній сигналъ.

„Рузевельтъ“, перегруженный углемъ, умѣстившій въ своемъ трюмѣ около 70-ти тоннъ китоваго мяса для собакъ, мясо и жиръ 50-ти моржей, медленно направился въ тотъ же день на сѣверъ. Море было неспокойно, дождь и снѣгъ съ

*) Тонна = 62 пуд.

рѣзкимъ юго-восточнымъ вѣтромъ застилали горизонтъ, рѣзали лицо.

Отъ Эта къ мысу Шериданъ! Вообразите, около трехъ-сотъ миль *) почти сплошного льда всевозможныхъ формъ и размѣровъ: тутъ и ледяныя горы, и плывучія поля, и мелкая шуга, каждый футъ котораго надъ водою скрываетъ семь футовъ подъ поверхностью воды. И среди этого необъятнаго,

Первая льдина послѣ Эта.

мертвенно-холоднаго ледяного пространства маленькій, чернѣйшій, какъ точка, но крѣпкій и упрямый небольшой пароходъ, рѣшившій вступить, повидимому, въ неравную борьбу съ неизмѣримо сильнѣйшимъ врагомъ. И на этомъ пароходѣ шестьдесятъ девять человѣческихъ существъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бѣлыхъ и эскимосовъ, пустившихся по загроможденному льдами заливу къ цѣли, къ достиженію которой стремились многіе отважные люди нѣсколькихъ столѣтій, обрекая себя на холодъ, голодъ и часто смерть. Днемъ

*) Англійская морская миля = $1\frac{1}{2}$ вер.

и ночью обитатели парохода слышали одну и ту же музыку — лай, визгъ, ворчаніе, возню двухъ-сотъ сорока шести дикихъ собакъ подъ глухой аккомпанементъ льдинъ, почти все время державшихъ въ осадѣ судно.

18-го августа, послѣ полудня, только что выйдя изъ Эта, мы сразу же окунулись въ туманъ. Это было начало послѣдняго этапа для „Рузевельта“, и всѣ находящіеся на его борту могли разсчитывать вернуться обратно только не раньше слѣдующаго года.

Мы подвигались подъ непокрытыми парами, мѣшалъ туманъ. Вскорѣ „Рузевельтъ“ ткнулся въ айсбергъ. Отъ ледяной плывучей горы откололась громадная глыба и медленно опрокинулась направо. Пароходъ встряхнулся, какъ мокрая собака, выскочившая изъ воды, и прошелъ между айсбергомъ и отдѣленной глыбой.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ледъ становился сплошнѣе и сплошнѣе. Въ концѣ концовъ мы были принуждены повернуть обратно и искать открытаго пути. Къ счастью, подойдя ближе къ берегу, мы увидали узкую полосу открытой воды и опять повернули на сѣверъ, держась берега.

Почти все время отъ Эта и до мыса Шеридана видны оба противоположные берега: направо — берега Гренландіи, налево — земли Элесмеръ, а сѣвернѣе — земли Гранта. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива отъ одного берега до другого всего одиннадцать миль. Это мѣсто самое опасное во всемъ проливѣ, такъ какъ почти круглый годъ забито льдами, идущими съ сѣвера.

До „Рузевельта“ только три судна прошли это опасное и трудное мѣсто, да и „Рузевельтъ“ на обратномъ пути въ 1906 году былъ сильно поврежденъ. Большую часть пути по проливу мы прошли, придерживаясь берега, такъ какъ только около берега можно найти болѣе или менѣе свободную ото льда узкую полосу открытой воды.

Проливъ и въ особенности его наиболѣе узкая часть есть

мѣсто встрѣчи прилива и отлива. Въ то время, какъ на берегахъ Полярнаго океана высота приливовъ не превышаетъ одного фута, въ узкомъ мѣстѣ пролива она достигаетъ 12—14-ти.

Съ началомъ отлива „Рузевельтъ“ обыкновенно старался идти на всѣхъ парахъ по теченію, слѣдуя между берегомъ и сплошной массой пловучаго льда посрединѣ. Но какъ только начинается приливъ, вся эта пловучая масса льда обращается вспять. „Рузевельтъ“ поспѣшно старается укрыться за неподвижными береговыми льдами, гдѣ нетерпѣливо и дожидается новаго отлива. Этотъ способъ передвиженія единственный, но и его нельзя назвать безопаснымъ, такъ какъ пароходу верѣдко угрожаетъ опасность быть раздавленнымъ между береговыми скалами и пловучей массой льда.

Во время предыдущихъ моихъ экспедицій я изучилъ всю береговую линію пролива, я зналъ всѣ болѣе опасныя мѣста, всѣ болѣе или менѣе безопасныя убѣжища. И когда, напримеръ, Бартлеттъ, капитанъ парохода, находился въ затрудненіи, пуститься дальше или нѣтъ, такъ какъ неизвестно, найдется ли тамъ подходящее убѣжище на время прилива, я, обыкновенно, приходилъ ему на помощь.

Около девяти часовъ утра, на другой день, туманъ разсѣялся, изъ-за облаковъ выглянуло солнышко, и на снѣжномъ берегу земли Еллесмеръ мы увидали хижину, мѣсто моей зимовки въ 1901-2 году.

Въ десятомъ часу вечера мы проходили мимо мыса Сабинъ (Sabine), мѣста, которое является наиболѣе мрачной станціей въ изслѣдованіи сѣвера,—здѣсь голодала и умирала медленной смертію въ 1884 году экспедиція Грили. Хижина изъ камня, построенная голодающими на сѣверномъ склонѣ мыса, виднѣется еще и теперь. Кажется, едва ли возможно отыскать болѣе мрачное, безотрадное мѣсто для зимовки, гдѣ бы то ни было на сѣверѣ. Съ сѣвера мѣсто открыто для жестокихъ вѣтровъ и непогодъ; съ юга заслонено скалами отъ лучей

солнца, со стороны пролива все время осаждается наспирающими льдами.

Отсюда на сѣверъ видѣлось столько открытой воды, что мы рѣшили идти не только на вѣхъ парахъ, но и воспользоваться парусомъ, такъ какъ дулъ попутный южный вѣтеръ. Но вскорѣ показались льды, и намъ пришлось отказаться отъ ускореннаго способа передвиженія; мало того, мы зашли въ такую гущу плывучаго льда, что остановились совсѣмъ и простояли нѣсколько часовъ, которыми мы воспользовались, чтобы запасть водой, т.-е. нарубилъ и натаскал льду.

Послѣ полудня подулъ съ юга сильный вѣтеръ, и мы вмѣстѣ со льдомъ начали двигаться на сѣверъ. Черезъ нѣсколько часовъ подъ вліяніемъ вѣтра начали образовываться прогалыны открытой воды, и, пользуясь этимъ, мы направились къ западному берегу. Вѣтеръ разыгрался, гребни волнъ, срываемаы имъ, летѣли черезъ палубу, эскимосы же серьезно заявляли, что это плыветъ на нихъ дьяволъ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы опять стояли въ сплошномъ льду.

Докторъ Гудселль, Мак-Милланъ и Борупъ были заняты распредѣленіемъ провизіи и приготовленіемъ медикаментовъ для лодокъ на всякій случай. Если бы „Рузевельтъ“ былъ раздавленъ льдами, то мы могли бы тотчасъ же спуститься въ наполненныя провизіей и медикаментами лодки и направиться обратно въ страну эскимосовъ, а оттуда на какомъ-ни-

Въ ожиданіи открытой воды.

будь китоловъ или на пароходѣ, который обѣщали послать съ углемъ Клубъ Пери, и на родину.

Еще оставляя Эта, самые необходимые предметы провизии, мы уложили на палубѣ вдоль бортовъ, такъ что при малѣйшей опасности все это могло быть выброшено на ледъ въ нѣсколько минутъ. О регулярномъ снѣ и раздѣваніи не могло быть и рѣчи. Роскошью моею каюты—ванной я такъ ни разу и не воспользовался въ теченіе всего пути отъ Эта до мыса Шеридана.

Одинъ изъ эскимосовъ Пери.

Во время этого перехода не теряли по-пусту времени и эскимосы. Каждый мужчина обязанъ былъ сдѣлать сани и упряжку для собакъ. Матеріаловъ на пароходѣ было достаточно, и эскимосы, поощряемые похвалами и наградами, работали охотно и съ любовью. Эскимоски же тѣмъ временемъ занимались шитьемъ мехового платья для всей партіи. А партія была не маленькая, — считалъ всѣхъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, 69 человекъ.

Во время шитья эскимоска обыкновенно снимаетъ одинъ сапогъ и поддерживаетъ шитье большимъ и вторымъ пальцами ноги, которые, такимъ образомъ, являются какъ бы третьей рукой. Въ работѣ своей онѣ свѣдущи и исполнѣ сознають свой авторитетъ. Такъ, когда Бартлеттъ сталъ просить, чтобы ему сшили куртку посподобнѣе, портниха съ достоинствомъ отвѣтила: «Ой, капитанъ,

положись на меня; смотри, когда пойдешь къ „Большому Гвоздю“ (Big Nail), самъ увидишь, что поплотнѣе—потеплѣе“.

По палубѣ эскимосы могли ходить, гдѣ угодно и когда вздумается, но передняя ея часть была уступлена имъ въ полное распоряженіе. Въ трюмѣ вдоль стѣнъ были устроены общія нары, на которыхъ каждая семья имѣла свое мѣсто, отдѣленное отъ другихъ тонкими досками, а спереди завѣшенное матеріей. Ъли они и готовили сами и свое; но нашъ поварь Перси часто давалъ имъ чай и кофе.

Эскимосы, казалось, готовы были ѣсть постоянно. Определеннаго времени для ѣды у нихъ нѣтъ, а каждый ѣсть, когда ему вздумается. Они очень любили толкаться на кухнѣ, и и Перси, будучи всегда къ нимъ привѣтливъ, просилъ только объ одномъ,—не мыть рукъ въ водѣ, которая предназначалась для варки мяса.

На третій день съ ранняго утра шелъ холодный, мелкій, но непрерывный дождь. Собаки сгрудились посреди палубы и беззвучно стояли съ опущенными головами, поджатыми хвостами, и только во время кормежки можно было слышать сердитое ворчаніе и изрѣдка ожесточенную грызню. Пароходъ большую часть дня стоялъ или медленно двигался вмѣстѣ со льдами. Но вотъ ледъ нѣсколько ослабѣлъ, появились прогалины воды, и мы двинулись подъ парами. Не прошли и десяти миль, какъ лопнула рулевая цѣпь. Опять остановка. Около полуночи двинулись дальше, но черезъ какихъ-нибудь полчаса были затерты льдами, среди которыхъ и простояли, вѣрнѣе — медленно двигались на востокъ весь слѣдующій день. День выдался ясный, солнечный, и мы пользовались случаемъ обсушиться. Къ вечеру ледъ опять началъ ослабѣвать, и въ девять часовъ мы двинулись дальше; но въ 11 вечера палъ густой туманъ, и мы всю ночь пробродили между льдами, то назадъ, то впередъ.

Вардуель, главный машинистъ, по полусуткамъ не выходилъ изъ машиннаго отдѣленія, слѣдя за исправностью ма-

шины. Когда приходилось проходить по щели между двумя близко плывущими льдинами, я, бывало, кричалъ съ мостика въ рупоръ:

„Чтобы не случилось, держите полный ходъ!“

Иногда „Рузевельтъ“ попадалъ въ уголь, образуемый двумя

Трудный путь.

медленно плывущими льдинами. Въ такомъ положеніи минуты кажутся вѣчностью. Внизъ отдаешь приказаніе: — „прыжокъ саженъ на двадцать пять!“ И черезъ нѣсколько секундъ чувствуешь, какъ пароходъ начинаетъ дрожать, какъ бы и на самомъ дѣлѣ намѣреваясь выполнить громадный прыжокъ...

Крушеніе судна, стиснутого между двумя льдинами, не моментально, какъ, напримѣръ, отъ дѣйствія подводной мины,

а постепенно; давленіе постепенно увеличивается съ обѣихъ сторонъ, пока не раздавить корабль. Иногда корабль выпирается льдинами кверху и къ такому положеніи держится цѣлыя сутки, послѣ чего судно опять опускается въ воду.

22-го августа мы были уже на половинѣ пути. Половина пролива пройдена почти благополучно. Что если бы и вторую половину удалось пройти также!

Но передъ нами лежали большіе испытанія. Намъ предстояло познакомиться съ настоящими туманами и выдержать жестокую борьбу съ нашимъ главнымъ врагомъ — льдомъ. Не разъ приходилось „Рузевельту“ идти на приступъ, и часто самая бѣшеная атака подвигала насъ впередъ не болѣе, какъ на длину парохода, иногда на половину, а иногда и ни одного дюйма. Не разъ „Рузевельтъ“ бывалъ стиснутъ между льдинами и дрожалъ всѣмъ корпусомъ, какъ туго натянута струна. Часто, когда судно находилось въ особенно опасномъ положеніи, эскимосы шептали свои странныя заклинанія, призывая своихъ предковъ на помощь. Изъ трюма вылъзавъ кочегаръ передохнуть свѣжимъ воздухомъ и, глядя на сплошное море льда, бормоталъ: — „ничего, съ Божіею помощію пройдемъ!“ Затѣмъ онъ исчезалъ, и черезъ минуту труба усиленно начинала дымить.

Въ болѣе опасныхъ переходахъ Бартлеттъ все время проводилъ въ „вороньемъ гнѣздѣ“, въ боченкѣ наверху главной мачты. Я становился на веревочной лѣстницѣ, какъ разъ подъ боченкомъ, и дѣлился съ нимъ своими мнѣніями относительно направленія, чтобы такимъ образомъ снять съ него часть отвѣтственности. А онъ, стоя въ боченкѣ, громкимъ голосомъ отдавалъ приказанія шкиперу и вмѣстѣ съ тѣмъ разговаривалъ съ пароходомъ, какъ съ живымъ существомъ.

„Такъ, такъ, такъ ихъ! Коли надвое! Пошелъ!.. Великолѣпно!.. Еще разъ!.. Еще!..“ И въ такія минуты казалось, что въ душѣ молодого ньюфаунлендскаго капитана оживаетъ духъ многихъ поколѣній арктическихъ борцовъ.

На шестой день намъ посчастливилось. Съ самого утра и до часу пополудни мы двигались подъ всѣми парами почти безостановочно. Но съ часу до вечера и всю ночь до четы-

Капитанъ Бартлеттъ въ „вороньемъ гнѣздѣ“.

рехъ часовъ слѣдующаго утра мы то простояли во льду, то медленно двигались вмѣстѣ со льдомъ туда, куда сносило теченіемъ. Одно время льды наѣзжали настолько настойчиво, что всѣ лодки пришлось убрать на средину парохода, такъ какъ ледъ не разъ поднимался до перилъ и выше.

Вечеромъ, послѣ ужина, докторъ Гудселлъ, Борунъ, Мак-Милланъ и двое эскимосовъ отправлялись на берегъ въ надеждѣ встрѣтить какую-нибудь дичь. Но раньше, чѣмъ они достигли берега, ледъ пришелъ въ такое движеніе, что

я рѣшилъ дать свистокъ и вернуть охотниковъ. Между тѣмъ, во льду во всѣхъ направленіяхъ начала показываться открытая вода, ледъ быстро сносило на сѣверъ. Къ счастью, охотники захватили съ собою на всякій случай багры, безъ которыхъ имъ пришлось бы очень плохо.

Опираясь на багры, они перепрыгивали съ одной льдины на другую, а въ тѣхъ случаяхъ, когда полынья была до-

Приготовленіе саней.

вольно широка, они переплывали ее на льдинахъ, цѣпляясь баграми за болѣе мелкія льдинки. Но вдругъ докторъ поскользнулся и нырнулъ въ воду. Къ нему на помощь бросился Борухъ и выдернулъ его изъ воды, но черезъ нѣсколько минутъ поскользнулся самъ и тоже принялъ холодную ванну. Пароходъ направился навстрѣчу и принялъ неудачниковъ на бортъ. Выкупавшіеся быстро переодѣлись въ сухое и черезъ четверть часа уже со смѣхомъ рассказывали о своемъ плаваніи...

Меня часто спрашивали по возвращеніи изъ экспедиціи, какъ проводили свободное время члены партіи. Главное занятіе и вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствіе новыхъ членовъ было изученіе эскимосскаго языка. Учителями являлись сами эски-

Эскимоска за ѣдой.

мосы—мужчины и женщины, а пояснителемъ-переводчикомъ былъ Хансонъ, который говорилъ по-эскимосски такъ же свободно, какъ и на родномъ языкѣ. Бывало, стоя на капитанскомъ мостикѣ, видишь, какъ внизу на палубѣ нѣсколько новичковъ образуютъ около себя толпу эскимосовъ. Черезъ нѣсколько минутъ эскимосы уже усиленно смѣются и жестикулируютъ—это значитъ—ученіе началось. Женщины осо-

бенно любили заниматься съ Борупомъ, такъ какъ онъ казался имъ очень ужъ славнымъ малымъ.

Но главное удовольствіе намъ всѣмъ доставляло піанно. Очень часто, послѣ напряженной работы среди льдовъ, я

На посту.

открывалъ дверь моей каюты и садился къ піаноло. Музыка производила поразительное впечатлѣніе на всѣхъ. Эскимосы, какъ очарованные, обыкновенно тѣсно толпились передъ дверью. Особенно имъ нравился вальсъ „Дунайскія волны“ и звуки „Фауста“.

Слѣдующій день казался безконечнымъ, дулъ рѣзкій, но сырой сѣверо-восточный вѣтеръ, который съ каждымъ часомъ становился все свирѣпѣе и свирѣпѣе. Мы стояли въ заливѣ Линькольна. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ двигался ледъ, но мы были подъ защитой большой льдины, стоявшей на мели.

И еще день, а мы все стояли на одномъ мѣстѣ. Но вотъ подъ вліяніемъ прилива и вѣтра, льдина, которая служила для насъ защитой, снялась съ мѣста и поплыла. Пришлось быстро снять причалы и искать другого убѣжища. Нашли, но не успѣли причалить, какъ наша пристань опять поплыла. Пришлось опять пробиваться къ новому защитному пункту и такъ до четырехъ разъ. „Рузевельтъ“ самъ за это время дважды сѣлъ на мель; пятакъ назадъ, наскочилъ на льдину и поломалъ руль; плывшій мимо айсбергъ разрушилъ мимоходомъ, какъ бы злорадно шутя, перила.

29-ое августа, воскресенье. Цѣлый день ни шагу впередъ.

Борьба со льдомъ при помощи динамита.

Я думаю, что ни одинъ изъ членовъ экспедиціи не забудетъ слѣдующаго дня, 30-го августа. Рузевельтъ выдержалъ форменную ледяную атаку, получая удары со всѣхъ сторонъ. Нападеніе началось часу въ четвертомъ утра. Я лежалъ въ своей каютѣ и дремалъ. Раздѣваться не приходилось уже цѣлую недѣлю. Мой отдыхъ былъ прерванъ рѣзкимъ и сильнымъ ударомъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже былъ на палубѣ. Пароходъ сильно накренился на правый бортъ. Я бросился, скорѣе вскарабкался, на лѣвый бортъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Громадная льдина, увлекаемая теченіемъ прилива, со всего размаху такъ ударилась въ стоящій на мели айсбергъ, къ которому причалилъ „Рузевельтъ“, что сдвинула, какъ игрушку, айсбергъ и со всею силою толкнула на пароходъ. Качнувшійся пароходъ ударился въ другой айсбергъ и черезъ нѣсколько секундъ былъ стиснутъ съ обѣихъ сторонъ.

Сравнительно скоро давленіе уменьшилось, и „Рузвельтъ“ опять принялъ свое нормальное положеніе. Не успѣли мы успокоиться, какъ громадный айсбергъ, проходившій мимо насъ, съ шумомъ распался на двое. Одна изъ половинокъ опро-

Въ убіжищѣ.

кинулась въ нашу сторону. У всѣхъ на мгновеніе захватило дыханіе, но льдина пролетѣла на разстояніи одного, двухъ футовъ отъ борта парохода.

„Айсбергъ слѣва, айсбергъ справа, айсбергъ сзади,—спе-

реди^а, раздавалось со всѣхъ сторонъ, когда мы немного успокоились.

Пароходъ находился теперь въ полной власти льда, который съ новою силой опять началъ напирать со стороны пролива. „Рузевельтъ“ накренился опять на правый бортъ. Было очевидно, что если давленіе не уменьшится, то мы постепенно будемъ выбиты на берегъ, а это значило, что потомъ пришлось бы потратить значительную часть угля на то, чтобы снять пароходъ съ мели, поэтому я рѣшился взорвать ледъ.

О своемъ намѣреніи я сообщилъ Бартлетту. Привесли динамитъ, баттарей и провода. Мы заложили нѣсколько патроновъ въ щелихъ ближайшаго айсберга, провода соединили съ баттареей и попросили всѣхъ убраться подальше. Быстрое нажатіе кнопки, и трахъ! бумъ-бумъ! Пароходъ встряхнуло, какъ тарелку желе, массы льда гейзерами полетѣли на сотни футовъ вверхъ.

Давленіе на борта парохода ослабѣло, онъ выправился и стоялъ теперь на подушкѣ разрушеннаго льда въ ожиданіи, что будетъ дальше.

Во время закладки динамита лица эскимосовъ были очень серьезны, во все время приготовленій они держались дальше другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже были свидѣтелями подобныхъ взрывовъ во время предыдущихъ экспедицій. Когда проволоки были соединены, я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ съ трепетомъ зывалъ къ духу своего умершаго дяди.

Когда вода спала, „Рузевельтъ“ оказался на мели. Стоя на килѣ, онъ накренился сначала на одинъ бортъ, а потомъ, подпираемый опять льдомъ, перевалился на другой. Дѣти эскимосовъ, собаки, ящики и даже мы сами перебрасывались съ одного борта на другой.

Во время прилива сдѣлали попытку снять пароходъ съ мели. Для этого прикрѣпили тяжелый канатъ съ „Рузевельта“ къ пловучему айсбергу, и дали полный ходъ. Нѣкоторое время пароходъ только дрожалъ, но ни съ мѣста.

Наконецъ соединенныя усилія пара и айсберга увѣнчались успѣхомъ.— „Рузвельтъ“ сошелъ съ мели и выправился. Но кругомъ была такая масса льду, что о движеніи впередъ нечего было и думать. Намъ каждую минуту грозила опасность опять быть выпертыми на берегъ.

Положеніе становилось серьезнымъ не на шутку, хотя я и былъ увѣренъ, что рано или поздно ледъ послабнѣетъ и намъ удастся пробраться нѣсколько оставшихся миль до мыса Шеридана, а, можетъ быть, нѣсколько и дальше, до пункта на 25 миль къ сѣв.-западу, который я облюбовалъ во время предыдущей экспедиціи.

Перваго сентября ледъ, казалось, двигался значительно медленнѣе, спокойнѣе. Передъ вечеромъ я послалъ Мак-Миллана на береговныя скалы, и онъ, возвратившись, сказалъ, что дальше виднѣются значительныя пространства открытой воды.

Наконецъ, втораго сентября, около полуночи, мы выбрались изъ залива Линкольна, гдѣ простояли цѣлыхъ десять сутокъ. Двигаясь то впередъ, то назадъ, кое-какъ пробили ледяной заторъ и узкимъ протокомъ открытой воды двинулись на сѣверъ. Всѣ чувствовали себя, какъ узникъ, получившій свободу. Около Чернаго мыса пароходъ опять затерло льдами. 4-го сентября ледъ какъ будто ослабѣлъ, мы, было, двинулись дальше, но, не пройдя и мили, принуждены были вернуться обратно на прежнее мѣсто. Возвращеніе не обошлось даромъ,—одну лодку съ праваго борта раздавило проходившимъ айсбергомъ, уголъ другого айсберга ударился о нашъ палубный домикъ и почти оторвалъ его отъ палубы. Вечеромъ, вмѣстѣ съ отливомъ, мы опять двинулись впередъ. Еще нѣсколько миль, только нѣсколько миль. Всѣми овладѣло нетерпѣніе. Еще остановка.

5-го сентября, въ три часа утра опять подвижка. И это была послѣдняя. Впереди красуется мысъ Шеридана. Въ 7 часовъ утра мы уже обходимъ его. Впереди пространства

открытой воды. Здѣсь остановиться или двинуться дальше. Даю приказъ—дальше!

Но черезъ двѣ мили—неприступный барьеръ льда. Поне-

Установка зимовья на мысѣ Шеридана.

волѣ приходится вернуться. Мысѣ Шеридана—наша зимовка. Начинается постановка „Рузевельта“ на отдыхъ.

Первая часть экспедиціи выполнена.

Приготовленіе къ зимовкѣ.

Прежде всего пароходъ освободили отъ собакъ, присутствіе которыхъ являлось самой большой несприятностью. Ихъ просто выбрасывали черезъ бортъ на ледъ, и онѣ, обрадовавшись свободѣ, разбѣжались, кувыркаясь въ снѣгу, во всѣ стороны. Пароходъ вымыли. На зимовку „Рузевельта“ завели въ узкую щель во льду. Чтобы держать его подальше отъ плывучихъ льдовъ, мы рѣшили расширить щель и отвести пароходъ возможно ближе къ берегу. Въ дѣло пустили то-

поры, пелви, пилы, и работа закинула. Пользуясь приливами, Бартлетт поставилъ въ концѣ-концовъ пароходъ въ очень безопасное мѣсто. Началась разгрузка ящиковъ. Ящики съ китовиной вытаскивались на берегъ и складывались въ громадныя кучи, которыя кругомъ обкладывались мѣшками каменнаго угля. Лодки были вытаснены на берегъ и перевернуты кверху дномъ. Изъ ящиковъ же съ провизіей для людей мы построили хижину такимъ образомъ, что крышки

Остановка во время охоты.

всѣхъ ящиковъ были обращены внутрь хижины, т. е. изъ любого ящика можно было доставать провизію во всякое время. Вся хижина напоминала магазинъ футовъ пятнадцать въ ширину и тридцать въ длину. Парусинный потолокъ поддерживался мачтами отъ лодокъ и баграми. Съ боковъ и сверху каждая хижина обваливалась снѣгомъ. Для каждой хижины имѣлась керосиновая печь. Имѣя провизію на берегу, мы находились въ меньшей зависимости отъ судьбы „Руэвельта“. Даже если бы пароходъ былъ раздавленъ льдами, это не могло бы служить препятствіемъ нашему дальнѣйшему движенію на сѣверъ. Разница только та, что на обратномъ пути отъ мыса Шеридана и до Эга намъ пришлось бы

блать на собакахъ, а не на пароходѣ. Если же „Рузвельтъ“ уцѣлѣетъ, то хижины могутъ служить хорошими мастерскими въ теченіе длинной и темной зимней ночи.

Во время разгрузки я нѣсколько разъ посылалъ маленькія охотничьи партіи за дичью, но онѣ одна за другой возвращались съ пустыми руками, если не считать нѣсколькихъ зайцевъ. Мускатныхъ быковъ не было и слѣда. Я начиналъ

опасаться, что охота во время предыдущей экспедиціи не заставила ли животныхъ уйти подальше отъ этихъ мѣстъ.

Эскимоски были болѣе счастливы. Въ разставленные ими ловушки онѣ поймали около сорока лисицъ. Вторымъ ихъ промысломъ и тоже болѣе или менѣе удачнымъ была рыбная ловля. Способъ ловли очень интересенъ. Ловятъ на „дорожку“, т. е. на металлическую пластинку въ видѣ рыбки, которая привязывается къ короткой бечевкѣ и опускается въ прорубь.

„Рузвельтъ“, охваченный льдами.

Рыба, привлеченная появленіемъ блестящей пластинки, поднимается вверхъ и подходитъ къ приманкѣ. Въ это время рыболовъ мѣткимъ ударомъ остроги пронзаетъ рыбу и выбрасываетъ на ледъ. Благодаря отсутствію металла, острога состоитъ изъ одного остроя, чаще всего изъ стараго гвоздя съ разрубкой на концѣ. По ту сторону и по другую гвоздя, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, къ древку привязываются два отростка оленьяго рога, такъ что въ концѣ концовъ получается трезубецъ, но съ однимъ остреемъ, боковые же только удерживаютъ нѣсколько добычу съ боковъ. Самой обыкновенной рыбой у насъ была чудная семга.

Перевозка провизіи къ мысу Колумбія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разгрузки мы начали приучать собакъ къ привязи, — необходимо было начинать перевозить часть провизіи къ мысу Колумбія, откуда я намѣревался весною выступить къ Полюсу. Наша одежда теперь цѣликомъ мѣнялась на эскимосскую. Съ собою мы привезли изъ Америки порядочный запасъ мичиганскихъ овечьихъ шкуръ, изъ которыхъ эскимоски нашили намъ нѣчто въ родѣ короткихъ куртокъ, надѣвавшихся, какъ мѣшокъ, съ головы. Къ воротнику куртки пришивалась мѣховая шапка, которая съ лицевой стороны обшивалась кольцомъ лисьихъ хвостовъ. Точно такія же куртки эскимосы шили изъ лисьихъ и оленьихъ шкуръ, болѣе теплыхъ, чѣмъ овечьи, и которыми мы пользовались во время сильныхъ холодовъ. Штаны обыкновенно шились изъ шкуры медвѣдя, поэтому и мы не отступали отъ этого обычая. Далѣе на ноги надѣвались заячьи чулки, а сверху изъ тюленьей шкуры сапоги. Въмѣсто бѣлыхъ эскимосы надѣваютъ мѣховую рубашку изъ шкуры молодого оленя, мѣхомъ внутрь. Если ко всему этому прибавить еще большія мѣховыя рукавицы, то это и будетъ наше полное одѣяніе.

Главной работой въ теченіе осени была перевозка провизіи къ мысу Колумбія, самому сѣверному пункту земли Гранта, лежащему въ 90 миляхъ на сѣверо-западъ отъ мыса Шеридана. Способъ перевозки былъ принятъ мною слѣдующій: грузъ перевозится небольшими обозами, причемъ первый обозъ дѣлаетъ только одинъ переходъ (отъ 20—30 миль), сваливаетъ грузъ и возвращается обратно. Слѣдующій обозъ дѣлаетъ два перехода, сваливаетъ грузъ и возвращается за грузомъ, оставленнымъ первымъ обозомъ; доставляетъ его до второго привала и возвращается къ мѣсту зимовки. Третій обозъ дѣлаетъ три перехода и затѣмъ возвращается за остав-

Убитый бѣлый медвѣдь.

леннымъ предыдущей партіей и т. д., вплоть до мыса Колумбія. Удобство подобнаго способа перевозки заключается въ томъ, что партіи все время встрѣчаются другъ съ другомъ, не чувствуя оторванности отъ всѣхъ и всегда зная, какъ идутъ дѣла.

Вся работа производится на собакахъ при помощи эскимосовъ. Въ каждыя сани обыкновенно запрягается отъ 8 до 12 собакъ. Кучеръ обыкновенно идетъ пѣшкомъ или стоитъ на запяткахъ. Все управление совершается при помощи длиннаго отъ 12 до 18 футовъ кнута и окриковъ: хауз, хауз, хауз (направо), ашу, ашу, ашу (налѣво), хукъ, хукъ, хукъ (пошелъ, или ну!). Если собаки зашалаютъ, то призывъ къ порядку выражается протяжнымъ крикомъ—ха-у-у-у.

Обозъ съ провизией.

Каждый эскимосъ является настоящимъ виртуозомъ, какъ только громадной длины кнутъ попадаетъ ему въ руки. Онъ съ удивительною точностью можетъ ударить любую собаку изъ упряжки, какъ будто бы она находилась отъ него на разстояніи 2—3-хъ футовъ.

Но все хорошо, пока собаки спокойны и слушаются кучера. Сами эскимосы склонны вѣрить, что иногда въ собакъ вселяется дьяволъ, и тогда никто не въ силахъ совладать съ ними. Самый любимый фокусъ, который онѣ любятъ преподносить время отъ времени своему хозяину, — чехарда, когда собаки, находясь въ упряжкѣ, начинаютъ съ поразительной быстротою и настойчивостью прыгать другъ черезъ друга. Въ нѣсколько минутъ онѣ сбиваются въ одну копо-

шающую, лающую и визжащую кучу. Постройки перепутываются настолько, что Гордиевъ узелъ, по сравненію съ ними—сущій пустякъ. И извольте-ка во время трескучаго мороза снимать рукавицы и приводить въ порядокъ эту живую, очумѣвшую кучу тѣлъ. Чаше всего такіе инциденты случаются съ новичками. Какъ сейчасъ вижу одного злополучнаго члена нашей экспедиціи, не хочу называть его имени,

Упряжка въ 8 собакъ.

возвратившагося на зимовку и безъ собакъ, и безъ саней. Собаки вернулись раньше его, а сами остались въ нѣсколькихъ миляхъ, гдѣ собакамъ вздумалось поиграть въ чехарду. Неопытный возница, думая облегчить себѣ трудъ по распутыванію упряжки, взялъ да и отвязалъ ее отъ саней, а она, почувствовавъ свободу, тотчасъ же повернула обратно и была такова. Несчастный возница подъ аккомпанементъ шутокъ и смѣха со стороны эскимосовъ забралъ свою свору и отправился обратно къ покинутымъ санямъ.

Вся осень, собственно, и предназначалась для того, чтобы, занимаясь дѣломъ, въ то же время приучить новичковъ чле-

Эскимосская собака съ ляжкой на плечахъ.

новъ экспедиціи ко всѣмъ непріятностямъ полярнаго путешествія, какъ-то: обмороживанію ушей, носа, пальцевъ и, наконецъ, потерѣ собакъ.

16-го сентября я отправилъ первую партію. Въ нее вошли—

докторъ Гудселль, Марвинъ и Борунъ, тринадцать эскимосовъ, шестнадцать саней и около двухъ сотъ собакъ. День былъ ясный, тихій, солнечный. Весь обозъ представлялъ чудную картину, особенно издали, откуда доносится гомонъ эскимосовъ, слышится то хукъ, хукъ, хукъ, то ашу, ашу, то хауэ и поскрипываніе саней.

Первая партія въ тотъ же день вернулась обратно съ пустыми санями, а на слѣдующій день прибыли двѣ охотничьи

Охотничья партія съ добычей.

партіи эскимосовъ, принеся съ собою трехъ оленей, шесть зайцевъ и двухъ утокъ; но ни та, ни другая партія не замѣтила слѣдовъ мускатнаго быка.

18-го сентября вышла вторая партія, которая должна была дойти до мыса Ричардсона, оставить грузъ и вернуться до мыса Белкапъ, чтобы доставить кладъ первой партіи и затѣмъ уже вернуться на пароходъ. Такимъ образомъ одну ночь приходилось провести въ полѣ и спать въ парусиновой палаткѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что для новичка

это была одна изъ безпокойнѣйшихъ ночей. Ледъ все время таинственно потрескиваетъ, собаки лаютъ и возятся на привязи; въ маленькой палаткѣ, занимаемой обыкновенно тремя эскимосами и однимъ бѣлымъ, всю ночь горитъ керосиновая печка, воздухъ не столько холоденъ, сколько душенъ. Нерѣдко среди ночи эскимосы начинаютъ бесѣдовать со своими предками. Напряженный слухъ старается уловить отдаленный волчій вой...

Палатки, въ которыхъ намъ приходилось проводить ночи, сдѣланы были изъ легкой, особенно плотной парусины. Полъ палатки дѣлался тоже изъ парусины и плотно пришивался къ стѣнкамъ. Вырѣзъ для входа закрывался особымъ клапаномъ, такъ что палатка становилась совершенно недоступной для снѣга. Для установки требовался только одинъ центральный колъ, на который надѣвалась парусина, а нижніе концы обыкновенно придавливались саними. Спать приходилось, не раздѣваясь, завернувшись въ одѣяло изъ оленьихъ и мускатныхъ быковъ шкуръ. Общезвѣстныхъ мѣшковъ для сна я не употреблялъ съ экспедиціи 1891-2 года.

Наша походная кухня состояла изъ керосиновой съ двумя 4-хъ дюймовыми горѣлками печи, сверху которой одѣвались двѣ—одна въ другую—жестянки изъ-подъ масла, и все это помещалось въ деревянный ящикъ, съ крышкой. На ночевкѣ ящикъ, перевернутый вверхъ дномъ, служилъ столомъ, крышка подвѣшивалась надъ печкой, предохраняя парусину отъ возгорания, а изъ жестянокъ одна служила для чая, другая для варки ужина. Чайную и обѣденную посуду замѣняла большая кружка для каждого. Чайная ложка одна на четверыхъ, а вмѣсто вилки—охотничій ножъ.

Практика предыдущихъ экспедицій показала, что ѣсть выгоднѣе всего дважды въ день—утромъ и вечеромъ. А такъ какъ день быстро сокращается, то ѣсть приходится утромъ до разсвѣта и вечеромъ послѣ захода солнца съ тѣмъ, чтобы весь день оставить исключительно для работы. Въ исключи-

тельныхъ условіяхъ приходится идти по 24 часа, не останавливаясь для ѣды.

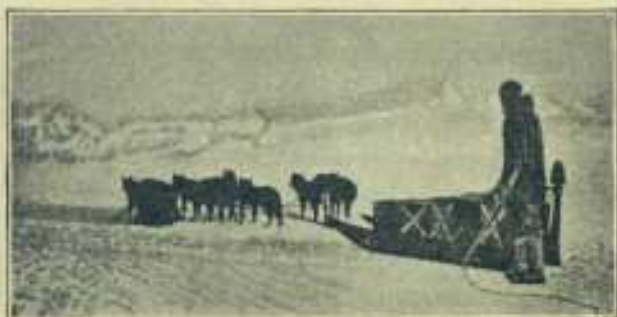
Партія, ушедшая до мыса Ричардсона, вернулась вечеромъ 19-го, а 21-го они съ девятнадцатью эскимосами, на 22-хъ саняхъ, повезли 6.600 фунтовъ собачьяго пеммикана до залива Портера. Мак-Милланъ, страдая инфлуэнціей, не принималъ никакого участія въ осеннихъ работахъ. Третья партія вернулась 24-го сентября, съ богатою добычею изъ 14-ти убитыхъ оленей.

Мак-Милланъ производитъ метеорологическія наблюденія на мысѣ Шеридана.

28-ое сентября было великимъ исходомъ съ „Рузевельта“; Хенсонъ съ тремя эскимосами отправился на охоту къ сѣверному берегу озера Хазена; Марвинъ съ другой тройкой рѣшилъ изслѣдовать восточный и южный берега; а капитанъ Бартлеттъ, докторъ Гудсалль и Борунъ съ 9-ю эскимосами направились прямо къ мысу Колумбія. Что касается меня, то я рѣшилъ остаться въ сторонѣ, предоставляя охоту и ѣзду на собакахъ болѣе молодымъ членамъ экспедиціи. Мнѣ хотѣлось остаться на „Рузевельтѣ“, чтобы въ тишинѣ спокойно заняться планомъ окончательнаго весенняго набѣга на По-

люсь. Да меня и не тянуло никогда къ систематической тренировкѣ, такъ-какъ я не вѣрю въ нее. Мое тѣло всегда готово было слѣдовать за моей волей, была бы пища въ желудкѣ. Моя зимняя работа главнымъ образомъ состояла изъ математическихъ расчетовъ количества провіанта, необходимаго для набѣга и вычисленія разстоянія. Вѣдь только голодъ заставилъ меня вернуться отъ 87°6. Голодъ, а не холодъ есть драконъ, который стережетъ Полюсь отъ взора смертныхъ.

Маршрутъ на пути къ мысу Колумбія.

За всю осень и зиму я только однажды оставилъ пароходъ. Это было въ октябрѣ, когда я рѣшился изслѣдовать періодъ Клемента Маркгама. Еще въ 1902 году, оглябая мысъ Гекла и заглядывая въ неизвѣданныую глубину фіорда, я испытывалъ непреодолимое желаніе проникнуть въ него. Во время послѣдующихъ экспедицій я дважды отправлялся съ цѣлью изслѣдованія его, но то дурная погода, то безпокойство о судьбѣ „Рузвельта“, заставляло меня отказаться отъ намѣренія. Теперь пароходъ былъ въ безопасномъ мѣстѣ и, хотя солнышко скользило уже по горизонту, напоминая намъ о надвигающейся длинной полярной ночи, я рѣшился совершить поѣздку.

Я выѣхалъ 1-го октября. Со мною было трое самоѣдовъ и трое саней съ упряжкой въ десять собакъ каждая. Провизіи взяли только на двѣ недѣли. Налегкѣ, по проложенному слѣду предыдущими партіями, мы быстро подвигались впередъ. Въ заливѣ Портера заночевали въ палаткѣ, поставленной первыми партіями. На другой день пересѣкли перешеекъ и спустились опять на ледъ залива Джемсъ Росса. Прекрасныя, хорошо накормленныя собаки весело бѣжали впередъ!

Около палатки.

Погода стояла чудная; низкое солнышко бросало фантастическія тѣни отъ людей, саней и собакъ.

За оленемъ.

Вдругъ зоркій глазъ эскимоса замѣтилъ вдали, на склонѣ холма, какую-то движущуюся точку. „Тукъ-ту-у!“ крикнулъ онъ, и обозъ тотчасъ же остановился, какъ вкопанный. Зная, что за одиночкой оленемъ трудно гоняться, я отказался отъ этого удовольствія, но вручилъ по винчестеру двумъ молодымъ эскимосамъ и отправилъ ихъ. Только я успѣлъ сказать, они бросились по направленію къ дичи и, низко наги-

баясь, пустились впередъ, какъ собаки, спущенныя съ привязи. Они пустились съ тѣмъ, чтобы пересѣчь путь оленю.

Я слѣдилъ за ними въ бинокль. Олень, замѣтивъ людей, пустился въ другомъ направленіи, время отъ времени испуганно оглядываясь. Но вотъ олень быстро повернулся головой къ преслѣдователямъ и остановился. Я тотчасъ же рѣшилъ, что охотники издали тотъ магическій звукъ, которому они научаются отъ отцовъ, услышавъ который олень-самецъ не можетъ не остановиться. Въ общемъ онъ похожъ на фырканье кошки, только болѣе продолжительное. Въ тотъ же моментъ я увидѣлъ, что эскимосы уже цѣлятся. Еще моментъ, и животное падаетъ.

Собаки все время были на сторожѣ. Но какъ только раздался выстрѣлъ, онѣ тотчасъ же бросились на берегъ, и черезъ минуту мы уже неслись по холмамъ и сугробамъ, какъ будто на-порожнѣ. Когда мы достигли охотниковъ, они уже стояли около убитаго оленя. Я попросилъ ихъ не трогать его, такъ какъ мнѣ хотѣлось снять съ него фотографію. Это было чудное животное, почти бѣлоснѣжнаго цвѣта, съ роскошными вѣтвистыми рогами. Тотчасъ же послѣ фотографирования эскимосы принялись сдирать шкуру.

Мясо оставили здѣсь же зарытымъ въ снѣгу, чтобы взять его на обратномъ пути, а сами, захвативши шкуру, направились далѣе. Пересѣкли узкій перешеекъ Парру и, спустившись опять на ледъ, заночевали.

На другой день, придерживаясь восточнаго берега залива, мы направились вслѣбъ фіорда. Берега фіорда считались странною мускатваго быка. Мы не опускали взоровъ съ берега, но не видали ни одного животного. Еще мила, другая, и мы напали на слѣдъ пары оленей. Еще немного, и мы были остановлены взволнованнымъ шопотомъ эскимоса: — „Накукса!“

Ваоры всѣхъ устремились по направленію, указываемому Эгннтва. Вдали двигалось бѣловато-желтое существо — по-

лярный медвѣдь. Ничто такъ, кажется, не возмущаетъ эскимосовъ, какъ видъ медвѣдя. Въ то время, какъ я съ поднятымъ кнутомъ въ той и другой рукѣ стоялъ передъ собаками, эскимосы торопливо обрасывали все съ саней.

Какъ только разгрузка кончилась, я опустил кнуты и отступилъ въ сторону. Въ ту же минуту передняя упряжка сорвалась съ мѣста, за нею вторая и третья. Я на-лѣту упалъ въ сани, и началась бѣшеная скачка.

Медвѣдь увидалъ насъ и быстро направился къ противоположному берегу залива. На средняѣ залива снѣгъ пошелъ нѣсколько глубже, и наша погоня нѣсколько замедлилась. Но это было не надолго, собаки напали на слѣдъ медвѣдя, и тогда уже ничто не могло удержать ихъ.

Ублудъ, стоя на запяткахъ саней, далеко оставилъ насъ позади и достигъ противоположнаго берега одновременно съ медвѣдемъ. Онъ тотчасъ же отступилъ собакъ и далъ имъ свободу. Мы издали могли видѣть, какъ онъ, едва замѣтныя точки на снѣгу, быстро карабкался по крутому склону.

Раньше чѣмъ мы добрались до берега, Ублудъ уже былъ на вершинѣ и указывалъ намъ, чтобы мы направились кругомъ, такъ какъ это былъ островъ. Когда мы обогнули островъ, медвѣдь уже спускался опять на ледъ и направлялся къ противоположному берегу, преслѣдуемый Ублудомъ и его собаками.

Медвѣдь, одержимый «нечистымъ».

Что болѣе всего удивляло моего спутника по санямъ, эскимоса Эгингва, такъ это то, что медвѣдь, преслѣдуемый собаками, не останавливался, какъ то дѣлаютъ всегда полярные медвѣди, а продолжалъ все время отъ нихъ улепетывать. Для Эгингва это было яснымъ доказательствомъ, что медвѣдь одержимъ нечистымъ, что самъ ужасный Торнареукъ поселился въ немъ. При одной мысли, что приходится гнаться за самымъ дьяволомъ, Эгингва страшно волновался.

По другую сторону острова опять начался глубокий снѣгъ и наша погоня замедлилась. Когда мы, наконецъ, достигли западнаго берега фіорда, Ублукъ уже поднялся наверхъ и скрылся съ собаками. Мы тотчасъ отпрягли нашихъ, и собаки по горчымъ слѣдамъ взвились вверхъ. Мы за ними.

Бѣлый медвѣдь.

Наверху мы вскорѣ достигли глубокаго обрыва. По лаю мы догадывались, что медвѣдь и собаки подъ обрывомъ, но спускаться не только я, но и эскимосы не рѣшились, такъ какъ спускъ былъ почти по отвѣсу. Отыскивая мѣсто, гдѣ бы спуститься, я услыхалъ крикъ Эгингва, что медвѣдь уже под-

нимается изъ пропасти на другую сторону. Быстро шагая по обрыву, то проваливаясь въ снѣгу, то перескакивая съ камня на камень, я вдругъ увидѣлъ медвѣдя, можетъ быть, саженихъ въ пятидесяти отъ меня. Я прицѣлился и выпустилъ одну за другою двѣ пули, но, видимо будучи взволнованъ и второяхъ, оба раза промахнулся. Медвѣдь, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ подниматься вверхъ по обрыву, должно быть, и на самомъ дѣлѣ въ него засѣлъ Торнарсукъ.

Прыгая по камнямъ, я страшно отшибъ себѣ пальцы (пальцы ногъ были сильно отморожены еще въ 1899 году) и лично для себя рѣшилъ прекратить погоню.

Передавъ свое ружье Эгингва, я спустился обратно на ледъ и, захвативъ одинъ пустыхъ сани, потащился вдоль берега. Вскорѣ со стороны берега послышался крикъ, а черезъ нѣсколько минутъ показались и сами эскимосы, сигнализируя руками, что съ медвѣдемъ покончено. Впереди меня, налѣво, видѣлась глубокая лощина; я дотщился до нея и остановился. Черезъ нѣсколько минутъ эскимосы уже спустились въ лощину. Смертельно уставшія собаки, на постромкахъ, какъ сани, тащили мертвого медвѣдя. Все это представляло довольно оригинальное зрѣлище: глубокая, обставленная темными скалами, узкая лощина, внизу глубоко засыпанная снѣгомъ, а съ боковъ только обрамленная имъ кое-гдѣ по мелкимъ уступамъ, и изъ глубины ея показывающіяся собаки со своей необычной добычей, и оживленно разговаривающіе, жестикулирующіе эскимосы.

Вскорѣ, съ тщательно снятой шкурой медвѣдя и частью мяса (другую и большую часть оставили зарытой въ снѣгу), мы вернулись къ тому мѣсту, гдѣ впервые увидали медвѣдя. Такъ какъ всѣ были страшно утомлены, то я рѣшилъ переночевать здѣсь. Поставили палатку, затопили печь и... приготовили великолѣпный ужинъ изъ медвѣжатины, особенно сочной отъ недавняго пребыванія въ ней злого Торнарсука.

Наконецъ, мускатные быки.

На другой день не успѣли мы сдѣлать шести-семи миль, какъ я и Ублукъ одновременно увидали на восточномъ берегу фіорда темныя пятна.

„Умингмуксу!“ взволнованно произнесъ Ублукъ. Я съ удовольствіемъ подтвердилъ его предположеніе.

Для опытнаго охотника съ одной парой собакъ увидѣть мускатнаго быка все равно, что уже имѣть его. Возможно, что придется гнаться по самымъ отчаяннымъ мѣстамъ, противъ вѣтра, въ страшный холодъ, но конецъ всегда обезпеченъ, — въ рукахъ охотника будутъ шкура, рога и прекрасное сочное мясо.

Что касается лично меня, то я никогда не смотрѣлъ на охоту за мускатными быками, какъ на удовольствіе, своего рода спортъ, но очень часто при видѣ ихъ призракъ голодной смерти быстро отодвигался и блѣднѣлъ, и огонь жизни опять начиналъ теплится впереди. Только благодаря мясу мускатныхъ быковъ, я остался живъ въ 1899 году. Не напади бы я на слѣдъ мускатныхъ быковъ въ 1906 году, кости мои были бы уже похоронены въ широкой сибѣжной пустынѣ.

Мы со всею поспѣшностью пустились впередъ. Теперь уже мы ясно могли пересчитать ихъ. Пять ходило вмѣстѣ, почти вплотную, и шестой нѣсколько въ сторонѣ. Не доѣзжая, такъ около мили, мы спустили пару собакъ. Онѣ уже давно рвались, такъ какъ тоже замѣтили быковъ и прекрасно понимали, что это значитъ, а потому, какъ только онѣ почувствовали свободу, онѣ повеслись, какъ стрѣлы, вынущенныя изъ лука.

Мы неслись слѣдомъ, зная, что къ нашему приходу стадо уже собьется въ кучу. Одиночка быкъ, при видѣ собакъ, часто бросается къ ближайшей скалѣ, становится къ ней задомъ и рогами защищается противъ враговъ; тогда какъ стадо сбивается въ кучу посреди равнины, хвостами вмѣстѣ,

головами къ врагу. Затѣмъ быкъ-вожакъ выступаетъ впередъ и сражается съ собаками. Какъ только вожака убиваютъ, его мѣсто заступается другимъ и т. д.

Нѣсколько минутъ спустя, я уже стоялъ, какъ бывало и во время предыдущихъ экспедицій, передъ кучкой лохматыхъ животныхъ, уставившихся на меня рогами. Я нажалъ на спускъ, и вожакъ медленно опустился на колѣна. Его мѣсто тотчасъ же заняла корова, которую я такъ же уложилъ однимъ выстрѣломъ. Въ нѣсколько минутъ было покончено съ другой коровой и двумя телятами. Затѣмъ, оставивъ Ублуду и Кулатуна снимать шкуры и разрѣзывать туши, я съ Эгингва отправился за быкомъ одиночкой. Гнаться пришлось всего милу-другую. Быкъ спустился въ оврагъ и, ставши задомъ въ уголъ, образуемый двумя скалами, отмахивался рогами отъ собакъ. Покончивъ съ нимъ однимъ выстрѣломъ, и поднявшись изъ оврага, я вдругъ увидалъ вдали еще одного лохмача. Сваливъ и его, я вернулся къ Ублуду и Кулатуну, которые уже заканчивали работу. Я тотчасъ же послалъ ихъ на саняхъ къ Эгингвау, чтобы помочь ему пригнать двухъ быковъ.

На другой день мы добрались до южной оконечности фіорда и въ теченіе дня убили еще трехъ быковъ. Еще ночь, и мы двинемся обратно къ сѣверу, придерживаясь западнаго берега. Уже въ сумеркахъ, остановившись на ночлегъ, мы наталкиваемся на кучку изъ пяти животныхъ, убиваемъ ихъ, снимаемъ шкуры, беремъ съ собой, а мясо зарываемъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ свардить особую партію за нимъ.

Приближеніе полярной ночи.

На слѣдующій день мы по прямой линіи пересѣкли фіордъ и на восточномъ берегу его заночевали. Здѣсь я нашелъ записочку, оставленную Бартлеттомъ, который только что вчера прошелъ это мѣсто, возвращаясь съ мыса Колум-

бѣ на пароходѣ. На разсвѣтѣ, пока люди снимали палатку и укладывали все на сани, я пѣшкомъ направился черезъ перешеекъ къ заливу Джемса Росса. Какъ только я перевалилъ на другую сторону, я тотчасъ же замѣтилъ вдали внизу какія-то темныя пятна, — это были палатки Бартлетта, Гудселла и Борупа. Эскимосы уже договяли меня, и мы вмѣстѣ подкатили къ палаткамъ. Вскорѣ заспанные фигуры начали вылѣзать изъ-подъ парусины. Трофеи нашей добычи доставили не малое удовольствіе имъ, въ особенности молодому Борупу.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ людьми, я отправился дальше и въ тотъ же день поздно вечеромъ достигъ „Рузвельта“. Всего въ общемъ я отсутствовалъ семь ночей, прошелъ болѣе 200 миль, набросалъ карту фіорда и по пути добылъ болѣе десятка теплыхъ шкуръ и нѣсколько тысячъ фунтовъ прекраснаго мяса.

Въ теченіе всего октября транспортировка провизіи и охота подвигались своимъ чередомъ. Бартлеттъ дважды сходилъ до Колумбія и во время пути убилъ четырехъ мускатныхъ быковъ. Макъ-Миллантъ избавился, наконецъ, отъ инфлуэнціи, и 14-го октября я отправилъ его съ двумя эскимосами на двухъ саяхъ за мясомъ въ фіордъ. Въ концѣ мѣсяца докторъ тоже свалился отъ инфлуэнціи и провалился въ постели около недѣли. Маленькія партіи постоянно выходили на охоту, такъ что едва ли наберется нѣсколько дней, когда всѣ люди были одновременно на „Рузвельтѣ“.

12-го октября солнце окончательно скрылось за горизонтомъ, и темнота полярной ночи начала быстро усиливаться, затрудняя работу изъ полѣ. Наше фотографированіе давало все менѣе и менѣе удовлетворительные результаты. Экспозиція съ пяти секундъ къ концу октября дошла до 90 минутъ. Температура тоже начала постепенно понижаться, и 29-го октября термометръ уже показывалъ 26° ниже нуля (Фарангейтъ).

Осеннія полевныя работы закончились 5-го ноября съ возвращеніемъ Бартлетта съ Колумбія. Кругомъ уже царяла полярная ночь. Приходилось ждать здѣшняго зимняго свѣтила—луны. Всѣ запасы провизіи для весенняго путешествія были во время доставлены къ мысу Колумбія; для зимовки у насъ имѣлось прекрасное свѣжее мясо, теплыя и удобныя помѣщенія на пароходѣ, и поэтому мы бодро вступили въ

Въ лунную ночь.

темноту полярной ночи. И если, по временамъ, подъ влияніемъ монотонности безконечной ночи, тоска находила уголокъ въ сердцахъ членовъ экспедиціи, то, надо отдать справедливость, мы умѣли скрывать ее не только другъ отъ друга, но и отъ самихъ себя.

Я сомнѣваюсь, едва ли возможно, не перенеся лично четырехмѣсячную постоянную темноту, представить, что такое полярная ночь. Каждый школьникъ учитъ, что на полюсѣ въ году только одинъ день и одна ночь съ сумерками между ними. Но одно знать, и совершенно другое—лично пережить.

Только тотъ, кто ежедневно встаетъ при свѣтѣ лампы, работаетъ при ней, ложится спать, опять встаетъ, и опять ложится, и такъ изо дня въ день цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы, только тотъ можетъ оцѣнить всю прелесть солнечныхъ лучей.

Дни считаются по часамъ, неукоснительно зачеркиваются по календарю — 30 дней, 31 и т. д. вплоть до появленія солнца. Тотъ, кто пережилъ полярную ночь, тотъ вполне пойметъ древній культъ поклоненія солнцу.

Представьте насъ на нашемъ зимовьѣ на „Рузевельтѣ“, въ 450 миляхъ отъ полюса; пароходъ крѣпко стиснутъ льдами, до берега около сотни саженъ; пароходъ и все окружающее покрыто пеленою снѣга; вѣтеръ свиститъ въ снастяхъ, обдавая холоднымъ дыханіемъ наше жилище; температура спускается до шестидесяти ниже нуля; ледъ въ каналѣ трещитъ и жалобно, однообразно стонетъ при каждомъ приливѣ и отливѣ.

Ежедневно, во время лунныхъ періодовъ, въ 10—12 дней, когда луна, подобно солнцу, восходитъ и совершаетъ свой путь по небу, молодежь экспедиціи небольшими партіями отправлялась на охоту. Остальную же часть мѣсяца, послѣ исхода луны, когда водворялась полная темнота полярной ночи, большинство изъ насъ возвращалось на зимовье.

Въ хорошую погоду, даже и въ безлунный періодъ, до нѣкоторой степени свѣтло отъ звѣздъ, странное и холодное сіяніе которыхъ, выражаясь словами Мильтона, дѣлаетъ „видимой темноту“.

Когда же исчезаютъ и звѣзды, а такого времени вполне достаточно, наступаетъ такая черная темнота, что приходится идти на-угадъ, на-ощупь; а рѣзкій вѣтеръ со снѣгомъ, съ невообразимой, демоническою силою подхватываетъ каждого, кому приходится на минуту, на другую высунуться за дверь.

Наблюдающему съ берега за тонкими мачтами „Рузевельта“ и мигающими огоньками палубы казалось, что паро-

ходъ тихо покачивается на водѣ. Судовая лампа съ сильнымъ рефлекторомъ, которую мы называли „глазомъ Рузевелта“, день и ночь, начиная съ первыхъ чиселъ октября и вплоть до начала марта, освѣщала палубу. Въ ясную погоду ея свѣтъ служилъ путеводнымъ огонькомъ для охотничьихъ партій на пути къ дому, теплу и относительному комфорту.

Въ началѣ зимы всѣ эскимосы жили на пароходѣ, въ носовой части. У нихъ постоянно горѣлъ огонь, другой огонь горѣлъ въ кухнѣ и третій—въ помѣщеніи матросовъ. Въ моей каютѣ хотя и была маленькая цилиндрическая печь, но въ теченіе всей зимы я ни разу не зажигалъ ее, а просто открывалъ дверку, ведущую въ кухню и пользовался ея тепломъ.

Порядокъ дня.

Перваго ноября мы выработали и приняли время распределенія ѣды на пароходѣ — два раза въ день: завтракъ въ 9 час. утра и обѣдъ—въ 4 пополудни. На каждый день недѣли было выработано особое меню, такъ что, сбейся кто-либо со счета дней по календарю, очень легко было бы возстановить число по тому, что было подано за завтракомъ. Копія меню торжественно была вручена повару Перси.

Меню.

Понедѣльникъ. Завтракъ: овсянка, бобы, полубѣлый хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: печенка и копченая ветчина, макароны съ сыромъ, хлѣбъ съ масломъ и чай.

Вторникъ. Завтракъ: овсянка, ветчина съ яйцами, хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: консервированное мясо съ горошкомъ, фруктовый пирогъ и чай.

Среда. Завтракъ: сосиски, хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: жареное мясо съ томатами, хлѣбъ съ масломъ и чай.

Четвергъ. Завтракъ: овсянка, ветчина съ яйцами, хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: солонина съ горошкомъ, фруктовый пирогъ и чай.

Пятница. Завтракъ: овсянка, рыба, хлѣбъ съ масломъ и чай.

Обѣдъ: гороховый супъ, рыба, фруктовый пирогъ, хлѣбъ съ масломъ и чай.

Суббота. Завтракъ: овсянка, вареное мясо съ овощами, хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: жаркое съ томатами, хлѣбъ съ масломъ и чай.

Воскресенье. Завтракъ: овсянка, брузз (особые обваренные кипяткомъ ньюфаундлендскіе сухари), хлѣбъ съ масломъ и кофе.

Обѣдъ: неструшка (рыба изъ семейства сеймовыхъ), фрукты и шоколадъ.

Обѣдали въ общей столовой, маленькой каютѣ, шириною футовъ въ 6, длиною около 10. Застольный разговоръ почти всегда касался нашей работы. Каждый рассказывалъ другимъ о деталяхъ послѣдней своей поѣздки на санихъ, или обсуждался планъ какой-нибудь слѣдующей. Всегда находилось что-нибудь, требующее выясненія; люди, такимъ образомъ, все время были заняты и для обычной зимней арктической меланхолиі не находилось мѣста. На пароходѣ была масса сырыхъ матеріаловъ всевозможныхъ сортовъ, чтобы держать людей занятыми. Ко всему этому надо добавить, что въ члены экспедиціи были избраны все люди съ сангвиническимъ темпераментомъ.

По воскресеньямъ разговоры носили менѣе техническій характеръ. Капитанъ Бартлеттъ, какъ глава парохода, по временамъ полусерьезно, полуплути читалъ своимъ сотоварищамъ короткія лекціи о томъ, какъ подобаетъ интеллигентному че-

ловѣку держать себя за столомъ, напоминая этимъ, что придетъ то время, когда всѣ они опять вернутся въ цивилизованный міръ и поэтому не слѣдуетъ забывать тѣхъ мелочей, потеря которыхъ впоследствии можетъ причинить серьезныя непріятности. Настолько проста, примитивна была напѣ жизнь, что многія условности цивилизованнаго міра быстро забывались.

Пароходныя правила во время зимовки.

Особенно строгихъ правилъ не было. Эскимосы могли ложиться спать и вставать, когда хотѣли, вѣсть, когда задумается. Единственное правило, которое соблюдалось болѣе или менѣе строго—это сохраненіе тишины съ 10 час. вечера до 8 час. утра, т.-е., въ это время не позволялось стучать, напрімѣръ, рубить мясо для собакъ, кричать, громко разговаривать и т. п. Судовой колоколь почти безмолствовалъ; звонили только въ 10 часовъ — сигналъ для водворенія тишины, и въ 12 часовъ ночи—сигналъ гасить огни, причемъ послѣднее часто нарушалось.

За исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ инфлуэнціи состояніе здоровья членовъ экспедиціи можно было назвать прекраснымъ; что касается эскимосовъ, то они, вообще, отличаются выдающимся здоровьемъ, но во время полярной ночи многіе изъ нихъ подвержены нервнымъ заболѣваніямъ „пиблокто“, какъ они называютъ эту болѣзнь, родъ истеріи.

Болѣзнь собакъ, извѣстную подъ именемъ „бѣшенства“, эскимосы тоже называютъ пиблокто. Бѣшенныя собаки обыкновенно убиваются и нерѣдко съѣдаются эскимосами безъ всякихъ послѣдствій для ихъ здоровья.

Наблюденія приливовъ и отливовъ.

Въ первую же зимнюю луну, въ началѣ ноября, Мак-Милланъ отправился на мѣсяцъ къ мысу Колумбія для на-

блюдения приливовъ. Съ собою онъ взялъ одного матроса и двухъ эскимосовъ съ ихъ женами. Марвинъ и Борупъ въ теченіе ноябрьской луны продолжали наблюдениа приливовъ на мысѣ Шериданъ. Съ этою цѣлью надъ прорубью ими была построена снѣжная „иглу“, чтобы защитить наблюдателя отъ вѣтра и непогоды.

Приливы вдоль сѣвернаго берега земли Гранта отличаются удивительною незначительностью подъема воды. Въ среднемъ на мысѣ Шериданъ около 1,3 фута, на мысѣ Колумбіи и еще того меньше — около 0,8 фута; между тѣмъ, какъ на Песчаной Косѣ въ Нью-Йоркѣ приливы доходятъ до 12 футовъ, въ Гудзоновомъ проливѣ около 40, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ Китая и еще того больше.

Постройка снѣжнаго „иглу“.

Въ концѣ осени парусинныя палатки, употребляемыя во время пути, было замѣнены постоянными снѣжными „иглу“ на всемъ разстояніи отъ мыса Шериданъ до мыса Колумбія. Марвинъ, Хенсонъ и эскимосы давали практическіе уроки постройки иглу всѣмъ бовичкамъ, членамъ экспедиціи. Человѣкъ не долженъ пускаться въ открытое полярное поле, если онъ не умѣетъ собственными руками построить себѣ убѣжище, чтобы защитить себя отъ холода и бури.

Размѣры „иглу“ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ количества людей въ партіи. Для трехъ человѣкъ достаточно „иглу“ 8 футовъ въ длину и 5 въ ширину, имѣя въ виду внутренніе размѣры. Для пяти человѣкъ нужно строить на 10 и 8 футовъ, чтобы придать большую ширину платформѣ для спанья.

Четверо могутъ построить такой снѣжный домъ приблизительно въ часъ.

Когда постройка готова, въ „иглу“ втаскиваются кухонныя принадлежности, провизія, чукуры-постели и, послѣ того, какъ собаки накормлены и привязаны на ночь, всѣ

люди влѣзають внутрь „иглу“, и отверстіе тотчасъ же закрывается хорошо подогнаннымъ снѣжнымъ кирпичемъ. Зажигается печь, и готовится ужинъ. Въ „иглу“ становится настолько тепло, что люди послѣ длиннаго перехода быстро засыпають.

Мы никогда не брали съ собой будильника, а тотъ, кто первый просыпался утромъ и, взглянувши на часы, замѣчалъ, что время отправляться въ путь, будилъ остальныхъ. Послѣ поснѣшнаго завтрака покидали „иглу“ и двигались до вечера дальше.

Работа надъ деталями путешествія.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ я все время оставался на пароходѣ, разрабатывая планъ и пересматривая его со всѣхъ сторонъ, планъ весенней санной экспедиціи къ Полюсу. Не мало было потрачено времени на выработку и провѣрку новаго типа саней, на мелочныя усовершенствованія въ одеждѣ, на опыты со спиртовой печью, чтобы вычислить наименьшее количество спирта, необходимаго для превращенія льда въ воду и т. д. Во всякой санной экспедиціи количество взятаго груза имѣть громадное значеніе, и поэтому я всю зиму высчитывалъ, чтобы въ возможно меньшій вѣсъ и объемъ вложить возможно большее количество необходимыхъ для насъ вещей и продуктовъ.

Часы отдохновенія я посвящалъ моему любимому занятію—набивкѣ чучель, результатомъ чего явилась очень хорошая коллекція арктическихъ животныхъ—бѣлаго медвѣдя, мускатнаго быка, сѣвернаго оленя и др.

Во время этой зимовки я всѣми мѣрами старался сдерживать мою фантазію насчетъ будущаго и какъ только ловилъ себя на постройкѣ воздушныхъ замковъ, такъ тотчасъ же засаживалъ себя за какую-либо работу, требующую особеннаго вниманія, а если былъ поздній часъ, то шелъ спать.

Трудно, бывало, прогнать мечты въ длинную лунную ночь,

когда, бродя по льду вблизи парохода, съ особенною силою чувствовалось полное одиночество, полная оторванность отъ всего міра. Я старался убѣдить себя, что впереди меня опять ожидаетъ неудача и на этотъ разъ послѣдняя. Я старался нарисовать себѣ картину возвращенія въ міръ послѣ полной неудачи, въ міръ, который никогда, хотя бы отчасти, не могъ понять долгіе годы, мною посвященные неблагодарной и дорого стоящей цѣли. Я представлялъ себѣ горькое разочарованіе друзей, которые надѣялись на меня, вѣрили въ мой успѣхъ.

Затрудненіе съ собаками.

Уже съ начала ноября собаки начали доставлять мнѣ хлопоты. Многія изъ нихъ околѣли, остальные представляли довольно печальное зрѣлище. Все это я приписывалъ недостаточному питанію. Къ 8-му ноября оставалось уже только 193 изъ 246-ти собакъ, взятыхъ изъ Эта въ августѣ.

Я не на шутку началъ беспокоиться, останется ли у меня достаточное количество собакъ для весенней санной экспедиціи.

Абсолютно невозможны никакіе расчеты относительно живучести эскимосскихъ собакъ. Онѣ могутъ выполнять самую труднѣйшую работу, могутъ бѣжать, таща за собою тяжелый грузъ цѣлыми днями совершенно голодными, легко переносятъ жесточайшую снѣжную метель въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, и послѣ всего этого въ хорошую погоду, при хорошемъ питаніи, онѣ валятся и околѣваютъ.

25-го ноября я опять пересчиталъ собакъ и насчиталъ только 160, причемъ десять изъ нихъ были наканунѣ смерти. На наше счастье, въ этотъ день мы случайно наткнулись на замороженный трупъ моржа, и ночные кошмары, угрожавшіе намъ потерей всѣхъ собакъ, исчезли. Отнынѣ собаки стали получать моржовину, которая, какъ я убѣдился горь-

кимъ опытомъ, перепробовавши все виды пищи до вечины включительно, принимается и усваивается собаками болѣе охотно, чѣмъ что-либо другое.

„Рузевельтъ“ въ опасности.

Въ ночь на 12-ое ноября ледъ въ проливѣ послѣ двухмѣсячнаго относительнаго спокойствія вдругъ поднялся и началъ выпирать наше судно на негостепріимный берегъ.

Начиная съ вечера, вѣтеръ все усиливался и усиливался; къ половинѣ двѣнадцатаго ночи пароходъ началъ поскрипывать. Я лежалъ у себя въ каютѣ и прислушивался къ усиливавшимся порывамъ вѣтра; лунный свѣтъ проникалъ въ окно и наполнялъ комнату полутѣнями. Около полуночи мое ухо стало улавливать новые звуки, идущіе со стороны пролива—то звонилъ, шумѣлъ и трещалъ ледъ.

Я быстро одѣлся и вышелъ на палубу.

Приливъ былъ выше обыкновеннаго, ледъ быстро несло теченіемъ. Ближайшая къ намъ полоса льда, т. е. между пароходомъ и плывучимъ потокомъ начинала трещать и стонать все съ возрастающей силой.

При свѣтѣ луны мнѣ видно было, какъ вся полоса льда противъ насъ колосась во всѣхъ направленіяхъ и медленно поднималась приливомъ. Съ каждой минутой хаосъ звуковъ и ледяныхъ массъ увеличивался. Однѣ изъ ледяныхъ глыбъ лѣзли кверху, другія исчезали внизу. Громадная льдина, поставленная на ребро, поднятая, такимъ образомъ, футовъ на тридцать надъ остальной массой, остановилась футахъ въ двѣдцати отъ парохода. Хаотическая масса льда росла съ каждой минутой, медленно надвигаясь на насъ. Защищавшая пароходъ полоса льда, до сихъ поръ плотно сидѣвшая на землѣ, вдругъ всплыла и медленно подалась въ сторону „Рузевельта.“ Пароходъ вздрогнулъ.

Съ каждымъ дыханіемъ прилива давленіе льда увеличи-

валось. Не прошло и часа, какъ огромный айсбергъ стоялъ почти бокъ о бокъ съ пароходомъ. Казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ „Рузвельтъ“ будетъ вытолкнуть на берегъ.

Понятно, что всѣ были на ногахъ. Огни вездѣ были погашены. Эскимосы перепугались не на шутку и начали звать къ своимъ предкамъ. Многіе изъ нихъ принялись собирать пожитки и перебираться съ парохода на берегъ въ хижины изъ ящиковъ.

Подъ напоромъ льда „Рузвельтъ“ накренился въ сторону берега. Съ началомъ отлива, который начался около половины второго утра, давленіе со стороны пролива прекратилось, но пароходъ такъ и не могъ отдѣлаться отъ крена до слѣдующей весны.

Термометръ въ эту ночь показывалъ 25° ниже нуля, но никому не казалось холодно.

Снѣжная „иглу“ Марвина, которою онъ пользовался для наблюденій приливовъ, въ эту ночь была расколота на двое, но Марвинъ, несмотря на это, во все время этого необычнаго прилива простоялъ у водомѣра.

Замѣчательно, что, благодаря возбужденію и испугу, ни одинъ изъ эскимосовъ въ эту ночь не былъ подверженъ припадку „пиклокто“. Но послѣ этой тревожно проведенной ночи, часть эскимосовъ перебралась на берегъ и поселилась въ снѣжныхъ „иглу“ и въ хижинахъ изъ ящиковъ, — они начали опасаться, что „Рузвельтъ“ можетъ быть стиснутъ и замятъ льдомъ.

Около середины ноября надъ большимъ люкомъ главной палубы воздвигли большую снѣжную „иглу“, которую мы окрестили „студіей“, такъ какъ она предназначалась для занятій фотографіей. Я и Борупъ принялись за фотографированіе эскимосовъ при помощи вспышки магнія. Они вскорѣ привыкли видѣть свои изображенія на бумагѣ и были очень терпѣливыми моделями.

Когда нѣсколькими днями позднѣе мы придѣлали снѣж-

ныя тѣни къ входнымъ дверямъ нашего палубнаго жилища, пароходъ принялъ вполне зимній видъ. 20-го ноября градусникъ уже показывалъ 30° ниже нуля. Сѣжныхъ сѣней, напоминавшихъ половину „иглу“, приткнутую къ дверямъ, было четверо: одинъ противъ моихъ дверей, другія—противъ кухонныхъ, третьи вели въ помещеніе матросовъ и четвертыя—къ эскимосамъ. Легкія деревянные двери сѣней всѣ открывались на востокъ, въ сторону пролива, такъ какъ самыя свирѣпыя вѣтры зимою дуютъ съ запада и сѣвера.

Полярный вѣтеръ.

Трудно представить себѣ зимній полярный вѣтеръ. Самые холодные изъ нихъ — сѣверные и сѣверо-западные, а наиболѣе свирѣпые по силѣ — южные и юго-западные, дующіе съ нагорья.

Сидящимъ по каютамъ во время такой мятели кажется, что надъ ними неистово шумитъ и стонетъ могучее дерево; оснастка мачтъ порывисто гудитъ, напоминая струны громаднаго инструмента, гдѣ резонаторомъ является самъ пароходъ. И все это совершается подъ несмолкаемый аккомпанементъ движенія льда въ проливѣ.

По палубѣ немисливо двигаться, если только не держаться за перила. Сябгъ настолько наполняетъ воздухъ, рѣжетъ глаза, что въ пяти-шести шагахъ невозможно отличить свѣтъ лампы. Когда же во время такой бури является необходимымъ закрѣпить какую-нибудь снасть, то люди должны пробираться къ ней на четверенькахъ.

Во время бури, собаки остаются на привязи подъ береговыми скалами и, такимъ образомъ, отчасти защищены отъ вѣтра, но не отъ сябга, который заваливаетъ ихъ съ головою. Какъ только становится трудно дышать, собаки выскакиваютъ изъ сябгу и встряхиваются. Менѣе чѣмъ черезъ часъ онѣ погребаются опять и принуждены повторять тотъ

же маневръ. Иногда мятель продолжается два-три дня, въ теченіе которыхъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности покормить собакъ. Но, какъ потомки полярнаго волка, эскимосскія собаки могутъ переносить самую жесточайшую погоду, по нѣскольку дней оставаясь безъ пищи. Мы не знаемъ ни одного случая, чтобы собака околѣла отъ холода.

Всю зиму каждую недѣлю мы должны были очищать наши каюты отъ льда, который постоянно образовывался отъ соприкосновенія теплаго внутреннего воздуха съ вѣшнимъ холоднымъ. Всѣ вещи, чтобы онѣ не вмерзли, приходилось отодвигать отъ стѣнъ. Особенно приходилось быть осторожнымъ съ книгами.

Отъ луны до луны.

Каждую луну нѣсколько партій отправлялись въ разныя стороны на охоту; другія постепенно передвигали провизію отъ одного депо къ другому, подвигая ее все ближе и ближе къ мысу Колумбія, и только немногіе, какъ матросы, механики и судовая прислуга, почти все время оставались на пароходѣ. Въ свободное время матросы развлекались игрою въ домино, въ карты, шашки, рассказывали сказки, занимались боксомъ, пѣли подъ аккомпанементъ аккордіона и слушали концерты, устраиваемые поваромъ Перси на граммофонѣ.

Былъ у насъ и бильярдъ, но, благодаря крену парохода, пользоваться имъ было невозможно.

Переломъ полярной ночи.

22-го декабря, наконецъ, совершился переломъ полярной ночи; съ этого момента мы опять начали подвигаться къ солнцу. Послѣ полудня эскимосовъ собрали на палубѣ, и я съ часами въ рукахъ подошелъ и объявилъ имъ, что приближается день, — солнце возвращается обратно. Марвинъ

прозвонилъ въ судовой колоколъ. Хенсонъ произвелъ три ружейныхъ выстрѣла, а Борунъ зажегъ бенгальскіе огни. Затѣмъ мужчины, женщины и дѣти выстроились въ линію и гуськомъ направилсь вдоль палубы, черезъ кухню, гдѣ каждый, по случаю праздника, получилъ по квартъ кофе съ молокомъ и сахаромъ, по сухарю и куску мяса, женщины, кромѣ того, получили сласти, а мужчины—табакъ.

Эскимосы пришли въ восторгъ, когда услышали, что солнышко возвращается; ихъ уваженіе къ знанію бѣлыхъ людей и, въ особенности, къ ихъ инструментамъ, которые могутъ опредѣлять движеніе солнца, въ сильной степени возросло.

Тотчасъ же послѣ праздника Пинг-а-шу, мальчикъ 12—13-ти лѣтъ, помогавшій Перси на кухнѣ, отправился къ югу, на высокій холмъ, чтобы первымъ встрѣтить солнце. Спустя нѣсколько часовъ, онъ вернулся совершенно разочарованнымъ, и Перси пришлось объяснять ему, что, хотя солнце и возвращается, но до тѣхъ поръ, пока оно насъ достигнетъ, пройдетъ еще почти три дуны.

Рождество на мысѣ Шериданъ.

Такъ какъ Рождество пришлось на безлунную, т.-е. темную часть мѣсяца, то всѣ члены экспедиціи были на „Рузевельтѣ“. Праздникъ отмѣтили специальнымъ обѣдомъ, спортомъ, подарками и т. п. Было не очень холодно, всего минусъ 23 градуса *).

Утромъ поздравляли другъ друга „съ праздникомъ“, а за завтракомъ каждый имѣлъ по письму и подарку изъ дому, которые сохранялись, чтобы быть вскрытыми въ этотъ день.

Мак-Милланъ былъ распорядителемъ торжества, и на его обязанности лежало выработать программу спорта. Въ два

*) Около 30° Н.

часа пополудни были организованы бѣга на льду. На разстояніи семидесяти пяти ярдовъ были развѣшены въ два параллельныхъ ряда судовые фонари, всего около пятидесяти штукъ. Фонари эти похожи на фонари желѣзнодорожныхъ сторожей, и если бы мы были не единственными человѣче-

Рождественскій боксъ.

скими существами на многія сотни миль во всѣ стороны, прохожій, безъ сомнѣнія, удивился бы странной картинѣ бѣговъ, устроенныхъ въ $7\frac{1}{2}$ градусахъ отъ полюса.

Бѣга были открыты состязаніемъ эскимосскихъ дѣтей, затѣмъ пустили мужчинъ эскимосовъ, далѣе шли эскимоски съ грудными дѣтьми, неся ихъ въ мѣшкахъ за плечами, и послѣдними—женщины безъ дѣтей.

Женщинъ съ дѣтьми было четверо, и, глядя на нихъ, никто бы не подумалъ, что онѣ изображаютъ бѣга на призы. Одѣтыя съ ногъ до головы въ мѣха, онѣ похожи были бо-

лѣе на тѣленей, чѣмъ на человѣческія существа. Ребятишки, мѣрно покачиваясь за плечами своихъ матерей, изумленными глазами посматривали на странныя линіи огня.

Мужчины-эскимосы уже имѣли нѣкоторое представленіе о бѣгахъ, и, хотя они не были посвящены во всѣ детали со-

За рождественскимъ обѣдомъ Р. Пирри, д-ръ Гудселль и Мак-Милланъ.

стязаній, они были твердо убѣждены, что „работаютъ“ на призы, къ которымъ они были очень и очень равнодушны.

Послѣ эскимосовъ пустили судовую прислугу, и послѣдними бѣжали сами члены экспедиціи.

Сама природа приняла участіе въ нашихъ торжествахъ, наградивъ насъ зрѣлищемъ прекраснаго сѣвернаго сіянія.

Въ самый разгаръ бѣговъ весь сѣверный небосклонъ покрывался столбами бѣлаго свѣта. Къ сожалѣнію, я долженъ разрушить всеобщее убѣжденіе, что чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ

чаще можно наблюдать сѣверное сіяніе и тѣмъ оно красивѣе. Наоборотъ, въ Соединенныхъ Штатахъ мнѣ приходилось наблюдать сіянія, болѣе красивыя, чѣмъ въблизи полюса.

Между бѣгами и обѣдомъ, который былъ назначенъ въ

За рождественскимъ обѣдомъ Борупъ, Марвинъ и Барталеттъ.

4 часа, я далъ концертъ на піаноло, выбравъ для даннаго случая самое лучшее, самое веселое изъ моего репертуара. Затѣмъ мы разошлись, чтобы „одѣться къ обѣду“, т.-е. надѣть чистыя фланелевыя рубашки и повязать галстуки. Докторъ перешеголялъ всѣхъ, явившихся къ обѣду въ крахмальномъ воротничкѣ.

Перси въ бѣломъ фартукѣ и бѣломъ поварскомъ колпакѣ былъ на высотѣ своего положенія. За обѣдомъ мы имѣли

жаркое, пудингъ, сладкій пирогъ, покрытый шоколадомъ, и кромѣ того, на тарелкѣ каждого лежало по пакетику съ орѣхами и разными сладостями, а рядомъ карточка съ надписью:

Поваръ Перса и рождественскій пудингъ.

„Поздравляю съ Рождествомъ Христовымъ. Мистрисъ Пиря“.

Послѣ обѣда опять всѣ принялись за выполнение программы спорта: бросаніе въ даль и цѣль, борьба, тѣта и т. д. Последнимъ номеромъ торжества по программѣ былъ кон-

цартъ на граммофонѣ, исполнителемъ котораго былъ незамѣ-
нимый Перси.

Но едва ли не самой интересной частью дня была раздача
призовъ побѣдителямъ. Въ цѣляхъ изученія психологій эски-
мосовъ каждому выигравшему предлагалось на выборъ нѣ-
сколько вещей. Такъ, напримѣръ. Тук-у-мъ, побѣдительница
на женскихъ бѣгахъ, предложено было выбрать одну изъ
трехъ вещей: или коробку съ тремя кусками душистаго
мыла, или наборъ для шитья, состоящій изъ бумажки иго-
локъ, двухъ или трехъ наперстковъ и нѣсколькихъ катушекъ
нитока, или сладкій пирогъ. Молодуха не торопилась. Ея
вниманіе сосредоточивалось на двухъ вещахъ—на швейномъ
наборѣ и мылѣ. Употребленіе послѣдняго она знала и вы-
соко цѣнила. Желаніе быть чистой побѣдило.

Мальчику эскимосу были предложены на выборъ двѣ
вещи — топоръ и большой вкусный пирогъ. Мальчикъ спо-
койно предпочелъ взять топоръ. То же самое можно было на-
блюдать и среди пароходной прислуги. Такъ, когда одному
изъ кочегаровъ предложили на выборъ золотой sovereignъ
(10 руб.) и полкоробки сигаръ, то онъ, не задумавшись, взялъ
послѣдній. Золотая монета здѣсь для него лишній балластъ,
тогда какъ сигары могутъ доставить настоящее удоволь-
ствіе.

Работы во время январской луны.

Въ ожиданіи январской луны Бартлеттъ со своей коман-
дой ежедневно возился около парохода, устанавливая под-
ставки и подпорки подъ бортъ „Рузевельта.“

Его старанія были направлены на то, чтобы уменьшить
кренъ парохода, который медленно, но изо дня въ день уве-
личивался.

Послѣдній обѣдъ на борту „Рузевельта,“ который мы вмѣстѣ
съ нимъ, былъ 29-го декабря. Въ этотъ же день Маринъ
и Бартлеттъ съ партіями отправились къ берегамъ Гренлан-

днѣ, и, когда уже послѣ моего возвращенія съ Полуса, мы встрѣтились опять на борту парохода, между нами уже не было одного, не было дорогого Маррина.

Марвинъ отправился на мѣсяцъ къ мысу Бріана (Bryant) для наблюденій приливовъ и отливовъ, а капитанъ со своими людьми направился къ югу, къ заливу Ньюмана на охоту.

На слѣдующій день выступили еще двѣ охотничьи партіи—докторъ Гудселлъ къ фіорду Клемента Маркгама и Борунъ въ восточныя окрестности озера Хазень. Ни одна полярная экспедиція не предпринимала такихъ обширныхъ полевыхъ работъ, радіусъ которыхъ доходилъ до 90 миль во всѣхъ направленіяхъ отъ зимовья.

Во время раздачи матеріаловъ для шитья эскимоскамъ я узналъ, что эскимосы отрицательно относятся къ дальнѣйшему движенію на сѣверъ,—они до сихъ поръ не могли забыть нашего возвращенія въ 1906 году, когда при переправѣ черезъ полую воду едва всѣ не погибли. Хотя я былъ увѣренъ, что сумѣю побѣдить ихъ опасенія, но тѣмъ не менѣе приходилось сознаться, что затрудненій въ этомъ направленіи будетъ не мало.

Въ теченіе января женщины занимались шитьемъ. Благодаря обилію работы внѣ зимовья, одежда изнашивалась и рвалась сильно, а впереди предвидѣлась еще большая работа, и поэтому женщины шили и чинили, не покладая рукъ, въ то время, какъ ихъ дѣти беззаботно бѣгали, кричали и играли по льду около парохода. И очень часто, сидя въ своей каютѣ надъ вычисленіями и прислушиваясь къ дѣтскимъ голосамъ, я помимо моей воли оставлялъ перо на нѣсколько минутъ и вспоминалъ о другомъ смѣхѣ, о другихъ дѣтихъ.

Эскимосскія дѣти,—какъ дѣти вообще и вездѣ. Ихъ любимѣйшія игры состоятъ въ подражаніи работѣ старшихъ. Въ то время, какъ наши дѣти строятъ картонныя домики, эскимосскіе—сооружаютъ миниатюрныя „иглу“ изъ снѣгу. Они

усаживаются въ сѣѣгъ и гребутъ, воображая, что сидятъ въ каякѣ, точь-въ-точь, какъ наши дѣти, привязавъ бечевочки къ спинкѣ стула, воображаютъ, что ѣдутъ на лошадяхъ. Однако—нужно оговориться—дѣвочки эскимоски не любятъ куколъ. Когда моя маленькая Мери привезла съ собою въ Гренландію нѣсколько куколъ, эскимоски просто боялись брать ихъ. Чѣмъ объяснить это, я не знаю, можетъ быть, это пережитокъ древняго идолопоклонства, если только предположеніе, что эскимосы пришли изъ Азіи, вѣрно. Но отрицательно относясь къ кукламъ, дѣти съ удовольствіемъ вырѣзываютъ ножницами изъ бумаги разныя фигурки и наполняютъ ими маленькія „иглу“. Не прочь они вырѣзать и готовые уже картинки изъ журналовъ.

Какъ только появляются въ семьѣ щенята, дѣти, мальчики въ особенности, тотчасъ же организуютъ изъ нихъ „упряжку“. Первая попавшаяся щенка вполне сходитъ за сани, нѣсколько тонкихъ бечевокъ за постромки, и, хотя щенки понятія не имѣютъ объ окрикахъ—стой! направо! налево! дѣти возятся съ ними, поднимая иногда импровизованныя сани черезъ воображаемые снѣжные ухабы.

Къ концу января уже можно было наблюдать, какъ въ полдень югъ начиналъ розовѣть, разсвѣтъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Всѣ чувствовали нѣкоторое облегченіе.

14 февраля я имѣлъ короткій разговоръ съ эскимосами, заявивъ имъ, что я намѣренъ дѣлать, чего ожидаю отъ нихъ и что каждый изъ нихъ, идущій со мною, по возвращеніи получить. Въ первую очередь общались такія вещи, какъ ботъ, парусиновая палатка, магазинка винчестеръ, обыкновенное охотничье ружье, заряды и далѣе — ящикъ табаку, наборъ трубокъ, множество ножей, топоровъ и т. п.

Страха передъ „полой водой“ какъ не бывало, перспектива заполучить такое громадное богатство заслонила все.

И, дѣйствительно, когда наступило время составлять партію, желающихъ было больше, чѣмъ требовалось.

15-го февраля, въ понедѣльникъ, Бартлеттъ со своей партией покинулъ пароходъ съ цѣлью достигнуть мыса Колумбія и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, поохотиться въ окрестностяхъ. Слѣдующія за капитаномъ три партіи должны были доставить грузъ до мыса Колумбія, затѣмъ вернуться до мыса Коланъ, гдѣ былъ сложенъ „магазинъ“, нагрузить его и также доставить къ Колумбію.

Докторъ Гудселлъ съ партией вышелъ во вторникъ. Въ среду была сильная метель, поэтому Мак-Милланъ и Хенсонъ отправились вмѣстѣ въ четвергъ.

Всѣ они должны были дожидаться меня у мыса Колумбія.

Марвинъ вернулся съ Гренландіи въ среду ночью. Въ пятницу покинула пароходъ партія Боруна, а въ воскресенье отправился и Марвинъ. Самъ я задержался еще на день. Это былъ для меня самый спокойнѣйшій день въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль. Никѣмъ не прерываемый все утро, я посвятилъ на то, чтобы вновь и въ послѣдній разъ самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ детали подготовительной работы для санной экспедиціи, чтобы еще разъ убѣдиться, что всѣ мельчайшія подробности, какія только можно предусмотрѣть, не упущены изъ виду. Въ концѣ осмотра я могъ сказать себѣ, что все, по скольку зависѣло отъ моего знанія и умѣнья, сдѣлано, я и каждый членъ экспедиціи вложили въ предпріятіе все, что было въ нашихъ силахъ. Завтра выступаю; послѣдняя стрѣла выпускается изъ моего колчана.

Отъѣздъ.

Самая трудная часть экспедиціи начиналась съ момента оставленія мною „Рузвельта“. Вся предыдущая работа— путь среди льдовъ отъ Эта до мыса Шериданъ, постоянныя охотничьи экскурсіи во время осени, перевозка груза къ мысу Колумбія и опять охота, чтобы обезпечить себя сѣ-

жимъ мясомъ, коротаніе пятимѣсячной полярной ночи, все это было только предлюдіе къ достиженію главной цѣли. Все это теперь лежало позади, а впереди — сѣверный Полюсъ.

Было 10 часовъ утра, когда я покинулъ „Рузвельтъ“. Со мною было двое эскимосовъ, двое саней и шестнадцать собакъ. Погода не благоприятствовала, — шелъ снѣгъ, температура была 31 градусъ ниже нуля.

„Алbatrossъ“. „Рузвельтъ“.

Въ 10 часовъ было уже достаточно снѣгло, тогда какъ недѣлю тому назадъ, когда отправлялся Бергагетъ, было настолько темно, что онъ принужденъ былъ выѣхать съ фонарями.

Теперь съ моимъ выѣздомъ между мысомъ Шериданъ и Колумбіей находилось семь членовъ экспедиціи, девятнадцать эскимосовъ, сто сорокъ собакъ и двадцать восемь саней. Всѣ мы должны были встрѣтиться у мыса Колумбіи и

оттуда уже направиться прямо на сѣверъ по льду Ледовитого океана. Намъ предстояло пройти четыреста десять миль.

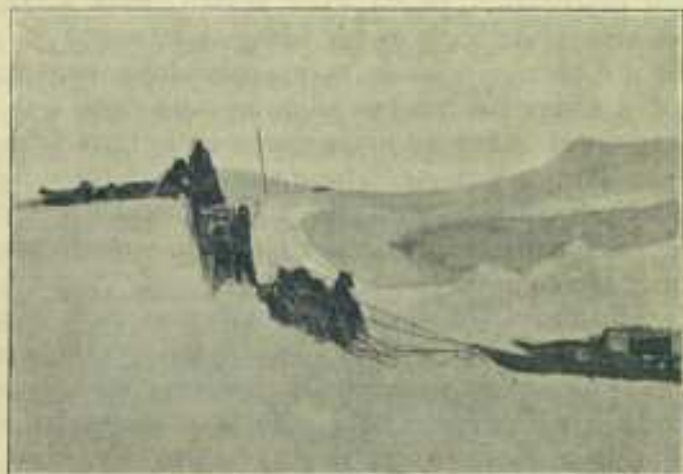
Послѣдняя стоянка на землѣ

Ледовитый океанъ въ воображеніи многихъ представляетъ необъятное пространство, покрытое гладкимъ льдомъ, дви-

женіе по которому на собакахъ легко и пріятно. Насколько такое представленіе ошибочно, видно будетъ изъ послѣдующаго. Между мысомъ Колумбія и полюсомъ нѣтъ ни клочка земли и очень мало ровнаго льда.

Только покинувши землю, на разстояніи нѣсколькихъ миль, мы имѣли подъ собою ровную поверхность льда, когда дви-

Переваль черезъ ледяной холмъ.

гались по краю ледника, покрывающаго всю сѣверную сторону земли Гранта.

Съ окончаніемъ ледника начинается неописуемая поверхность льда; это—область береговой полой воды и трещинъ, образуемыхъ приливами и отливами. Здѣсь плывучіе льды находятся въ постоянномъ конфликтѣ съ краевыми льдами берегового ледника. Когда вѣтеръ дуетъ съ берега, плывучіе льды относятся къ сѣверу, образуя между собою и берегомъ широкую полосу полой воды. То же самое происходитъ и при высокихъ весеннихъ отливахъ. Во время же прилива или

вѣтра съ моря пловучіе льды возвращаются къ берегу и закрываютъ щель, причемъ при столкновеніи края обѣихъ сторонъ разрушаются, выпираются кверху и образуютъ длинныя ледяныя завалы, идущіе параллельно берегу. Высота этихъ заваловъ, начиная отъ нѣсколькихъ футовъ, иногда достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ ярдовъ, тогда какъ ширина иногда доходитъ до четверти мили.

Чтобы перебраться черезъ такіе завалы, намъ часто приходилось прибѣгать къ помощи топоровъ и пещенъ, кнутами заставляя собакъ слѣдовать за проводникомъ, нѣрѣдко помогать имъ поднимать тяжело нагруженные сани.

Между этими завалами старыя льдины имѣютъ болѣе или менѣе ровную поверхность. Въ противоположность распространенному мнѣнію пловучіе льды образовались не путемъ непосредственнаго замерзанія воды океана, а представляютъ громадные обломки ледниковъ земли Гранта, Гренландіи и другихъ западныхъ районовъ, унесенныхъ въ море. Толщина этихъ льдинъ варьируетъ между двадцатью футами и выше ста. Какъ результатъ постоянного движенія въ теченіе короткаго лѣта, когда громадные поля льда открываются отъ ледниковъ и уносятся въ ту или иную сторону подъ влияніемъ вѣтровъ и отливовъ, когда льдины сталкиваются другъ съ другомъ, раскалываясь на части, кроша и дробя болѣе мелкія льдины, выпирая ихъ изъ воды, ставя на ребро, — поверхность океана въ зимнее время можетъ быть очень и очень неровной.

Девять-десятыхъ поверхности Полярнаго океана образовано изъ такихъ пловучихъ льдинъ, и только одна десятая, ледъ между пловучими полями, образовалась путемъ непосредственнаго замерзанія океанической воды во время осени. Такой ледъ едва ли превосходитъ восемь-десятыхъ футовъ въ толщину.

Полая вода.

Только что описанные ледяные завалы не есть самое худшее, что приходится преодолевать полярному исследователю.

Полая вода, т. е. трещины, образующіяся отъ движенія льдовъ подъ вліяніемъ вѣтровъ и приливовъ, несравненно непріятнѣе и опаснѣе для путешественника. Онѣ преслѣдовали насъ, какъ кошмаръ, на пути къ Полюсу, постоянно угрожая преградить дальнѣйшее движеніе; не менѣе, если не болѣе, преслѣдовали на обратномъ пути, постоянно напоминая, что мы можемъ быть отрѣзаны отъ земли и оставлены на сѣверной сторонѣ умирать съ голоду. Ихъ появленіе или неоявленіе не поддается никакому расчету. Онѣ открываются безъ какихъ бы ни было предварительныхъ признаковъ, тотчасъ передъ вами; онѣ не подчиняются никакому правилу или закону движенія.

Иногда онѣ появляются въ видѣ узкихъ трещинъ, почти по прямой линіи раскалывающихъ старую льдину; иногда въ видѣ извилистообразной трещины, достаточно широкой, чтобы прекратить путь; иногда же онѣ представляютъ изъ себя рѣку открытой воды отъ полумили до двухъ миль въ ширину, а длиною на востокъ и западъ куда глазъ хватить.

Щель можетъ открыться въ то время, когда вы спите, и пройти какъ разъ черезъ вашу „пигу“. Упавшій такимъ путемъ въ воду едва ли утонетъ сразу, такъ какъ плотная мѣховая одежда, содержащая массу воздуха, послужитъ на время спасательнымъ поясомъ; но, согласитесь, что при температурѣ 50 градусовъ ниже нуля это будетъ едва ли пріятная ванна.

Вотъ то соображеніе, въ силу котораго я никогда не употреблялъ на льду мѣшковъ для сна. Я предпочитаю имѣть свои ноги и руки свободными при малѣйшей опасности. Дальше, я рѣдко ложусь спать на льду безъ рука-

вицъ, и если забиваю руки въ рукава, то туда же забиваю и рукавицы, чтобы во всякій моментъ быть готовымъ къ дѣйствию. Это ужъ такое мѣсто, гдѣ человѣкъ долженъ спать „въ шапкѣ и рукавицахъ“. Представьте же себѣ человѣка въ мѣшкѣ, когда онъ, внезапно проснувшись, вдругъ находитъ себя въ водѣ!

Перечислить всѣ трудности и неудобства путешествія къ Сѣверному Полюсу въ краткомъ очеркѣ невозможно, но, го-

Результатъ столкновения льдинъ.

воря кратко, наибольшія изъ нихъ слѣдующія: неровный, часто горами нагроможденный ледъ, черезъ который мы должны перебираться съ тяжело нагруженными санями; страшные вѣтры, большую часть пути дующіе въ лицо; полая вода, о которой только что было говорено и черезъ которую тѣмъ или инымъ путемъ необходимо было перебираться; сильный холодъ, временами доходящій до 60 градусовъ ниже нуля, противъ котораго мы боролись мѣховою одеждой и постояннымъ движеніемъ; трудность перевозки туда и обратно

по неровному льду, прерываемому широкими трещинами достаточнаго количества пеммикана, сухарей, чаю, сгущеннаго молока и жидкаго топлива. Холодъ большую часть пути былъ настолько силенъ, что бренди (коньякъ) превращался въ ледъ, керосинъ становился бѣлымъ и тягучимъ, собакъ съ трудомъ можно было видѣть за паромъ отъ ихъ дыханія. Къ меньшимъ неудобствамъ можетъ быть отнесено — постройка для каждой ночевки тѣсной и неудобной „иглу“, жесткое и холодное, ледяное ложе, на которомъ приходилось проводить по нѣскольку часовъ.

Намъ часто цѣлыми днями приходилось идти чуть не по поясу въ снѣгу навстрѣчу вѣтру, снѣгъ рѣзалъ лицо, свирѣпый вѣтеръ чуть не сбивалъ съ ногъ.

Меня часто спрашивали, голодали ли мы во время пути. Право, трудно сказать, чувствовали мы недоѣданіе или нѣтъ. Утромъ и вечеромъ мы ѣли пеммиканъ, сухари и пили чай, а иногда и въ полдень пили по чашкѣ чаю и сѣдали по три сухаря. Говоря лично о себѣ, я уменьшился въ вѣсъ около тридцати фунтовъ за время, когда я покинулъ пароходъ и вернулся обратно.

Методъ Пири.

Главные пункты такъ называемой „системы Пири“, отъ выполненія которой зависѣлъ успѣхъ достиженія Полюса, заключается въ слѣдующемъ:

Провести пароходъ какъ можно далѣе на сѣверъ для зимовки.

Въ теченіе осени и зимы охотиться по столько, чтобы все время имѣть свѣжее мясо для поддержанія здоровья людей.

Имѣть такое количество собакъ, чтобы, при потерѣ даже 60-ти процентовъ ихъ, имѣть возможность отправиться въ санитарную экспедицію.

Имѣть необходимое количество лучшихъ саней.

Имѣть каждую часть экипировки лучшаго качества, хорошо испытанную и наивозможно легкаго вѣса.

Заручиться довѣріемъ большого количества эскимосовъ настолько, чтобы они пошли за руководителемъ, куда угодно.

Имѣть къ распоряженію достаточное количество интеллигентныхъ и образованныхъ помощниковъ для руководства отдельными партіями эскимосовъ.

Имѣть достаточное количество вспомогательныхъ партій.

Тянь эскимосскихъ саней.

По возможности точно знать силы людей и животныхъ. Знать практически, а не теоретически способы перехода черезъ полую воду.

Заранѣ перевезти достаточное количество пищи, топлива и одежды къ мѣсту, откуда экспедиція дѣлаетъ окончательный набѣгъ на Полюсъ, т. е. покидаетъ землю.

Возвращаться той же дорогой, пользуясь уже проложеннымъ слѣдомъ и построенными „иглу“, если только путь не будетъ разрушенъ движущимися льдами.

Партія, совершающая послѣднюю часть окончательнаго набѣга, должна имѣть съ собою такое количество провизіи, чтобы ее хватило и на обратный путь до земли, даже при условіи, если бы пришлось возвращаться новой дорогой.

Составленіе партій.

Партія Бартлетта шла впередъ на одинъ день пути отъ главной. На этотъ разъ я рѣшилъ держать передовую партію поближе отъ главной съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, насколько возможно, не быть отрѣзаннымъ отъ нея обрываніемъ полой воды. Эта партія состояла изъ самого Бартлетта, трехъ эскимосовъ, нѣсколькихъ саней и упряжекъ собакъ, которыя тащили запасъ провизіи, достаточный на пять дней.

Партія Борупа заключала его самого и трехъ эскимосовъ съ четырьмя упряжками собакъ, тащившихъ почти полные грузы. Его партія должна была дѣйствовать, какъ передовая вспомогательная партія и сопровождать Бартлетта на разстояніи трехъ переходовъ, затѣмъ разгрузиться; на мѣстѣ „магазина“ оставить одинъ сани и въ одинъ день вернуться къ мысу Колумбія, гдѣ нагнаться вновь и догнать главную партію, которая покинула землю днемъ послѣ Бартлетта.

При такой организаціи, если только не будетъ никакихъ задержекъ, главная партія начнетъ третій переходъ въ то время, когда Борупъ отправится обратно. Въ тотъ же день вечеромъ главная партія будетъ у „магазина“, оставленнаго Борупомъ, а самъ Борупъ у мыса Колумбія. На слѣдующее утро, когда главная партія начнетъ свой четвертый переходъ, Борупъ начнетъ свой первый переходъ отъ мыса Колумбія, на три перехода позади главной партіи. Эту разницу въ разстояніи по проложенной уже дорогѣ Борупъ будетъ въ состояніи наверстать въ три перехода, т. е. въ три дня.

Методъ передвиженія.

Для того, чтобы читатель могъ уяснить себѣ работу, выполненную экспедиціей, онъ долженъ точно и опредѣленно понять значеніе вспомогательныхъ партій.

Пользованіе вспомогательными партіями при арктической работѣ не есть новая идея, но разработка этого вопроса Арктическимъ Клубомъ Пири и практическое выполненіе его было сдѣлано впервые. Не пользуясь предложенной системой, имѣть никакой физической возможности достигнуть Сѣв. Полюса и вернуться обратно.

Во-первыхъ, потому, что одна партія, какихъ бы размѣровъ она ни была, не въ состояніи тащить съ собою запасы пищи и топлива, достаточные на оба пути, около девяти сотъ миль.

Во-вторыхъ, абсолютно необходимо, чтобы первая двѣ трети пути были проложены нѣсколькими партіями попеременно, чтобы сохранить энергію главной партіи для послѣдней трети, которую она должна совершить одна.

Въ-третьихъ, когда сани одиѣ за другими освобождаются отъ провизіи, люди и собаки, тащившія эти сани, становятся лишними ртами, которые только ускоряютъ потребление и безъ того небольшого запаса провизіи.

Поэтому у насъ вспомогательныя партіи являлись вполне самостоятельными единицами, и, слѣдовательно, каждая изъ нихъ по мѣрѣ надобности могла быть безъ всякаго ущерба для главной отпращена назадъ.

Далѣе, послѣ того какъ вспомогательныя партіи выполнили свою задачу, т.-е. проложили большую часть пути, снабдили ядро экспедиціи провизіей,—для остального пути осталась малочисленная, но хорошо подобранная группа людей, которая, какъ маленькая партія, можетъ двигаться значительно быстрее большой.

Передовая партія, представлявшая изъ себя самостоятель-

ную единицу, состояла изъ четырехъ наиболѣе энергичныхъ и опытныхъ людей съ нѣсколькими легко нагруженными санями и лучшей упряжкой собакъ. Первое время эта партія, руководимая Бартлеттомъ, шла впереди главной на разстояніи двадцати четырехъ часовъ пути; когда же насталъ сплошной день, т.-е. солнце перестало скрываться за горизонтомъ, она держалась только на разстояніи двѣнадцати часовъ.

На обязанности передовой партіи лежало, несмотря ни на что, конечно, исключая непереходимой полой воды, сдѣлать въ теченіе 24-хъ часовъ одинъ переходъ. Будь то глубокий снѣгъ, или савръный встрѣчный вѣтеръ, прегради дорогу хаотически поднятый холмами ледъ, переходъ необходимо нужно было сдѣлать, потому что опытъ предыдущихъ лѣтъ показалъ, что если только передовая партія, идущая на легкѣ, сдѣлала переходъ, то главная сумѣетъ пройти то же разстояніе съ тяжело нагруженными санями, но по готовому слѣду, въ болѣе короткій срокъ. Говоря короче, — успѣхъ передовой партіи обезпечиваетъ успѣшное передвиженіе главной.

Руководитель передовой партіи обыкновенно самъ шель впереди всѣхъ на лыжахъ, за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи двигались самая легкія сани, а позади нихъ остальные.

Благодаря многочисленности всей экспедиціи вообще и главной партіи въ частности, я имѣлъ возможность мѣнять составъ передового отряда, отзывая въ ряды главной партіи болѣе утомившихся членовъ и замѣняя ихъ новыми изъ среды главной. Такимъ образомъ передовая партія всегда состояла изъ людей съ достаточнымъ запасомъ знаній и энергіи.

Роль вспомогательныхъ партій.

Всякому понятно, что, когда большая экспедиція направляется по необходимымъ ледянымъ пустынямъ Полярнаго

моря, через нѣсколько дней одинъ-двое саней освободятся, — запасы будутъ съѣдены. Тотчасъ же люди и собаки, какъ лишніе рты, отправляются обратно. Черезъ нѣсколько дней освобождаются еще нѣсколько саней, и онѣ тоже отправляются домой. Позднѣе та же участь постигаетъ и другихъ, пока не останется то немногочисленное ядро, которое должно произвести окончательный набѣгъ на Полюсъ.

На вспомогательныхъ партіяхъ лежала еще и другая немаловажная задача — поддерживать открытымъ путь для скорѣйшаго возвращенія главной партіи.

Поддержка пути.

Ледяная поверхность полярнаго моря подвижна. Сутокъ, а иногда и двѣнадцать часовъ достаточно, особенно при сильномъ вѣтрѣ, даже въ самое холодное время зима, чтобы

Работа товаровъ и пелней.

оторвавшееся ледяное поле прервало нашъ путь съ одной стороны широкой полосой толой воды, а съ другой — дебрями разбросаннаго и поднятаго на ребро льда при столкновеніи съ неподвижной массой.

При нормальныхъ условіяхъ движеніе льда за періодъ 8—10 дней незначительно, и поэтому партія, возвращающаяся менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, легко можетъ исправить небольшія поврежденія пути.

Спустя 8—10 дней, вторая вспомогательная партія отправляется обратно за первой и на обратномъ пути исправляетъ всѣ замѣченныя поврежденія, какъ по дорогѣ, пройденной за эти дни, такъ и ту часть пути, по которой 8—10 дней тому назадъ прошла первая возвращающаяся къ землѣ вспомогательная партія.

Расчистка пути.

То же самое, только все на большемъ и большемъ разстояніи, продѣлываютъ третья и четвертая партіи.

Исправить поврежденія пути, причиненныя передвиженіемъ части льда, значитъ, что возвращающаяся партія должна соединить разорванный путь вмѣстѣ, т.-е. проложить на востокъ или на западъ, смотря по тому, гдѣ окажется продолженіе отнесеннаго пути новую дорогу, утаптывая снѣгъ и расчищая поднятый холмами ледъ. Такимъ образомъ, когда будетъ возвращаться главная партія, то она просто будетъ слѣдовать по проложенному уже пути, не теряя времени на разыскиваніе отнесенной дороги.

Въ результатѣ пользованія такимъ методомъ передвиженія получается то, что главная партія обратный путь совершаетъ на пятьдесятъ, а въ пѣкоторыхъ случаяхъ и на сто процентовъ, т.-е. вдвое быстрее, чѣмъ къ Полюсу.

Причины такого быстрого передвиженія очевидны: не тратится время на прокладываніе пути, собаки работаютъ значительно энергичнѣе, идя по проложенному слѣду, особенно по направленію къ дому, и, наконецъ, предоставляется возможность пользоваться уже готовыми „иглу“.

Нужно имѣть въ виду, что съ обратнымъ достиженіемъ земли работа каждой вспомогательной партіи окончена,—ни одна изъ нихъ уже болѣе не спускалась на ледъ, чтобы доставить провизію для возвращающейся главной партіи.

Составленіе обоза.

Каждая группа изъ четырехъ человѣкъ была абсолютно независима отъ остальныхъ, такъ какъ имѣла полный комплектъ всего необходимаго въ пути. На каждыхъ саняхъ была пища для собакъ, людей и особенно теплая одежда для кучера. Общій запасъ каждаго саней былъ рассчитанъ приблизительно дней на пятьдесятъ, а уменьшая постепенно количество собакъ и кормя мясомъ ихъ остальныхъ собакъ, а также и людей, періодъ времени можно было растянуть дней до шестидесяти.

При нагрузкѣ каждаго саней былъ принятъ во вниманіе слѣдующій принципъ: центръ тяжести груза помѣстить возможно ниже, чтобы такимъ образомъ придать санямъ большую устойчивость. Не мало, конечно, обращалось вниманія и на компактность общаго объема груза. На дно саней во всю длину и ширину ихъ клался слой красныхъ жестинокъ съ собачьимъ пеммиканомъ; сверху нихъ укладывался слой коробокъ съ сухарями; еще выше—снѣга жестинокъ съ пем-

миканомъ для людей, сгущенное молоко и топливо, спиртъ и керосинъ. Все это прикрывалось мѣхомъ, который служилъ подстилкой для сна въ „иглу“. Наверху лежали лыжи, топоры-пешни и пила-ножъ для рѣзки льда и сибга. Изъ

Приготовленіе саней.

запасныхъ частей одежды на каждахъ саняхъ лежало по нѣскольку паръ изъ человѣка эскимосскихъ сапогъ изъ тюленьей шкуры, запасъ не лишній, такъ какъ каждому понятно, что обувь рвалась больше всего.

Аппараты для измѣренія глубины моря.

Во время пути отъ мыса Колумбія до Полюса, экспедиція произвела цѣлый рядъ измѣреній глубины моря. Аппаратъ, служившій для этой цѣли, состоялъ изъ деревяннаго вала, длиною въ ширину саней съ ручками на томъ и на другомъ концѣ. На валъ наматывалось 1.000 фатомовъ (6.000 футовъ) специально сдѣланной стальной проволоки, толщиною въ

Отыскиваніе тонкаго льда для измѣренія глубины моря.

0,028 дм. въ діаметрѣ. Къ свободному концу этой проволоки привязывался свинцовый грузъ въ четырнадцать фунтовъ съ самозакрывающимися камерами снизу для захвата образцовъ земли морского дна. Такихъ аппаратовъ у насъ было два. Проволока каждаго вѣсила 12,42 фунта, каждый валъ—18 фунтовъ; слѣдовательно, весь аппаратъ съ свинцовымъ грузомъ вѣсилъ 44,42 фунта, а оба вмѣстѣ съ запаснымъ грузиломъ почти 103 фунта.

Однимъ аппаратомъ пользовалась главная партія, другимъ—передовая. Измѣренія производились или съ ледяной окранный полой воды, или же приходилось дѣлать прорубь въ тонкомъ льдѣ. Аппаратъ былъ настолько легокъ, что имъ съ успѣхомъ могли справиться двое.

Измѣреніе пути.

Направленіе пути мы опредѣлили по компасу, а пройденное разстояніе, особенно въ началѣ пути, на глазъ приблизительно. У меня, Бартлетта и Марвина въ этомъ отношеніи выработался такой навыкъ, что мы рѣдко ошибались болѣе, чѣмъ на милю. Свои приблизительныя измѣренія время отъ времени мы провѣряли астрономически. Ошибка могла получиться только въ тѣхъ случаяхъ, когда происходила подвигка льда вмѣстѣ съ нами на югъ или на сѣверъ; но и тогда разница получалась незначительная: такъ благодаря продолжительному опыту выработалось уже какое-то чутье опредѣлять, движется ледъ или нѣтъ, по вѣтру, и отсюда дѣлать соотвѣтственную поправку въ обычномъ исчисленіи на глазомѣръ.

Затрудненія при отправкѣ.

28 февраля капитанъ Бартлеттъ и Борупъ со своими партіями двинулись на сѣверъ отъ мыса Колумбія. Погода попрежнему стояла тихая, ясная и холодная.

Послѣ отъѣзда передовой партіи остающіеся сани были выстроены въ одну линію, и я произвелъ имъ послѣдній смотръ. Покидая „Рузевельтъ“, я имѣлъ въ полѣ двадцать упряжекъ, по семи собакъ каждая, и рассчитывалъ, что съ этимъ количествомъ я и выступлю къ Полюсу, но за время пребыванія у мыса Колумбія въ одной упряжкѣ развилась какая-то горловая болѣзнь, и шесть собакъ околѣло. Оставалось девятнадцать упряжекъ.

Но это не все,—приходилось оставить двухъ эскимосовъ,—у одного распухло колѣно, а другой отморозилъ пятку. Мой расчетъ отправить еще небольшую партію впереди главной для улучшенія уже проложеннаго пути нарушался. Марвину и Мак-Миллану приходилось взять на себя обязанности ку-

черовъ, а докторъ Гудселль долженъ былъ присоединиться къ главной партіи. Въ общемъ я все-таки надѣялся, что эти отступленія большихъ неудобствъ не создадутъ, и въ дѣйствительности дорога оказалась менѣе ужасной, чѣмъ я предполагалъ.

Выступленіе.

1-го марта, задолго еще до разсвѣта, я былъ разбуженъ дикимъ завываніемъ вѣтра. Я выглянулъ на улицу сквозь маленькое отверстіе въ „иглу“. Было попрежнему ясно, звѣзды мерцали холодными алмазами. Вѣтеръ дулъ съ востока, явленіе очень рѣдкое въ этихъ мѣстахъ и никогда во время прежнихъ экспедицій много не наблюдаемое.

Послѣ завтрака съ разсвѣтомъ мы вылѣзли изъ „иглу“ и осмотрѣлись. Пронизывающій восточный вѣтеръ вылъ попрежнему. Даль была затянута сѣровой дымкой тумана, для опытнаго глаза признакъ, что вѣтеръ нескоро упадетъ. Люди были одѣты сравнительно легко, и поэтому многіе вскорѣ повернули назадъ въ „иглу“, заявляя, что при такомъ вѣтрѣ немислимо отправляться. Надо принять во вниманіе, что въ видахъ экономіи всѣ носили еще зимнее повишенное уже платье, и, чтобы не откладывать отъѣзда, я приказалъ тотчасъ же переодѣться во все новое, болѣе теплое, специально приготовленное для санной экспедиціи платье.

Однѣ за другими выѣзжали изъ общей линіи сани и, придерживаясь слѣда, проложеннаго Бартлеттомъ, безшумно исчезали въ сѣрой вѣтряной дымкѣ тумана. Приказавши двумъ остающимся больнымъ эскимосамъ ждать возвращенія первой вспомогательной партіи, съ которой они могутъ вернуться на пароходъ, я присоединился къ остальнымъ, и черезъ нѣсколько минутъ высоты мыса Колумбіи потонули позади насъ въ туманѣ. Переметало.

Черезъ часъ ледниковая окраина осталась позади: мы

стояли у ледяных холмовъ, которые отдѣляютъ плывучіе льды отъ окраины ледника. Не смотря на топоры и пещи передовой партіи, а также и наши, переходъ былъ все-таки не гладокъ. Приходилось перебираться черезъ хаотически наваленные ледяные холмы на протяженіи нѣсколькихъ миль. Для саней была первая, но серьезная проба. Но, наконецъ, и это позади. Снѣгу мало, всего нѣсколько дюймовъ, и такъ какъ ледъ неровный, то сани дерутся основательно. Температура минусъ 50. Теперь на льду работаетъ 24 человѣка, 19 саней и 133 собаки. Находимся подъ 83 градусами 10 минутами сѣверной широты.

Шагая за своими саними, я вскорѣ наткнулся на эскимоса изъ партіи Марвина. Эскимось изъ всѣхъ силъ гналъ собакъ обратно: онъ настолько поломалъ свои сани, что не стоило ихъ и починять. Теперь онъ несся къ мысу Колумбія за запасными. Немного спустя, второй встрѣчный, этотъ уже изъ моей собственной партіи и возвращающійся по той же причинѣ, что и первый. Вскорѣ обогнали еще нѣсколько саней,—всѣ онѣ требовали болѣе или менѣе значительной починки.

Наконецъ, на 10-ой милѣ достигли первой ночевки Барлетта. Я, какъ самый старшій по возрасту въ партіи, занялъ одну „яглу“, Марвинъ другую по жребію съ остальными, которые должны были строить для себя сами.

Дневной полуснѣтъ, который теперь продолжался уже почти 12 часовъ, погасъ, когда послѣднія сани подъѣхали къ мѣсту ночевки. Можно было подвести итоги дневному испытанію. Лучшими оказались, благодаря наибольшей длинѣ и нѣсколько измѣненной конструкціи, такъ называемыя сани „Пири“. Трое изъ нихъ болѣе или менѣе пострадали, но не настолько, чтобы нельзя было починить, зато изъ эскимосскихъ, стараго образца, двое представляли жалкіе обломки и третья выглядѣли немного лучше.

Быстро накормили собакъ, и затѣмъ каждая партія заку-

порилась въ своемъ „иглу“, забывъ на часъ за ужиномъ и неровности пути, и монотонный полусвѣтъ, полумракъ дня

Типъ саней Пири.

и пронизывающій вѣтеръ. Лично для меня этотъ переходъ былъ не изъ легкихъ,—моя сломанная въ Гренландіи въ 1891 году нога начала опять давать себя чувствовать.

Полоя вода.

На слѣдующій день было облачно, и попрежнему свирѣпствовали восточный вѣтеръ. Дорога напоминала вчерашнюю. Въ концѣ дня я увидалъ впереди темное зловѣщее облачко, указывавшее на присутствіе полой воды. Явленіе обычное, надъ полой водой всегда стоитъ туманъ. Вода испаряется, а ледяные берега служатъ прекрасными охладителями. Получается до того густой туманъ, что на самомъ незначительномъ разстояніи онъ кажется чернымъ дымомъ степного пожара.

На нѣкоторомъ разстояніи, поперекъ моего пути двигались черныя пятна: это наши подвигались вдоль воды. Вскорѣ и я былъ на берегу. Передо мною разстилалась полоса шириною въ четверть мили темной воды. Образовалась она, по-видимому, уже послѣ того, какъ прошелъ Бартлеттъ. Дѣлать нечего—пришлось остановиться. Пока строили „иглу“, Марвинъ и Мак-Милланъ съ края льдины произвели измѣреніе моря; оказалось 96 фатомовъ. Мы находились теперь подъ 83 градусами 20 минутами сѣверной широты.

На слѣдующій день, еще до разсвѣта, я услыхалъ шумъ и трескъ льда; это значило—вода закрывается, льдины сходятся. Стукомъ обуха по льду въ своемъ „иглу“ я далъ сигналъ другимъ „иглу“ поскорѣ готовить завтракъ и сниматься. Утро было ясное, хотя вѣтеръ дулъ съ прежней силой.

Съ разсвѣтомъ мы уже пересѣкали все еще закрывающуюся щель. Подъ напоромъ старыхъ льдинъ молодой ледъ трещалъ и издымался; осколки со звономъ летѣли внизъ. Переходъ былъ довольно опасный, напоминающій переходъ черезъ рѣку по ледяному затору. На другой сторонѣ мы не нашли слѣдовъ Бартлетта. Это значило, что одинъ изъ береговъ двигался быстрѣе, и слѣдъ капитана нужно было искать на востокъ или на западъ.

Часа черезъ два мы всѣ очутились въ остромъ углу, образуемомъ двумя широкими трещинами. Тонкій ледъ западной трещины могъ еще поднять эскимоса, но съ тяжелыми санями пускаться было опасно. Я послалъ эскимоса Кьюта на западъ разыскивать слѣдъ Бартлетта, остальные же принялись за постройку снѣжной защитной отъ вѣтра стѣны и починивать сани.

Такъ приблизительно черезъ полчаса Кьюта показался на противоположномъ берегу, сигнализируя, что онъ отыскалъ слѣдъ капитана. Только что эскимосъ вылѣзъ на берегъ, какъ молодой ледъ затрещалъ, и западная трещина въ нѣ-

сколько минут закрылась. Мы тотчас же двинулись через нее и миляхъ въ полторахъ вышли на слѣдъ Бартлетта.

Вскорѣ я замѣтилъ человѣческіе и собачьи слѣды въ южномъ направленіи. Это значило, что Борупъ, согласно моимъ предположеніямъ, уже прошелъ назадь къ мысу Колумбія. Онъ, видимо, только что перешелъ трещину и теперь отыскивалъ нашъ слѣдъ гдѣ-либо къ югу.

Какъ только Марвинъ, слѣдовавшій за мной, подѣхалъ къ намъ, я тотчасъ же приказалъ Кьюта разгрузить его сани и ѣхать вмѣстѣ съ Марвинымъ назадь къ Колумбію. Сдѣлать я это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я чувствовалъ, что Борупу, какъ малоопытному, помощь болѣе опытнаго Марвина будетъ во многихъ случаяхъ нелишняя; во-вторыхъ, я хотѣлъ пополнить запасы спирта и керосина, такъ какъ, благодаря скверному пути, нѣсколько жестянокъ были повреждены и часть жидкости вытекла. Въ нѣсколько минутъ перегрузка была закончена, и Марвинъ съ Кьюта вскорѣ скрылся изъ вида.

Къ ночи главная партія достигла третьей остановки Бартлетта. Весь день вѣтеръ былъ неразлучнымъ нашимъ спутникомъ справа, а темныя облачка, видѣвшіяся то тамъ, то здѣсь, говорили намъ, что полая вода окружаетъ насъ почти со всѣхъ сторонъ. Къ счастью, ни одна трещина пока не лежала поперекъ нашего пути.

Наканунѣ появленія солнца.

Въ этотъ день, такъ около полудня, мы увидели надъ горными вершинами земли Гранта, которая все еще видѣлась на югѣ, полосу желтоватаго свѣта, которая, разрастаясь постепенно, достигла почти полуденита, короче говоря, мы опять были, послѣ пятимѣсячной ночи, наканунѣ восхода солнца, которое теперь еле-еле скрывалось за южнымъ горизонтомъ. День-два, и оно опять будетъ изливать свои лучи

на насъ. Трудно передать обыкновенными словами чувства при этомъ полярнаго путешественника человѣку, который привыкъ видѣть и не замѣчать солнце каждое утро.

На слѣдующій день, 4-го марта, погода переимѣнилась. Небо все заволокло тучами. Вѣтеръ, шумѣвшій всю ночь, почти упалъ совершенно; градусникъ показывалъ только 9 градусовъ ниже нуля—(23° R). Постѣ минусъ 50° F (—45° R) казалось совсѣмъ тепло.

Полная вода окружала насъ со всѣхъ сторонъ,—черныя полосы тумана висѣли во всѣхъ направленіяхъ. Въ разстояніи мили или двухъ на востокъ, параллельно нашему пути, тянулась безконечная, скрывающаяся на сѣверѣ въ туманѣ, трещина. Благодаря безвѣтрію, туманъ висѣлъ надъ нею высокою стѣною, отдѣляющею насъ отъ всего, что было далѣе на востокъ за нею. Эта вода для насъ была не опасна, меня болѣе беспокоила тонкая черная полоска, начавшая вырисовываться на сѣверѣ. Видимо, миляхъ въ пятнадцати впереди насъ была большая трещина, лежащая поперекъ нашего пути. По всѣмъ признакамъ мы находились въ области движущихся пловучихъ льдовъ. Окружающая картина была не изъ пріятныхъ; единственное утѣшеніе—довольно сносная дорога и то, что слѣдъ Бартлетта ни разу еще не былъ прерванъ. Благодаря этому, мы подвигались довольно быстро и, хотя переходъ былъ значительно длиннѣе вчерашняго, четвертаго „иглу“ Бартлетта мы достигли еще до темноты.

Здѣсь я нашелъ записку отъ капитана, доставленную, видимо, эскимосомъ, въ которой тотъ извѣщалъ, что, задержанный открытой водой, онъ стоитъ на разстояніи мили отъ „иглу“. Это объясняло значеніе черной полосы тумана на сѣверѣ, къ которой мы приближались.

На берегу покой воды.

Вскорѣ мы присоединились къ капитану. Передъ моими глазами предстала обычная непривлекательная картина—

бѣлесоватые обрывистые берега и чернильно-чернаго цвѣта полоса воды, посылающая вверхъ облака пара, которыя временами закрывали противоположный берегъ рѣки.

Капитанъ рассказывалъ, что, судя по шуму и треску, который заставилъ его подняться съ постели, трещина образовалась только въ прошлую ночь. Теперь она была шириною около четверти мили, а о длинѣ же ея трудно судить, такъ какъ на западѣ она уходила, пока глазъ хватить, и далѣе скрывалась въ тонкомъ туманѣ, а на востокѣ, миляхъ въ трехъ отъ насъ, по углу, образуемому чернымъ туманомъ, она пересѣкалась съ трещиною, сопровождавшею насъ въ теченіе двухъ переходовъ съ юга на сѣверъ.

Бартлеттъ съ обычной ему предупредительностью уже построилъ для меня „иглу“ рядомъ со своей собственной. Въ то время какъ остальные строили для себя „иглу“, капитанъ производилъ съ берега измѣреніе глубины моря,—оказалось 110 фатомовъ. Отъ мыса Колумбія мы теперь находились приблизительно на разстояніи 45 миль.

Слѣдующій день, 5-го марта, былъ ясный, съ легкимъ западнымъ вѣтромъ при температурѣ минусъ 20. Около полудня на югѣ показалось солнце, громадный желтый шаръ, медленно катившійся нѣкоторое время по южному горизонту. Не будь вчера облачно, мы видѣли бы солнце днемъ раньше.

За ночь рѣка нѣсколько сузилась, что ясно видно было по стиснутому молодому льду; но затѣмъ, подъ вліяніемъ отлива, берега разошлись еще больше прежняго, образовавши подъ нашимъ берегомъ вмѣсто молодого льда широкую полосу черной воды.

Въ этотъ день я послалъ Мак-Миллана съ тремя эскимосами и тремя санями назадъ привезти грузъ, сброшенный Кьюта, когда тотъ отправлялся съ Марвиннымъ на югъ, къ мысу Колумбія, а также привезти часть „магазина“ Боруна, который мы были не въ силахъ раньше забрать съ собою. Мак-Милланъ захватилъ отъ меня записку, чтобы оставить

ее на мѣстѣ груза Кьюта для Марвина, съ извѣщеніемъ, гдѣ и почему мы задержались и съ просьбой торопиться, какъ можно скорѣе, назадъ, къ намъ. Остальные починивали сани и просушивали одежду, пользуясь для этого маленькими керосиновыми лампами.

Весь слѣдующій день мы простояли на берегу полой воды. Еще день, а мы все тамъ же. Три, четыре, пять дней прошли въ томительномъ бездѣйствіи, въ напряженно нервномъ созерцаніи черной, мертвой рѣки. А погода, какъ на зло, все время стояла великолѣпная, и по моимъ расчетамъ за эти дни мы могли бы перешагнуть за 85-ую параллель.

За эти пять дней я, кажется, чуть не до дыръ протопталъ старую льдину, шагая взадъ и впередъ, съ ненавистью глядя на черную преграду.

Немного было сказано за эти дни другъ другу. Не весело было у всѣхъ на душѣ. Молчаніе тяготило,—а говорить,—какъ будешь говорить, когда даже тяжело смотрѣть другъ на друга, когда по нервно стиснутымъ зубамъ Барлетта мнѣ и безъ словъ ясно было, какая вереница мыслей проходить въ его головѣ.

Каждый день, вплоть до 9-го марта, на нашихъ глазахъ рѣка продолжала расширяться, и каждый день я съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на югъ, не увижу ли Марвина и Боруна, но ихъ не было.

Только тотъ, кто находился въ подобномъ положеніи, можетъ понять мое состояніе, мои муки, перенесенныя за эти дни вынужденнаго бездѣйствія. Я не могъ сидѣть или чѣмъ-либо заниматься, и все время бродилъ взадъ и впередъ передъ „иглу“, черезъ каждыя десять минутъ поднимался на снѣжное сооруженіе позади „иглу“, до усталости напрягая свои глаза, тщетно надѣясь увидѣть приближеніе Марвина и Боруна. Каждую ночь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чуткаго сна, я не однажды поднимался и внимательно, съ затаеннымъ дыханіемъ востраживался, не послышится ли наконецъ

лай приближающихся собакъ. Но кругомъ было тихо, мертво и холодно. Я понималъ, что послѣ такой длинной задержки, добавочный грузъ спирта и керосина, который должны были привезти Борунъ съ Марвиномъ, имѣлъ рѣшающее значеніе для достиженія нашей цѣли, но за эти томительные дни я уже рѣшилъ, что, если даже Борунъ и Марвинъ не придутъ, будь, что будетъ, а я отсюда не вернусь. Шагая назадъ и впередъ по берегу, я уже рисовалъ себѣ картину, какъ мы, подвигаясь все далѣе и далѣе на сѣверъ, истративши весь спиртъ и керосинъ, превращаемъ въ топливо наши сани, чтобы согрѣть только чай; далѣе—сани кончены; для утоленія жажды мы сосемъ ледъ и снѣгъ, а ѣдимъ неммиканъ и сырую собачину...

Отъ Большой рѣки до 87° 12' сѣв. шир.

Мы все еще стоимъ на берегу Большой рѣки. Я начинаю замѣчать, что мои эскимосы день ото дня становятся безпокойнѣе. Нѣсколько разъ я видѣлъ, какъ они по двое, по трое отходили подальше отъ „иглу“ и о чемъ-то совѣтовались. Разрѣшилось это тѣмъ, что двое изъ моихъ эскимосовъ, которые многіе годы ходили со мною и на которыхъ я имѣлъ всѣ основанія полагаться, пришли ко мнѣ и заявили, что они больны. Я имѣлъ достаточный опытъ, чтобы отличить здороваго эскимоса отъ больного, и въ данномъ случаѣ заявленіе пришедшихъ мнѣ показалось мало основательнымъ. Но какъ бы то ни было, я сказалъ, что они могутъ идти назадъ, къ землѣ, пусть только возьмутъ съ собой записку для Марвина, чтобы онъ поторопился.

Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ ухода двухъ минно-больныхъ, какъ и другіе эскимосы начали приходить одинъ за другимъ и жаловаться, что имъ что-то нездоровится. Это можетъ служить хорошей иллюстраціей къ тому, что

полярный путешественникъ долженъ считаться еще кое съ чѣмъ и другимъ, кромѣ состоянія льда и погоды.

9-го и 10-го марта мы, можетъ быть, могли бы перейти по тонкому льду, но, имѣя въ виду опытъ 1906 года, когда при подобной же переправѣ мы чуть не утонули всѣ, и кромѣ того будучи увѣренъ, что Марвинъ находится во всякомъ случаѣ теперь недалеко отъ насъ, я рѣшилъ переждать эти два дня, чтобы дать Марвину возможность догнать насъ.

Мак-Милланъ за эти тревожные дни оказалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги. Видя, что эскимосы начинаютъ беспокоиться, онъ, ни слова не говоря мнѣ, цѣлкомъ отдался идеѣ—поддерживать бодрость духа въ эскимосахъ. Для этого онъ выдумывалъ для нихъ дѣло, стараясь все время держать ихъ занятыми, чередуя дѣло время отъ времени играми. И онъ достигъ своей цѣли.

Къ вечеру 10-го марта щель, преграждавшая намъ путь, почти исчезла, берега быстро сближались. Я далъ приказъ къ утру быть готовыми къ выступленію. Я не могъ дольше ждать Марвина и положился на случай—авось догонитъ.

Конечно, мнѣ представлялась возможность поступить и иначе, а именно—вернуться назадъ и узнать, въ чемъ дѣло, но отъ этой мысли я предпочелъ отказаться, такъ какъ вернуться назадъ, это значитъ, сдѣлать лишнихъ девяносто миль и кромѣ того произвести дурное впечатлѣніе на эскимосовъ.

Утро 11-го марта было тихое и ясное съ температурой минусъ 40°. Въ путь выступили рано. Въ „иглу“ я оставилъ для Марвина записку.

4-ая стоянка, 11 марта 1909 г.

„Ждать здѣсь шесть дней, больше не могу.

У насъ очень мало топлива. Нагоняйте возможно скорѣе. На каждой стоянкѣ оставляю записку. Когда будете вблизи насъ, пошлите одиѣ сани налегкѣ съ запиской впередъ предупредить насъ.

Послѣ пяти переходовъ отсюда намѣренъ послать обратно доктора и трехъ эскимосовъ. Онъ долженъ встрѣтить васъ и дать дальнѣйшія указанія. Не останавливайтесь здѣсь, *перейдите щель*.

Выдавайте полныя раціоны и погоняйте собакъ. Очень важно, чтобы вы догнали насъ и доставили намъ топливо.

Уходимъ въ 9 утра. Четвергъ 11-го марта.

Пири*.

Безъ всякихъ затрудненій перешли закрывающуюся щель и сдѣлали переходъ не менѣе двадцати миль. За этотъ день мы пересѣкли семь щелей, шириною каждая отъ полу до цѣлой мили, покрытыхъ гладкимъ, прозрачнымъ молодымъ льдомъ. Все это время всѣ, включая и Бартлетта, шли вмѣстѣ. Этимъ днемъ мы перешагнули за 84-ую параллель.

На слѣдующій день было также тихо, и при температурѣ минусъ 45° мы опять сдѣлали переходъ не менѣе двадцати миль, въ первую половину дня пересѣкая массу узкихъ щелей и трещинъ, а во вторую идя по крѣпкимъ и ровнымъ сторонамъ ледянымъ полямъ.

Я надѣялся, что Марвинъ и Борупъ со своими людьми и запасами драгоцѣннаго топлива перейдутъ „Большую рѣку“ до первыхъ вѣтровъ. Это было очень важно, такъ какъ достаточно шестичасового хорошаго бриза, чтобы движеніемъ льда совершенно изорвать и разбросать въ разныя стороны нашъ путь, а послѣ этого найти насъ въ широкой бѣлой пустынѣ было бы такъ же легко, какъ иголку въ стогу сѣна.

И въ теченіе слѣдующаго дня стояла полная тишина. Термометръ ночью зарегистрировалъ минусъ 55°, утромъ во время отправленія показывалъ минусъ 53°, а вечеромъ спустился до минусъ 59° *).

На этотъ разъ я шелъ впереди моей партіи. Обернешься назадъ и не видишь ни людей, ни собакъ,—все тонетъ въ

*) 59° F = ок. —50½ R.

морозномъ туманѣ отъ дыханія, который блеститъ въ почти горизонтальныхъ лучахъ солнца. Путь былъ особенно хорошъ, за исключеніемъ начала, когда на разстояніи миль пяти мы выдѣлывали зигзаги, пробираясь по очень неровному льду. Прошли опять не меньше двадцати миль.

Только что закончили постройку „иглу“, какъ одинъ изъ эскимосовъ, стоявшій на возвышеніи позади „иглу“, вдругъ радостно закричалъ: „Клинг-мик-су!“ (Собаки идутъ!).

Я бросился къ эскимосу. Дѣйствительно, далеко, далеко на югѣ показалось маленькое серебристое облачко,—это были собаки. Немного спустя, Сиглу, эскимось изъ партіи Боруна, примчался на восьмеркѣ собакъ съ запиской отъ Марвина, что онъ, Борушъ и ихъ люди прошлую ночь спали на разстояніи двухъ переходовъ отъ насъ, эту ночь будутъ спать на разстояніи одного перехода, а завтра догонять насъ. И такъ партія съ керосиномъ и спиртомъ уже перешла „Большую рѣку!“

Хенсонъ тотчасъ же получилъ приказъ—завтра же рано утромъ выступить со своей партіей впередъ и прокладывать дорогу на разстояніи пяти слѣдующихъ переходовъ. Доктору категорически было заявлено, что на слѣдующее утро онъ съ двумя эскимосами долженъ вернуться назадъ, къ землѣ. Остальная партія должна остаться здѣсь, починяя сани и просушивая одежду, пока не подойдутъ Марвинъ и Борушъ, а послѣ ихъ прихода и перераспредѣленія груза, я намѣренъ былъ отослать обратно всѣхъ лишнихъ людей, собакъ и сани.

Эту ночь я спалъ, какъ беззаботное дитя. Утромъ Хенсонъ съ тремя эскимосами и санями отправился на сѣверъ, а немного позднѣе — докторъ Гудселль съ двумя эскимосами, одними санями и двѣнадцатью собаками повернулъ на югъ.

Докторъ былъ полезенъ мнѣ во многихъ отношеніяхъ, но его настоящее мѣсто было, конечно, тамъ, гдѣ болѣе

ство, т. е. на пароходѣ, и кромѣ того я чувствовалъ, что не имѣю никакого права подвергать человека дальнѣйшимъ опасностямъ пути. Широта, откуда онъ повернулъ на югъ, была приблизительно около 84° 29'.

Подъ вечеръ 14-го марта на югѣ показалось другое приближающееся облачко серебристаго тумана, и вскорѣ Марвинъ, идя во главѣ партіи, подѣхалъ къ „иглу“. Люди и собаки дымилась, какъ эскадра военныхъ кораблей. Наконецъ, мы получили полный запасъ топлива.

И въ прошломъ я былъ многимъ обязанъ Марвину, но въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ когда-либо.

Каждыя сани несли полный грузъ.

Теперь мы имѣли запасовъ какъ разъ на двѣнадцать саней. Кучеровъ и собакъ имѣлось больше, чѣмъ требовалось, и поэтому я тотчасъ же рѣшилъ, что Мак-Миллану, нѣсколько дней тому назадъ отморозившему пятку, самое лучшее вернуться назадъ.

На разстояніи полумили отъ „иглу“ на сѣверъ, Марвинъ произвелъ измѣреніе глубины моря и нашелъ дно на глубинѣ 825 фатомовъ. Это давало мнѣ основаніе предполагать, что мы окончательно перешли черезъ „Большую рѣку“, омывающую подводное плато, прилегающее къ матерiku.

Дальше на сѣверъ.

Въ понедѣльникъ, 15-го марта, было также ясно и холодно, морозъ стоялъ отъ 45° до 50° ниже нуля. Поднимался пронизывающій западный вѣтерокъ. Бартлеттъ и Марвинъ съ топорами-пешинами отправились впередъ тотчасъ же послѣ завтрака, а немного спустя, выступили и ихъ партіи съ Борупомъ и его партіей во главѣ.

Мак-Милланъ отправился къ мысу Колумбія съ двумя эскимосами, двумя саними и 14-ю собаками. Главная партія

теперь заключала 16 человекъ, 12 саней и 100 собакъ. Однѣ сани были сломаны для починки другихъ, трое отправлены обратно съ возвращающимися партіями и двое оставлены здѣсь, чтобы воспользоваться ими на обратномъ пути.

Изъ 12-ти саней главной партіи 7 были типа Пири и 5 стараго эскимосскаго образца.

Простившись съ Мак-Милланомъ, я двинулся на сѣверъ. Боль въ ногѣ, сильно беспокоившая меня, начиная отъ мыса Колумбія, теперь почти прекратилась.

Подъ вечеръ кругомъ застонали и затрещали старыя льдины, — значитъ, впереди опять вода.

И дѣйствительно, вскорѣ поперекъ нашего пути легла широкая трещина. Сѣверный берегъ ея двигался. Къ западу трещина суживалась, и поэтому мы всё двинулись налѣво. Вскорѣ мы замѣтили, что въ одномъ мѣстѣ трещина запружена плавающими обломками льда, изъ которыхъ нѣкоторые достигали 50—100 футовъ въ ширину.

Мы бросились туда и, перескакивая съ льдины на льдину, подгоняя собакъ, пустились по льдинамъ, какъ по понтонному мосту. Упряжка Борупа, перескакивая съ одной льдины на другую, поскользнулась и нырнула въ воду. Бросившись впередъ, атлетъ Борупъ задержалъ сани и затѣмъ, ухватившись за постромки, вытащилъ всю упряжку обратно на льдину. Будь на мѣстѣ Борупа кто-либо съ менѣе развитой мускулатурой, собаки и сани были бы потеряны, — пятисотъ фунтовый грузъ саней, конечно, утянулъ бы за собой собакъ на дно.

Выбравшись на другую сторону и почувствовавши подъ ногами опять прочный ледъ, мы двинулись впередъ.

Но не прошли нѣсколькихъ миль, какъ прямо на нашихъ глазахъ ледъ съ трескомъ раскололся и началъ расходиться, образуя полосу покой воды. Принуждены остановиться.

Температура къ вечеру была 50° ниже нуля. Дулъ не сильный, но пронизывающій юго-восточный вѣтеръ; близость

Ледняні образувани вблизи м. Колумбія.

воды и неразлучнаго съ нею тумана дѣлала постройку „иглу“ въ этотъ вечеръ особенно неприятной.

Никто изъ насъ въ эту ночь не могъ заснуть, какъ слѣдуетъ. Ледъ все время потрескивалъ, и нисколько бы не было удивленъ, если бы вдругъ трещина прошла черезъ нашу стоянку или даже черезъ одну изъ нашихъ „иглу“. Если бы случилось послѣднее, кто-нибудь, навѣрное, „промочилъ бы ноги“.

Утромъ, изслѣдуя берега, мы наткнулись недалеко отъ „иглу“ опять на ледяной заторъ, крѣпко сцементированный за ночь морозомъ. Переправились, но не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ сотъ ярдовъ, какъ увидали „иглу“, построенную Хенсономъ. Часовъ черезъ шесть пути достигли другого „иглу“ Хенсона. Удивляться не приходилось,—трещины и движеніе льда, очевидно, отняли не мало энергій у партіи Хенсона. Еще четыре часа, и мы находимъ самого Хенсона въ новомъ „иглу“. Изъ трехъ саней, бывшихъ съ нимъ, остались только двое,—еще лишнее основаніе, почему Хенсонъ двигался медленно.

Мои сани пострадали тоже порядкомъ, пришлось произвестн перегрузку и починку.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна я разбудилъ Марвина и отправилъ его впередъ для прокладки пути на разстояніи двухъ возможно длинныхъ переходовъ, чтобы скольконибудь наверстать потерянное вчера.

Вскорѣ по слѣдамъ Марвина отправились Бартлеттъ, Борупъ и Хенсонъ съ топорами-пешнями улучшать путь, прокладываемый Марвиномъ. Велѣдъ за ними выступили и ихъ партіи, а позади всѣхъ и я со своей. Марвинъ сдѣлалъ добрый переходъ миль семнадцать, иля сначала по очень неровному льду, а затѣмъ по сравнительно ровнымъ полямъ старыхъ льдинъ съ массой хорошо замерзшихъ трещинъ между ними.

Дальнѣйшій планъ.

Вечеромъ въ этотъ день, т. е. 19-го марта, пока эскимосы строили „иглу“, я излагалъ свой планъ дальнѣйшаго движенія впередъ передъ Бартлеттомъ, Марвиномъ, Борупомъ и Хенсономъ.

Послѣ завтрашняго перехода (пятого отъ мѣста, гдѣ повернули на югъ Мак-Милланъ и докторъ) Борупъ долженъ отправиться назадъ съ тремя эскимосами, двадцатью собаками и одиѣми санями, оставивъ въ главной партіи 12 человѣкъ, 10 саней и 80 собакъ.

Еще пять переходовъ, и Марвинъ поворачиваетъ на югъ съ двумя эскимосами и одиѣми санями, оставляя въ главной партіи 9 человѣкъ, 7 *) саней и 60 собакъ.

Далѣе, послѣ слѣдующихъ пяти переходовъ долженъ вернуться Бартлеттъ съ двумя эскимосами, двадцатью собаками и одиѣми санями, оставивъ въ главной партіи 6 человѣкъ, 40 собакъ и 5 саней.

Я разсчитывалъ, что при хорошей погодѣ и состояніи льда не хуже, чѣмъ это было до сихъ поръ, Борупъ можетъ перейти 85-ую параллель, Марвинъ 86-ую и Бартлеттъ 87-ую.

Въ концѣ каждаго пяти переходовъ я намѣренъ былъ посылать назадъ худшихъ собакъ, менѣе энергичныхъ эскимосовъ и болѣе изношенные сани. Какъ видно будетъ изъ слѣдующаго, программу удалось выполнить въ болѣе лучшемъ видѣ, чѣмъ я предполагалъ.

День 19-го марта выдался особенный съ желтоватымъ солнечнымъ свѣтомъ. Солнце уже теперь держалось надъ горизонтомъ около полусутокъ, вторую же часть сутокъ оно

*) Двое саней остаются около „иглу“.

хотя и скрывалось за горизонтомъ, но уходило настолько недалеко, что темнота не наступала, а стоялъ сѣроватый полусвѣтъ.

Температура, видимо, была за 50 ниже нуля, такъ какъ бренди (коньякъ) замерало. Болѣе точно я не могъ опредѣлить, такъ какъ въ моихъ спиртовыхъ термометрахъ столбикъ спирта отъ постоянной тряски во время пути порвался. Конечно, во время ночевокъ термометры можно было привести въ порядокъ, что я иногда и дѣлалъ, но это требовало порядочно времени.

Марвинъ опять шелъ впереди и сдѣлалъ не менѣе 15-ти миль. Въ концѣ этого марша мы находились между $85^{\circ} 7'$ и $85^{\circ} 30'$ сѣв. широты или около широты нашей „Бурной Стоянки“ три года тому назадъ, но зато въ настоящее время мы были на дѣлѣхъ 23 дня впереди при несравненно большихъ запасахъ и несравненно лучшемъ состояніи людей и собакъ. Бартлеттъ опредѣлялъ наше положеніе $85^{\circ} 30'$, Марвинъ— $85^{\circ} 25'$ и я— $85^{\circ} 20'$. Дѣйствительная широта оказалась $85^{\circ} 23'$.

Рано утромъ Бартлеттъ съ двумя эскимосами, шестнадцатью собаками и двумя санями отправился прокладывать путь. Немного погодя, повернулъ на югъ Борушъ съ тремя эскимосами, 16-ю собаками и одиѣми санями. Для экспедиціи этотъ молодой силачъ былъ дорогъ, какъ человѣкъ, вкладывавшій въ работу всю душу. Онъ управлялъ собаками и тяжелыми санями, какъ настоящій эскимосъ, съ искусствомъ, которому завидовала вся партія. Но несмотря на весь энтузіазмъ, Борушъ все-таки былъ малоопытенъ въ смыслѣ умѣнья и сноровки при переходѣ полой воды, и поэтому мнѣ не хотѣлось подвергать его дальнѣйшимъ опасностямъ и къ тому же онъ такъ же, какъ и Мак-Милланъ, отморозилъ себѣ пятку.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ ухода Боруна, я послалъ впередъ Хенсона съ двумя эскимосами, тремя санями

и двадцатью четырьмя собаками вслѣдъ за Бартлеттомъ, а самъ съ Марвинномъ, четырьмя эскимосами, пятью санями и сорока собаками остался на мѣстѣ на двѣнадцать часовъ, чтобы дать возможность Бартлетту сдѣлать хорошій переходъ.

Начиная отсюда, каждая партія вмѣсто четырехъ человѣкъ, какъ то было до сихъ поръ, состояла изъ трехъ. Те-

Передышка во время послѣдняго перехода къ Полосу.

перь на каждое „иглу“ приходилось по три человѣка вмѣсто четырехъ, что давало возможность нѣсколько уменьшить размѣры самаго „иглу“, значило соответственно уменьшить работу каждый вечеръ.

Непрекращающійся дневной свѣтъ давалъ возможность теперь измѣнить нѣсколько самую систему передвиженія, давая возможность каждые двадцать четыре часа главной партіи приходить въ соприкосновеніе съ передовой. Ради этого главная партія оставалась на стоянкѣ двѣнадцать ча-

совъ послѣ выхода передовой, которая за это время дѣлала переходъ, строила „иглу“ и отдыхала. Когда главная партія проходила то же самое разстояніе и останавливалась на отдыхъ, передовая снималась и опять уходила впередъ.

При такомъ способѣ партіи держались на болѣе близкомъ разстояніи другъ отъ друга, уменьшая такимъ образомъ вѣроятность разобщенія партій полою водой процентовъ на 50.

На этой стадіи экспедиціи партія Хенсона шла вмѣстѣ съ Бартлеттомъ, а Марвинъ—съ моею.

Обмѣнъ эскимосами.

Совершенно случайно я замѣтилъ, что не бесполезно при извѣстныхъ обстоятельствахъ перемѣщать эскимосовъ изъ одной партіи въ другую. По временамъ съ ними трудно бываетъ справиться, и поэтому какъ только замѣчалось въ комъ-нибудь изъ нихъ нѣкоторое упрямство или неповиновеніе, какъ точасъ же того передавали въ мою группу, а я уже умѣлъ поладить съ каждымъ изъ нихъ.

На слѣдующей остановкѣ Марвинъ произвелъ измѣреніе глубины и, къ нашему удивленію, досталъ дно на глубинѣ 310 фатомовъ. При подъемѣ груза проволока сорвалась, и какъ часть проволоки, такъ и само грузило были потеряны. Вскорѣ послѣ полуночи мы съ Марвиномъ двинулись въ путь и сравнительно скоро, такъ миляхъ въ десяти, нашли стоянку Бартлетта. Онъ былъ задержанъ поломкой саней, и теперь мы нашли здѣсь одного эскимоса изъ его партіи и всю группу Хенсона починающими сани. Самъ Бартлеттъ уже ушелъ, да и остальные выступили вскорѣ послѣ нашего прибытія.

Марвинъ произвелъ опять измѣреніе и при 700 фатомахъ не досталъ дна, причемъ опять оборвалъ проволоку и потерялъ два топора-пешни, которыми пользовался вмѣсто гру-

зла. День былъ ясный, солнечный, съ легкимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Барометръ показывалъ минусъ 40°.

Слѣдующій переходъ 22-го марта былъ не менѣе 15-ти миль. Послѣ окончанія „иглу“ я приказалъ эскимосамъ построить защитную отъ вѣтра снѣжную стѣну для астрономическаго опредѣленія нашего мѣста, которое намѣренъ былъ произвести Марвинъ. Наблюденіе дало слѣдующій результатъ,—мы находились подъ 85 градусами 48 минутами сѣв. широты.

Слѣдующій переходъ былъ при температурѣ минусъ 30° и туманѣ, который ясно говорилъ о близости полой воды. Милыхъ въ пяти отъ ночевки мы наткнулись на открывающуюся щель и имѣли прекрасный случай убѣдиться, какъ при дружной и умѣлой работѣ можно перебраться и быстро и благополучно черезъ открывающуюся щель. Пятая сани поотстали, и къ ихъ приходу щель уже настолько увеличилась, что пришлось подумать объ иномъ способѣ переправы, чѣмъ простое передергиваніе и перепрыгиваніе. На сѣверномъ берегу откололи значительныхъ размѣровъ льдину, спустили на нее двухъ эскимосовъ съ концомъ веревки въ рукахъ, а другой перебросили на южный берегъ, гдѣ его подхватили ожидавшіе переправы и постепенно перетаскивали льдину къ своему берегу. Затѣмъ всѣ спустились на импровизованный паромъ, перебросили конецъ на сѣверный берегъ и благополучно были перетянуты на другую сторону. Въ то время, какъ мы всецѣло были поглощены переправой, вблизи отъ насъ изъ воды вынырнулъ тюлень и спокойно смотрѣлъ на нашу работу.

Къ концу слѣдующаго въ 15 миль перехода, уже на 86-ой параллели или даже нѣсколько сѣвернѣе, мы опять увидели „иглу“ Бартлетта, гдѣ нашли Хенсона съ его партіей. Хенсонъ тотчасъ же снялся, причемъ одного изъ эскимосовъ я послалъ къ Бартлетту съ запиской ободряющаго характера, что его послѣдняя остановка была за 86-ой параллелью, и

что эту ночь онъ, назѣрное, будетъ спать сѣвернѣе норвежскаго рекорда *).

И дѣйствительно—еще переходъ, и мы уже побили норвежскій рекордъ $86^{\circ} 13' 6''$, причѣмъ идя на 15 дней впереди его. Мои передовыя сани нашли Бартлетта и Хенсона въ „иглу“, откуда они тотчасъ же вышли и ушли впередъ еще до моего прихода.

Такъ какъ Марвинъ съ двумя эскимосами долженъ былъ повернуть обратно послѣ слѣдующаго перехода, то ихъ провизію я оставилъ въ этомъ „иглу“, чтобы не тащить ее попусту 15—20 миль обратно. Починка саней и перекладка груза такъ урѣзали наше время для сна, что черезъ три часа отдыха мы уже опять были въ дорогѣ.

Слѣдующій переходъ былъ длиннѣе обыкновеннаго, миль двадцать. Бартлеттъ, ободряемый хорошимъ состояніемъ льда, не смотря на снѣжную мятель во вторую половину дня, казалось, забылъ, что пора уже остановиться. Въ этотъ день мы видѣли слѣды бѣлаго медвѣдя въ 200 миляхъ отъ земли.

Въ половинѣ десятаго, утромъ 25-го марта, я нашелъ Бартлетта и Хенсона съ ихъ людьми въ „иглу“. Они, согласно уговору, послѣ пятаго перехода дожидались меня. Я вызвалъ ихъ, и они тотчасъ же всѣ бросились починивать сани, распредѣлять грузъ и сортировать собакъ.

Мы побиваемъ рекордъ герцога Абрुццанаго.

Марвинъ тѣмъ временемъ, пользуясь ясной погодой, произвелъ опять астрономическое наблюденіе и опредѣлилъ наше положеніе $86^{\circ} 38'$, т.-е. мы оказались, какъ я и ожидалъ, сѣвернѣе итальянскаго рекорда и на 30 дней впереди его. Такимъ образомъ за послѣдніе три перехода мы прошли ровно

*) Т.-е. Нансена.

50 минутъ широты, въ среднемъ $16\frac{2}{3}$ мили каждый переходъ.

Около четырехъ часовъ пополудни Бартлеттъ съ двумя эскимосами, двумя санями и восемнадцатью собаками двинулся впередъ съ помѣщеніемъ—въ слѣдующіе пять переходовъ достичь 88 параллели, послѣ чего онъ долженъ былъ повернуть назадъ. Позднѣе я узналъ, что онъ намѣревался въ первый день слѣзати, если не помѣшаетъ погода и ледъ, 25 или даже 30 миль.

Послѣ ухода Бартлетта я, утомленный длиннымъ переходомъ, не выспавшись, какъ слѣдуетъ, въ прошлую ночь, вмѣсто того, чтобы лечь поскорѣе, провозился еще нѣсколько часовъ: нужно было написать письма съ Марвиномъ, кой-что заказать, написать краткую инструкцію для предполагаемаго путешествія его къ мысу Дезюпа (Desur).

Отъѣздъ Марвина.

На слѣдующее утро, въ пятницу 26-го марта, послѣ крѣпкаго и продолжительнаго сна я поднялъ всю партію въ 5 часовъ утра. Какъ только окончили съ нашимъ обычнымъ завтракомъ—пеммиканомъ, сухарями и чаемъ, Хенсонъ съ двумя эскимосами, двадцатью пятью собаками на троихъ саняхъ отправился по слѣдамъ Бартлетта. Въ половинѣ десятаго повернулъ на югъ и Марвинъ въ компаніи двухъ эскимосовъ съ семнадцатью собаками и одиѣмъ санями. Никому и въ голову не приходило, что это прощаніе съ Марвиномъ будетъ послѣднимъ *). День былъ ясный, сухой, снѣгъ ослѣпительно блестѣлъ на солнышкѣ; съ сѣвера тянуло крѣпкимъ холодомъ. Собаки послѣ хорошаго отдыха казались оживленными, да и самъ Марвинъ, хотя и сожалѣлъ, что

---

*) Марвинъ утонулъ на обратномъ пути при переправѣ черезъ полную воду.

приходится вернуться, но былъ гордъ и доволенъ сознаніемъ, что только онъ одинъ изъ бѣлыхъ, за исключеніемъ меня и Бартлетта, шагнулъ за 86°34' сѣв. широты.

Я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ и буду вспоминать наши послѣдніе дни, когда, шагая бокъ-о-бокъ, мы всю дорогу обсуждали его планъ путешествія къ мысу Джезупа и морскихъ измѣреній, линію которыхъ онъ намѣревался произвести отъ мыса на сѣверъ. И такъ какъ онъ возвращался назадъ, къ землѣ, его голова цѣликомъ была занята будущимъ, будущимъ, которое всегда скрыто отъ насъ. Мои послѣднія слова при прощаніи были:

„Будь остороженъ, мой мальчикъ, съ полою водою.“

По странному совпаденію вскорѣ послѣ того, какъ Марвинъ отпратился въ свое фатальное путешествіе, солнце исчезло, небо затянуло свинцовыми тучами, все посѣрѣло, стало темно и мрачно. Небо и ледъ потеряли свой обычный цвѣтъ, все казалось ненатуральнымъ, необычнымъ. Мнѣ приходилось и раньше наблюдать эти странные свѣтовые эффекты, но за то время, какъ мы покинули землю, это было впервые.

Въ концѣ этого перехода, благодаря полою водѣ, намъ пришлось нѣсколько уклониться къ западу. Мы уже подходили къ „иглу“ Бартлетта, какъ сѣрый туманъ быстро началъ таять и кругомъ опять заблестало яркое солнышко. Температура поднялась до минусъ 20-ти. Бартлеттъ только что передъ нашимъ уходомъ ушелъ опять впередъ. За этотъ день мы сдѣлали добрыхъ миль пятнадцать.

Слѣдующій день, 27-го марта, былъ однимъ изъ тѣхъ яркихъ, ослѣпительно солнечныхъ дней, въ которые дымчатая очки являются безусловно необходимою, если человѣкъ не хочетъ подвергнуться такъ называемой снѣжной слѣпотѣ. Съ тѣхъ поръ какъ солнце начало значительно подниматься надъ горизонтомъ, всѣ члены экспедиціи въ солнечные дни носили темно-дымчатая очки. Температура

при остромъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ варьировала между 30 и 20 градусами холода.

Дорога за этотъ день была изъ труднѣйшихъ. Долгое время приходилось прокладывать путь сквозь настоящие ледяные заломы, причемъ острые ледяные углы, казалось, прорѣзывали насквозь наши тюленьи сапоги и заячьи чулки. Затѣмъ попали на старый изломанный ледъ, покрытый глубокимъ снѣгомъ, гдѣ приходилось вязнуть по поясъ и надрываться изо всѣхъ силъ, поднимал и поддерживал тяжелыя сани. Дорогой видѣли слѣды двухъ лисицъ. Это, насколько мнѣ извѣстно, самые сѣверные слѣды наземныхъ животныхъ (около 240 миль отъ сѣв. берега Земли Гранта), когда-либо наблюдаемые.

„Иглу“ Бартлетта нашли среди ледяного хаоса старыхъ льдинъ, исковерканныхъ и разбросанныхъ во всѣхъ направленіяхъ. Бартлеттъ и люди спали, но вскорѣ послѣ нашего прихода вышли и опять начали собираться въ путь. Пока мои люди строили еще „иглу“, я облегчилъ сани Бартлетта фунтовъ на сотню. За этотъ день прошли не больше 12-ти миль.

За 87-ой параллелью.

Теперь мы находимся за 87° сѣв. широты, въ области постоянного дня въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году. Вечеромъ послѣ перехода солнце уже не скрывалось за горизонтомъ. Сознаніе, что мы достигли 87-ой параллели съ большимъ запасомъ провизіи и въ бодромъ настроеніи, какъ люди, такъ и собаки, дало мнѣ возможность заснуть эту ночь съ легкимъ сердцемъ. Три года тому назадъ только шестью милями сѣвернѣе (87°6') я принужденъ былъ отказаться отъ достиженія заветной цѣли.

Даже и теперь, добравшись до своего собственного рекорда, я не возлагалъ большихъ надеждъ на успѣшное до-

стиженіе цѣли, такъ какъ еще 180 миль ледяной пустыни отдѣляло меня отъ Полюса.

На другой день, 29-го марта, когда я проснулся, небо было совершенно чисто, но вскорѣ сѣверо-восточный вѣтеръ пригналъ густой, черный, какъ дымъ, зловѣщій туманъ—призракъ, что по сосѣдству масса покой воды. Бартлеттъ поднялся и ушелъ впередъ еще за нѣсколько часовъ до моего пробужденія.

Переходъ черезъ озеро по молодому льду около 87 параллели.

Послѣ сравнительно хорошаго шести часового пути по слѣдамъ Бартлетта, мы увидали его „иглу“ на берегу широкой полосы покой воды. Надъ водою и дальше на сѣверъ, западъ и востокъ висѣла стѣна чернаго тумана, которая весь день маячила передъ нашими глазами. Чтобы не разбудить Бартлетта, мы остановились въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдахъ отъ нихъ, построили, какъ только могли, безъ шума „иглу“ и тамъ залегли на отдыхъ. Дорога за этотъ день все время

была сравнительно хороша, но, благодаря полой водѣ, переходъ за этотъ день вышелъ не больше двѣнадцати миль.

Только что я улегся, какъ началось потрескиваніе льда рядомъ съ „иглу“, но такъ какъ продолжалось это недолго и не въ достаточно сильной степени, то я предположилъ, что это закрывается щель впереди насъ, и, убѣдившись, что мои рукавицы лежатъ рядомъ со мною, я повернулся на другой бокъ съ намѣреніемъ заснуть. Только что началъ засыпать, какъ слышу, кто-то вѣдъ „иглу“ кричить не своимъ голосомъ.

Вскочивши на ноги, я бросился къ „глазку“. Между нами и „иглу“ Бартлетта лежала широкая полоса черной воды. Пролазъ вѣдъ моего „иглу“ выходитъ почти прямо въ воду. На противоположной сторонѣ трещины стоялъ эскимось Бартлетта и кричалъ, какъ только можетъ кричать испуганный эскимось.

Быстро разбудивши людей, я вышелъ пролазъ и выскочилъ вонъ. Новая трещина прошла какъ разъ мимо нашего „иглу“ и мѣста, гдѣ были привязаны собаки. Одну изъ моихъ упряжекъ чуть-чуть не утянуло въ воду, другую едва не засыпало осколками отъ напора льдинъ. „Иглу“ Бартлетта на ледяномъ плоту медленно двигалась на востокъ, а за нею, насколько позволялъ видѣть черный туманъ, чернѣла вода и только вода. Замѣтивъ, что „иглу“ капитана какъ будто приближается къ нашему берегу, я закричалъ людямъ, чтобы они скорѣе снимались и были готовы броситься на нашъ берегъ при первой же возможности, если только таковая представится.

Затѣмъ я осмотрѣлся кругомъ, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи мы находимся сами. Наши двѣ иглу т.-е. моя и Хенсона, стояли на маленькомъ кускѣ старой льдины, отдѣленной отъ ледяного поля узкой трещиной и низкимъ заваломъ осколковъ льда. Еще немного, и мы будемъ поставлены въ положеніе Бартлетта. Я тотчасъ же поднялъ Хенсона,

его людей и приказалъ тотчасъ же укладываться и запрягать, а самъ тѣмъ временемъ побѣжалъ къ щели и топоромъ-пешней наскоро началъ выравнивать путь черезъ щель, заваливая ее осколками льда. Какъ только сани были перетянуты на другую сторону, мы все бросились къ водѣ, готовые во всякую минуту броситься на помощь Бартлетту и его людямъ, какъ только его ледяное судно коснется нашего берега.

Дѣйствительно, льдину медленно несло къ нашему берегу. Наконецъ, она, какъ судно бортомъ, вскользя ударила по берегу. При такомъ оборотѣ дѣлать намъ не представлялось уже большого труда присоединить партію Бартлетта къ нашей.

Наши „иглу“ были потеряны. Ничего не оставалось дѣлать, какъ приняться за постройку новыхъ. Эта непредвидѣнная, сверхурочная работа послѣ тяжелаго перехода была особенно не по душѣ. Ночь все спали съ „рукавицами на рукахъ“, готовые каждую минуту къ новымъ сюрпризамъ.

Какъ бы то ни было, но въ этотъ тревожный день я побилъ свой собственный рекордъ 1906 года ($87^{\circ} 6'$; теперь мы находились подъ $87^{\circ} 12'$ сѣв. широты, т.-е. шестью милями сѣвернѣе).

Слѣдующій день, 29 марта, нельзя было назвать счастливымъ для насъ. На сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ висѣлъ черный туманъ, какъ дымъ сильнаго пожара. Онъ былъ настолько густъ, что мы не могли видѣть противоположнаго берега, если онъ только существовалъ. Приходилось сидѣть и ждать у моря погоды.

Послѣ завтрака переложили грузъ, произвели кое-какую починку въ саняхъ и на лампочкахъ высушили наше платье. Бартлеттъ произвелъ измѣреніе глубины моря, размотавъ 1.260 фатомовъ проволоки, но дна не досталъ. Всю проволоку онъ не рѣшался размотать, опасаясь какого-нибудь дефекта въ ней и потерять чуть не всю. Мы берегли аппаратъ.

для нашего дальнѣйшаго сѣвера, которымъ, мы надѣялись, будетъ самъ сѣв. Полюсъ.

Когда наши часы стали показывать, что пора ложиться спать (солнце уже свѣтило всѣ 24 часа), мы опять забрались въ „иглу“. Далекій шумъ, исходящій изъ нѣдръ чернаго тумана, постепенно усиливался, что позволяло надѣяться, что щель закрывается, что противоположный берегъ существуетъ и теперь приближается къ намъ.

Въ часъ утра, 30-го марта, шумъ усилился до рева, сквозь который доносился трескъ, какъ будто вдоль всей щели шла отчаянная перестрѣлка могучими залпами. Заглянувши въ „глазокъ“ „иглу“, я увидѣлъ, что черная завѣса настолько порѣдѣла, что я могъ видѣть сквозь нее. Но то, что я увидѣлъ, принесло мнѣ малое облегченіе,—недалеко, за рѣдѣющимъ туманомъ поднимался другой, еще болѣе черный, указывающій опять на присутствіе полой воды. Въ восемь часовъ утра температура спустилась до минусъ 30° съ острымъ сѣв.-западнымъ вѣтромъ. Щель закрылась.

Мы тотчасъ же снялись и бросились впередъ. Весь день всѣ три партіи т.-е. моя, Хенсона и Бартлетта, шли вмѣстѣ, постоянно перебираясь черезъ узкія полосы молодого льда, которыя еще недавно были полой водой. Въ этотъ же день мы пересѣкли небольшое, миль 6—7, шириною озеро съ такимъ тонкимъ льдомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что онъ трещалъ и гнулся подъ нами въ то время, какъ мы изъ всей мочи мчались къ противоположному берегу. За этотъ день мы наверстали за вчерашнее и въ общемъ слѣзали добрыхъ миль 20.

Весь этотъ районъ, пройденный нами за послѣдніе четыре дня, ничего не предвѣщалъ хорошаго и въ будущемъ. Достаточно нѣсколькихъ часовъ хорошаго вѣтра, и ледъ будетъ разбросанъ во всѣхъ направленіяхъ. Впередъ прошли, но какъ удастся вернуться назадъ—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что до нашего возвращенія сильныхъ вѣтровъ не будетъ.

Послѣдній маршъ Бартлетта.

Слѣдующій переходъ для Бартлетта былъ послѣднимъ, и зато ужъ онъ постарался. Дорога была особенно хороша, но погода не благопріятствовала: дулъ то сѣверный, то сѣверо-западный вѣтеръ прямо въ лицо, при морозѣ около 30°. Но какъ бы то ни было, сѣверный вѣтеръ былъ лучше восточнаго или южнаго, которые постоянно угрожаютъ открытой водой, тогда какъ сѣверный закрываетъ все шели. Правда, при сѣверномъ вѣтрѣ насъ нѣсколько относило вмѣстѣ со льдомъ назадъ, но легче было потерять нѣсколько миль, чѣмъ стоять на берегу полой воды въ полной неизвѣстности, когда въ состояніи будешь двинуться впередъ.

Вторую половину перехода Бартлеттъ чуть не бѣжалъ. Замѣшкаешься на минуту, Бартлетта и слѣдъ простыль, вались на сани и догоняй на собакахъ. Нѣсколько послѣднихъ миль я шелъ рядомъ съ Бартлеттомъ впереди всѣхъ. Какъ ему хотѣлось идти дальше, дальше, вмѣстѣ со мною!

Но нашъ уговоръ необходимо было привести въ исполненіе,—Бартлеттъ долженъ былъ вернуться отсюда во главѣ четвертой вспомогательной партіи. Пойди онъ съ нами—намъ все въ пришлось бы голодать на обратномъ пути.

При хорошей породѣ мы, навѣрное, отшагали бы за этотъ день миль 25; но, благодаря встрѣчному вѣтру, мы прошли не болѣе 20-ти. Мы были увѣрены, что если мы находимся теперь не на 88-ой параллели или около нея, то только потому, что сѣверный вѣтеръ могъ отнести насъ нѣсколько на югъ вмѣстѣ со льдомъ.

Только что остановились на ночлегъ, какъ небо начало проясняться, выглянуло солнышко, значить, завтра Бартлеттъ можетъ сдѣлать свое послѣднее астрономическое наблюденіе.

Какъ только закончили постройку „иглу“, я объявилъ

двумъ эскимосамъ — Кешингва и Карко, что завтра они должны повернуть на югъ вмѣстѣ съ Бартлеттомъ, а потому должны хорошенько высушить свое платье, такъ какъ весьма вѣроятно, что на обратномъ пути, при усиленныхъ переходахъ некогда будетъ заниматься этимъ. Бартлеттъ долженъ былъ вернуться съ этими двумя эскимосами, одними санями и 18 собаками.

Въ пять часовъ утра, послѣ четырехъ часового сна, я разбудилъ всѣхъ. Сильный сѣверный вѣтеръ, повидимому, не собирався утихать. Послѣ завтрака Бартлеттъ отправился пѣшкомъ на сѣверъ съ намѣреніемъ пройти еще пять-шесть миль, чтобы быть вполне увѣреннымъ, что онъ достигъ 88-й параллели. Послѣ возвращенія онъ долженъ былъ произвести для опредѣленія нашего положенія астрономическое наблюдение.

Во время его отсутствія я отобралъ лучшихъ собакъ изъ его упряжки и замѣнилъ ихъ худшими изъ моихъ. Въ общемъ собаки были въ хорошемъ состояніи, гораздо лучшемъ, чѣмъ въ какой-либо изъ предыдущихъ моихъ экспедицій. Зависѣло это оттого, что масса работы была выполнена вспомогательными партіями въ интересахъ главной, которая такимъ образомъ могла сохранить свои силы для послѣдняго натиска.

По возвращеніи капитана эскимосы построили защитную отъ вѣтра снѣжную стѣнку, и Бартлеттъ опредѣлилъ наше положеніе. Мы находились подъ $87^{\circ} 46' 49''$.

Естественно, что Бартлеттъ былъ недоволенъ полученными результатами, такъ какъ и съ пятью милями къ сѣверу все еще не хватало до 88° сѣв. широты. Причина этого была ясна — сѣверный вѣтеръ гналъ ледъ на югъ, закрывая трещины, которыя мы перешли по молодому льду, и такимъ образомъ укорачивая нашъ путь.

Бартлеттъ, какъ и Марвинъ, производилъ астрономическія наблюденія, во-первыхъ, шая мое слабое зрѣніе и во-

вторыхъ, чтобы имѣть наблюденія, произведенныя разными лицами экспедиціи. Когда всѣ вычисленія были закончены, Бартлеттъ сдѣлалъ двѣ копіи — одну для меня, другую для себя и началъ готовиться къ обратному выступленію.

Невесело было на душѣ, скажу больше, тяжело, когда широкія плечи Бартлетта скрылись за снѣжно-ледяными буграми къ югу. Я лишился человѣка, который добрую половину изъ особенностей мелочныхъ хлопотъ пути охотно взваливалъ на свои широкія плечи, человѣка, которому я былъ многимъ и многимъ обязанъ. Но какъ я уже говорилъ раньше, я долженъ былъ съ нимъ разстаться. На счетъ его благополучнаго возвращенія я былъ спокоенъ, я былъ увѣренъ, что мы еще увидимся съ нимъ на „Рузвельтъ“.

Съ уходомъ капитана оставалось двѣ партіи—моя и Хенсона, всего шесть человѣкъ, т. е. двое насъ и четверо эскимосовъ—Сиглу, Егнинга, Ута и Уквія. Изъ 140 собакъ въ началѣ санной экспедиціи оставалось только сорокъ и пятеро саней.

Мой дальнѣйшій планъ.

Согласно наблюденіямъ Бартлетта мы находились отъ Полюса еще на разстояніи 133 миль. Ходя взадъ и впередъ вдоль ледяного завала старой щели, гдѣ построены были наши „иглу“, я обдумывалъ планъ нашего послѣдняго натиска. Я готовъ былъ напрячь послѣднія силы, чтобы въ пять переходовъ одолѣть это разстояніе. Принимая во вниманіе, что нѣсколько дней уже дуетъ сѣв. вѣтеръ, я надѣялся, что мы не будемъ особенно задержаны полой водой. Если за предполагаемые пять переходовъ я не покрою даннаго разстоянія, то для меня остается два способа наверстать остающееся, а именно: во-первыхъ, послѣ хорошаго пятого перехода покормить собакъ, поѣсть самимъ, не строя „иглу“, отдохнуть немного и сдѣлать еще переходъ, который долженъ покрыть остающееся разстояніе; во вторыхъ—послѣ

пятого перехода взять полегче нагруженные сани, двойную запряжку собакъ и съ однимъ или двумя человѣками двинуться дальше, оставивъ остальныхъ отдыхать въ „иглу“. Наконецъ, если путь окажется хуже, чѣмъ я предполагалъ, мы во всякомъ случаѣ пройдемъ это разстояние въ восемь переходовъ. Производя всѣ эти выкладки, я, конечно, не могъ не имѣть въ виду, что достаточно на сутки сильного южнаго или восточнаго вѣтра, и отъ моихъ расчетовъ не останется ничего, — нашъ путь на каждомъ шагу будетъ прегражденъ полой водой.

Но, не смотря на мои годы, я чувствовалъ себя готовымъ къ предстоящимъ испытаніямъ. Что же касается остальныхъ членовъ партіи, то всѣ они были народъ надежный, охотно слѣдовавшій за мной. Эскимосы, за исключеніемъ одного, всѣ по нѣсколько разъ бывали въ полярныхъ экспедиціяхъ; что же касается молодого Уквія, не бывавшаго ни въ одной экспедиціи, то онъ, постоянно думая о своей возлюбленной, дочери старика Иква въ Іоркѣ, расположенія котораго онъ хотѣлъ снискать при помощи тѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя онъ надѣялся получить отъ меня по возвращеніи домой, шелъ за мною охотиѣ кого бы то ни было.

Если бы спросили — почему я взялъ съ собою Хенсона, а не кого-либо другого, я отвѣтилъ бы: Хенсонъ былъ неразлученъ со мною въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, сопровождая меня во всѣхъ экспедиціяхъ. Эти пятнадцать лѣтъ для него не прошли даромъ, — онъ сжилъ съ сѣверомъ, собаками, санями, эскимосами и во многихъ отношеніяхъ не уступалъ послѣднимъ. Затѣмъ, будучи прекраснымъ, преданнымъ и исполнительнымъ работникомъ, по натурѣ, по природѣ своей *) не годился для большой отвѣтственной роли, напимѣръ, отправить его съ дальняго сѣвера назадъ къ землѣ во главѣ какой-либо изъ

*) Негръ.

вспомогательныхъ партій было опасно. И наконецъ, мнѣ просто хотѣлось, чтобы Хенсонъ за свою многолѣтнюю вѣрную службу получилъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, побывавши со мной опять на „дальнѣйшемъ сѣверѣ“, на этотъ разъ на самомъ Полюсѣ.

Мы отправляемся къ Полюсу.

Вскорѣ послѣ полуночи, 2-го апрѣля, я одинъ отправился впередъ, на сѣверъ, оставивъ другихъ укладываться и догонять меня.

Поднимаясь на ледяной заваль позади „иглу“, я затянулъ ремень на одно отверстіе дальше, а съ того момента, какъ мы покинули землю (32 дня), уже на третье.

До сихъ поръ я старался держаться позади партій, чтобы подбодрять отстающихъ съ поломанными санями и вообще имѣть передъ глазами весь обозъ. Теперь я всталъ во главѣ: куда я, туда и остальные. Чувство бодрости и увѣренности росло во мнѣ, когда навстрѣчу острому, холодному, съ самаго Полюса вѣтру, я перелѣзалъ одинъ ледяной заваль за другимъ. Настроеніе не понизилось даже, когда я попалъ выше колѣна въ воду. Это была „полынья“, скрытая подъ снѣгомъ и образовавшаяся при закрытіи щели. Мои штаны и сапоги были настолько плотны, что вода не могла проникнуть внутрь, а образовавшійся ледъ снаружи мѣха легко было обколотить. Утро стояло ясное, солнечное, съ морозомъ въ 25 градусовъ.

Дорога шла по большимъ ровнымъ старымъ льдинамъ, устланнымъ лужами съ зеркальнымъ льдомъ (образованія прошлаго лѣта). Ледяные завалы, охраняющіе старыя поля, были довольно внушительныхъ размѣровъ, нѣкоторые доходили футовъ до пятидесяти въ вышину, но перебираться черезъ нихъ было довольно легко, потому что или находилось мѣсто пониже, или отлогіи склоны, который умѣрялся еще того болѣе снѣжными заносами.

Яркое солнце, хорошая погода, сознание, что мы приступили къ выполнению послѣдней части нашей экспедиціи, сознаніе, что ты являешься единственно-отвѣтственнымъ руководителемъ, оцѣняло меня, какъ виномъ. Казалось, я помолодѣлъ опять и чувствую, какъ чувствовалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, во главѣ маленькой партіи, я перебирался черезъ могучую ледяную шапку Гренландіи, проходя на лыжахъ по 20—25 миль въ день, а при благоприятныхъ условіяхъ покрывая по 30—40 миль.

Черезъ нѣсколько часовъ сани догнали меня. Собаки послѣ дневного отдыха были настолько бодрѣе и энергичны, что мнѣ часто приходилось вскакивать на запятки саней или бѣжать, чтобы не отстать отъ нихъ.

Мы шли прямо на сѣверъ, поле за полемъ, заваль за заваломъ, отъ одного замѣтнаго пункта до другого по компасу.

Солнце съ каждымъ днемъ поднималось все выше и выше. Стоя за вѣтромъ, на солнечной сторонѣ ледяного завала, казалось, что оно пригрѣваетъ.

Теперь мы все время могли наблюдать и луну, и солнце, одновременно описывающими круги по небу, серебряный дискъ протинъ золотого.

Слѣдующій день былъ тихій и ясный. Такъ какъ день теперь равнялся двадцати четыремъ часамъ, то мы могли быть въ дорогѣ столько, сколько намъ хотѣлось, и минимумъ времени отводить для сна. Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, мы были въ пути десять часовъ и прошли двадцать миль. Теперь мы на полпути къ 89-ой параллели. Я подтянулъ ремень еще на одно отверстіе.

Эскимосы жаждутъ Полюса.

Съ каждымъ днемъ эскимосы, несмотря на большіе и тяжелые переходы, проявляютъ все большій и большій инте-

рестъ къ Полюсу. Каждый день послѣ постройки „иглу“, они залѣзаютъ на вершины ледяныхъ холмовъ и напряженно смотреть на сѣверъ, надѣясь, наконецъ, увидѣть „Большой Гвоздь“. Теперь они были убѣждены, что на этотъ разъ мы будемъ тамъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, незадолго до полуночи съ 3-го на 4-ое апрѣля мы опять двинулись въ путь. Дорога и погода были лучше, чѣмъ вчера, изрѣдка только приходилось пересѣкать ледяные завалы. Я уже не могъ удержаться отъ мысли, что если такъ пойдетъ и дальше, то черезъ пять переходовъ, т. е. 6 апрѣля, я буду у цѣли.

И сегодня десять часовъ пути. Собаки время отъ времени бѣгутъ рысью, а иногда и вскачь. Прошли не менѣе 25-ти миль. Въ концѣ дня переправлялись черезъ трещину шириною около 100 ярдовъ по льду настолько тонкому, что я, будучи проводникомъ собакъ, принужденъ былъ бѣжать впереди ихъ по медвѣжьей, т. е. широко разставивъ ноги, чтобы на большую поверхность распределить вѣсъ собственного тѣла. Собаки съ санями были предоставлены самимъ себѣ, онѣ по привычкѣ бѣжали другъ за другомъ, а люди перебирались, кто какъ могъ; послѣдніе двое бѣжали на четверенькахъ.

Опять десять часовъ безостановочнаго пути и не меньше 30-ти миль разстоянія, но изъ предосторожности я называлъ ихъ 25-ю. Во всякомъ случаѣ мы теперь были далеко за 88-ой параллелью, въ районѣ, гдѣ нога человѣческая еще никогда не бывала. Вѣтеръ стихъ совершенно, и поэтому естественно, что съ ослабленіемъ давленія съ сѣвера, ледъ постепенно двигался обратно, такимъ образомъ, возвращая намъ нѣсколько миль, украденныхъ у насъ до 88-ой параллели.

Подъ вечеръ мы подошли къ только что открывавшейся щели. Передъ нами лежала полоса воды ярдовъ въ 10, но въ сотиѣ-другой ярдовъ къ востоку, повидимому, переходъ

быть еще возможенъ, такъ какъ тамъ трещина дробилась на нѣсколько узкихъ щелей. Давши знакъ санямъ, чтобы поторопились, я бросился налѣво, опредѣлить наскоро мѣсто для переправы по медленно плывущимъ льдинамъ и побѣжалъ по выбранному мною направленію, перескакивая съ одной льдины на другую. Убѣдившись, что льдина не перевернется подъ тяжестью собакъ и саней, я быстро возвращался назадъ къ собакамъ и, идя рядомъ съ ними, заставлялъ ихъ прыгать вмѣстѣ со мною, между тѣмъ, какъ кучеръ, поддерживая сани сзади, помогать передергивать ихъ съ одной льдины на другую, стараясь такъ поставить ихъ на льдины, чтобы она не наклонялась ни въ ту, ни въ другую сторону.

Не прошли и мили, какъ, перепрыгивая узкую щель, я провалился и попалъ въ воду почти по поясъ. Къ концу дня всѣ мы страшно устали, но чувствовали себя довольными. Теперь мы были за 89-ой параллелью, и поэтому въ записной книжкѣ я отмѣтилъ: „Что, если бы еще три дня такой погоды!“

Морозъ стоялъ около 40°. Убили нѣсколько болѣе слабыхъ собакъ. Мясомъ ихъ начали кормить остальныхъ. Остановились только для короткаго сна и рано вечеромъ того же дня двинулись далѣе. Морозъ нѣсколько сдѣлъ. Дорога была такая же, какъ и въ предыдущій день, но сани, благодаря меньшему холоду, катились легче, и собаки большую часть пути бѣжали рысью.

Я съ трудомъ могъ вѣрить, что мы такъ быстро движемся къ цѣли.

Леденяцій вѣтеръ дѣлалъ свое дѣло, лица горѣли отъ холода, кожа лопалась, и долго послѣ остановки, уже въ „яглу“, лицо болѣзненно ныло, не давая покоя. Эскимосы тоже сильно страдали. На слѣдующей остановкѣ опять убили нѣсколькихъ собакъ. Сегодня было ровно шесть недѣль, какъ мы покинули „Рузевельтъ“. Мое настроеніе было таково, какъ будто цѣль уже была въ виду.

На слѣдующій день, если только позволить погода и состояніе льда, я намѣренъ былъ сдѣлать двойной переходъ, т. е. послѣ одного марша закусить, не строя „иглу“ и не ложась спать, направиться дальше. Такимъ образомъ мнѣ хотѣлось наверстать миль полдесятка за 3-е апрѣля.

Многіе удивляются, почему это мы, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе подвигались впередъ, послѣ отсылки обратно каждой вспомогательной партіи наша скорость возрастала. Чѣмъ больше число саней, тѣмъ больше случаевъ поломки ихъ. Но когда партія сократилась до шести лучшихъ человѣкъ, подѣ моимъ личнымъ руководствомъ, когда каждый человѣкъ сознавалъ, что наступило время напрячь всѣ усилія, вполне естественно, что мы начали двигаться быстрѣе.

Въ среднемъ, начиная отъ мыса Колумбія и вплоть до Полюса мы проходили 15 миль въ день. Послѣ того, какъ насъ покинула послѣдняя вспомогательная партія, мы проходили въ среднемъ 25—26 миль.

Всѣ мы страшно устали и нуждались въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ, поэтому остановка 5-го апрѣля была на нѣсколько часовъ болѣе, чѣмъ предыдущія. Здѣсь же я произвелъ астрономическое опредѣленіе широты, — оказалось $89^{\circ} 25'$ или 35-ть миль отъ Полюса.

Несмотря на сумрачную погоду и угрюмую картину окружающаго, по какой-то странной причинѣ, страхъ передъ полою водой у меня пропалъ совершенно. Я чувствовалъ, что успѣхъ теперь почти обезпеченъ, и поэтому, несмотря на страшное физическое истощеніе, я неумоимо шелъ впередъ и впередъ. Эскимосы автоматически слѣдовали за мной; мой возбужденный умъ не замѣчалъ ихъ усталости.

Послѣ 15-ти миль пути мы остановились, напились чаю, закусили и двинулись опять съ намѣреніемъ пройти еще 15-ть. Никакихъ признаковъ полои воды не было.

Полюсь.

Около десяти часовъ утра 6-го апрѣля я рѣшился остановиться. Я еѣлалъ свои пять переходовъ и разсчитывалъ, что теперь мы находимся если не на Полюсѣ, то, во всякомъ случаѣ, по сосѣдству съ нимъ. Въ полдень по мередиану Колумби я произвелъ астрономическое измѣреніе широты и нашелъ $82^{\circ} 57'$.

Практически цѣль была достигнута, задача жизни выполнена, но страшно утомленный усиленными переходами, я только сознавалъ это, но не чувствовалъ. Послѣ постройки „иглу“ и обѣда Хенсонъ съ эскимосами принялся за разгрузку саней и ихъ починку, а я свалился въ „иглу“ и заснулъ на нѣсколько часовъ положительно мертвымъ сномъ.

Но возбужденіе опять вернулось и я уже писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Вотъ и Полюсь, моя мечта и цѣль двадцатилѣтнихъ трудовъ. *Онъ мой наконецъ!* Я не въ силахъ заставить себя почувствовать это. Все кажется такъ просто и обыкновенно“.

Я готовился къ астрономическому наблюденію въ 6 часовъ вечера по мередиану Колумби. Но, къ сожалѣнію, небо покрылось тучами. Въ надеждѣ на то, что скоро прояснится, я съ двумя эскимосами—Егингва и Сиглау на саняхъ съ двойной упряжкой собакъ отправился на десять миль впередъ. Дѣйствительно, во время пути небо прояснилось, и я имѣлъ возможность въ концѣ нашего путешествія, пользуясь полуночнымъ солнцемъ, опять таки по мередиану Колумби произвести цѣлую серію астрономическихъ наблюденій, которыя показали, что мы находимся уже за Полюсомъ. Казалось страннымъ, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я перешелъ изъ Западнаго полушарія въ Восточное, будучи моментъ на вершинѣ нашего міра. Было трудно помириться не съ мыслью, а съ дѣйствительностью, что первая нѣсколько

Наконецъ Полюсь!

милъ этого послѣдняго марша я шелъ на сѣверъ, тогда какъ послѣднiя, не измѣняя направленiя, на югъ. То же самое и при обратномъ пути къ нашимъ „иглу“,—сначала шелъ на сѣверъ, а въ концѣ, идя по тому же направленiю, на югъ. Казалось страннымъ, что востокъ, западъ и сѣверъ исчезли для меня: какое бы направленiе я ни взялъ, вскорѣ

Видъ съ Полюса.

оказывалось, что я иду на югъ. Всѣ вѣтры, съ какой стороны горизонта они ни дули, были южные вѣтры. День и ночь здѣсь равны году, сто сутокъ—столѣтiе. Находишься бы я здѣсь шесть зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. въ теченiе ночи, я могъ бы видѣть каждую звѣзду сѣвернаго полушарiя, описывающей круги на одинаковомъ разстоянiи отъ горизонта съ полярной звѣздой въ зенитѣ.

Въ полдень, 6-го апрѣля, во время наблюденiя солнце

для насъ стояло на югѣ; затѣмъ въ тотъ же день, въ полночь съ 6-го на 7-ое, когда я производилъ наблюденія въ десяти миляхъ отъ „иглу“, для остающихся въ „иглу“ солнце стояло на сѣверѣ, для меня же оно было на югѣ.

Въ 6 часовъ утра 7-го апрѣля на мѣстѣ ночевки я опять произвелъ рядъ наблюденій теперь уже подъ прямымъ угломъ по отношенію къ предыдущимъ. Эти наблюденія пока-

Типъ саней Пира.

зывали, что мы находимся въ четырехъ-пяти миляхъ отъ Полюса по направленію къ Берингову проливу. Затѣмъ съ Ута и Егнигва на саняхъ я прошелъ въ направленіи, противоположномъ Берингову проливу, миль восемь и вернулся къ „иглу“, чтобы въ полдень 7-го апрѣля произвести еще рядъ провѣрочныхъ наблюденій. Наблюденія дали тотъ же результатъ, что и вчера. Такимъ образомъ я произвелъ наблюденія въ трехъ различныхъ направленіяхъ и въ различное время. Весьма вѣроятно, что во время моихъ перекрестныхъ пере-

ходовъ въ 8—10 миль, я прошелъ и тотъ пунктъ, гдѣ всѣ страны свѣта сходятся въ одну точку.

Вся окружающая мѣстность съ пятью развѣвающимися флагами была сфотографирована. Я внимательно смотрѣлъ въ подзорную трубу, направляя ее во всѣ стороны, въ надеждѣ увидеть землю, но тщетно. Хотѣлось сдѣлать измѣреніе гду-

Р. Пирри из Полюсѣ въ поискахъ за землей.

бины моря; но всѣ наши поиски за молодымъ льдомъ для проруби не увѣчались успѣхомъ, — кругомъ лежало старое тяжелое поле и изрѣдка ледовые холмы. Затѣмъ среди ледяныхъ глыбъ я положилъ закупоренную бутылку, содержащую доказательства, что я былъ здѣсь, и полосу діагональ отъ моего флага.

Почти все время нашего пребыванія на Полюсѣ погода стояла хорошая. Въ моментъ прибытія температура была минусъ 11°, но какъ только начало проясняться, термометръ

Приготовленіє проруби для измѣренія глубины моря.

начать понижаться и къ 4-мъ часамъ утра 7-го апрѣля опустился до 83.

Говоря о часахъ дня за это время, я, конечно, разумѣю время по мередиану Колумбін; но, строго говоря, на Полюсѣ время перестаетъ существовать,—тамъ гдѣ нѣтъ долготы, тамъ нѣтъ времени.

7-го апрѣля, послѣ полудня, раньше чѣмъ отправиться обратно, мы забрались въ „иглу“ и попытались заснуть. Лично мнѣ это совершенно не удалось. Двое эскимосовъ, занимавшихъ „иглу“ со мною, повидимому, тоже не спали. Они все время ворочались съ боку на бокъ, и по ихъ незамѣтному дыханію я могъ съ увѣренностью сказать, что они не спали.

Наконецъ, я поднялся. Въ другомъ „иглу“ тоже не спали. Мы начали укладываться и запрягать. До перваго „иглу“ намъ предстояло сегодня сдѣлать тридцать миль. Ни Хенсона, ни эскимосовъ не приходилось подбадривать,—всѣ естественно были готовы повернуть назадъ и вернуться къ землѣ возможно скорѣе. 7-го апрѣля 1909 года, около 4-хъ часовъ пополудни, мы покинули нашу стоянку на сѣверномъ Полюсѣ.

Цѣль достигнута, задача жизни выполнена. Теперь передо мною опять лежало 430 миль разстоянія по ледянымъ полямъ и холмамъ, перемежающимся порой водой. Только разъ я оглянулся назадъ, бросилъ послѣдній взглядъ на развѣвающіеся флаги и рѣшительно повернулъ на югъ, навстрѣчу будущему.

Въ обратный путь пустились на всѣхъ пятерыхъ саняхъ, предварительно облегчивъ ихъ, насколько возможно, т. е., побросавъ изношенное платье, сапоги и все, въ чемъ не было абсолютной необходимости.

Я намѣренъ былъ идти самымъ ускореннымъ маршемъ, дѣлая ежедневно по два перехода съ короткой остановкой между ними для ѣды. Я надѣялся, что, если не помѣшаетъ

погода и полая вода, то, пользуясь старой дорогой и ранѣе построенными „иглу“, намъ удастся выполнить этотъ форсированный маршъ. Собакамъ рѣшено было выдавать двойную порцію.

Миляхъ въ пяти отъ Полюса случайно наткнулись на узкую щель, покрытую молодымъ льдомъ. Ею воспользовались для измѣренія глубины моря. Спустили всю проволоку,

Путь среди неровнаго льда.

1,500 фатомовъ, но дна все-таки не достали. Почти въ самомъ началѣ при обратномъ закручиваніи проволока сорвалась и пошла на дно. Послѣ этого и самый валъ, какъ лишній грузъ, былъ брошенъ. Погода стояла великолѣпная, но у меня разболѣлись глаза. Усиленное напряженіе глазъ при наблюденіяхъ на Полюсъ не прошло даромъ. Въ глазахъ рябило, я съ трудомъ могъ разбирать цифры на своихъ часахъ.

На первую стоянку подь 89°25' сѣв. ш. пришли во время. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна двинулись дальше.

На слѣдующій день сдѣлали, какъ и предполагали, два перехода. Въ воздухѣ чувствовалась пережѣна. На ночлегъ пришли страшно усталыми. Люди засыпали отъ усталости во время ужина. Какъ пріятно, что не приходится строить „иглу“.

Переправа черезъ шель на льдинѣхъ вблизи 86°.

На слѣдующій день уже съ самаго утра дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, усиливавшійся съ каждымъ часомъ. Опять, какъ и вчера, сдѣлали переходъ, позавтракали, попили чаю въ „иглу“ и дальше. Началась мятель, все побѣлѣло, помутнѣло. Ледъ трещалъ подъ нами, и чувствовалось, какъ онъ то опускается, то поднимается, какъ сильно разошійся полъ. Вѣтеръ, видимо, дѣлалъ свое дѣло,—

ледъ несло къ югу, а вмѣстѣ съ нимъ и насъ. Страшно усталые добрались до „иглу“ подѣ 87°47' с. ш., откуда Бартлеттъ повернулъ на югъ.

Въ виду мятеля рѣшили выспаться, какъ слѣдуетъ, и на другой день сдѣлать не болѣе одного перехода. Передъ нами лежала область 87 параллели съ громадными пространствами тонкаго льда, когда мы шли на сѣверъ, и теперь эта часть пути сильно меня беспокоила. Но, на наше счастье, сѣверный вѣтеръ, сломавъ тонкій ледъ, закрылъ всѣ трещины. На стоянкѣ убили по одной собакѣ изъ каждой упряжки; оставалось такимъ образомъ по семи собакъ на сани.

Небо начало проясняться. Къ моменту нашего выступленія выглянуло солнышко. Опять всѣмъ пришлось одѣть дымчатые очки. Солнце сильно грѣло, хотя градусникъ показывалъ минусъ 13°.

Послѣ одного перехода остановились въ „иглу“, гдѣ на пути къ Полюсу были задержаны полой водой. Только что успѣли кончить ѣду, какъ ледъ съ трескомъ раскололся, какъ разъ позади насъ. Приди мы часомъ позже, и было бы трудно сказать, какъ долго пришлось бы намъ сидѣть на сѣверномъ берегу. Послѣ обѣда сдѣлали еще переходъ. Видѣли свѣжіе слѣды лисицы, хотя отъ земли было еще около 250 миль.

На слѣдующій день сдѣлали тоже двойной переходъ и остановились на нѣсколько часовъ въ „иглу“ подѣ 86°38'.

Двигались съ быстротою, на какую только были способны, отводя для сна только абсолютно необходимое время. Шли, не обращая вниманія на то, какая это была часть сутокъ—день или ночь, такъ какъ солнце не заходило за горизонтъ.

Погода опять измѣнилась, дулъ сильный юго-западный вѣтеръ, снѣгъ рѣзалъ лицо, какъ иголками, было холодно. Къ утру мятель улеглась, но вѣтеръ тянулъ рѣзко холодный. За день сдѣлали одинъ переходъ, постоянно сбиваясь съ

пути. Собаки выбились изъ силъ и плелись шагомъ. И люди, и собаки нуждались въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ.

Съ 15-го на 16-ое апрѣля опять сдѣлали двойной пере-

Щель на льдинѣ.

ходъ при рѣзкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Переметало. Ледъ трещалъ и стоналъ во всѣхъ направленіяхъ. Спасли съ рукавицами на рукахъ.

Черезъ щель по ледяному понтону.

Немного южнѣе путь переградила только что открывшаяся и быстро расширяющаяся щель. Переплыли на льдинахъ. Къ этому способу переправы за день пришлось прибѣгнуть дважды. Далѣе по пути къ „иглу“ подъ $85^{\circ} 48'$ мы

нашли нѣсколько новыхъ, которые, очевидно, были построены Бартлеттомъ или Марвинимъ, задержанными полой водой. Слѣдъ очень часто прерывался, ледъ, видимо, двигался въ наше отсутствіе во всѣхъ направленіяхъ. Все чаще и чаще приходилось перебираться черезъ полую воду. Видѣли свѣжіе слѣды медвѣдя. Довольно опасной была переправа черезъ щель, шириною около мили, по тонкому льду, который подъ напоромъ старыхъ полей только что началъ ломаться.

Характерный видъ къ 85-й параллели.

Но человѣкъ привыкаетъ къ какимъ угодно опасностямъ; для насъ онѣ были разсѣяны почти на каждомъ шагѣ, и мы уже смотрѣли на нихъ просто, какъ на задачу дня. Вдали видѣлся черныи туманъ, но по мѣрѣ нашего приближенія блѣднѣлъ и исчезалъ.

Теперь мы находились въ 146 миляхъ отъ мыса Колумбін.

На слѣдующій день опять сдѣлали двойной переходъ и достигли „иглу“ подъ 85° 8', въ 11 милѣ отъ Колумбін. Въ теченіе дня переправились черезъ семь неширокихъ ще-

лей, нѣсколько разъ теряли дорогу и поэтому растянули путь до 18 часовъ.

Упряжка собакъ на Полюсъ.

18-го апрѣля совершенно потеряли главный путь. Въмѣсто него мы имѣли передъ собой слѣдъ Бартлетта и Марвина

Передышка для собакъ.

которымъ тоже, повидимому, не удалось отыскать старую дорогу. По всей вѣроятности, ее далеко отнесло къ востоку

или западу. Невыгода пользованія новымъ слѣдомъ заключалась въ томъ, что намъ на каждой остановкѣ приходилось строить добавочное „иглу“, такъ какъ Марвинъ, а за нимъ и Барилеттъ обходились однимъ „иглу“.

Опять сдѣлали восемнадцатичасовой маршъ, и къ концу почти всѣ выбились изъ силъ. Платье отсырѣло отъ пота, яркое солнце съ юго-западнымъ вѣтромъ обжигало лицо.

Усталые люди подтаскиваютъ сани къ усталымъ собакамъ.

Теперь мы были меньше ста миль отъ Колумбин. Днемъ видѣли слѣды лисицы и зайца. Изъ царства вѣчныхъ льдовъ и холодной смерти приближаемся къ болѣе гостепріимной землѣ.

Собаки, совершенно выбившись изъ силъ, безъ движенія лежатъ на снѣгу. Стоимъ дольше обыкновеннаго, во-первыхъ, чтобы дать отдыхъ собакамъ и, во-вторыхъ, чтобы приурочить дальнѣйшій путь къ ночи, когда солнце свѣтитъ не въ лицо, а въ спину.

18-го на 19-ое опять вышли на старую дорогу. Въ 3 часа утра, 19-го, достигли „иглу“, откуда вернулся Мак-Милланъ и докторъ Гудселль. Нѣсколько собакъ выбились изъ

силъ окончательно. Пристрѣлили. Вдали показались вершины Земли Гранта. Сердце радостно забилося, какъ у измученныхъ долгимъ плаваніемъ моряковъ, при видѣ родной земли.

19-го апрѣля вечеромъ достигли шестого „иглу“, считая отъ м. Колумбія, а рано утромъ на слѣдующій день—пятого. Земля выросла на вашихъ глазахъ. Счастье сопровождало насъ, до сихъ поръ ни одной серьезной задержки.

Экспедиція прибала къ леднику, преддверью земли.

Но впереди передъ нами лежала еще „Большая рѣка“. 2-ое апрѣля. Въ „иглу“ холодно, платье отсырѣло, въ горлѣ пересохло, голова горитъ. Заснуть не могу. Опять потеряли главный путь и идемъ по вновь проложенному слѣду Барлетта.

„Большая рѣка“ оказалась покрытой достаточно толстымъ льдомъ. Небольшое затрудненіе встрѣтилось при переходѣ

ей южнаго развѣтленія. Нѣсколько часовъ сна въ „иглу“, и опять впередъ. Шесть часовъ пути, короткій отдыхъ, и опять на шесть часовъ въ дорогу. Встрѣтили сѣды медвѣдя, зайца и лисицы. По тонкому гнущемуся льду перешли двѣ неширокія щели. Хотя градусникъ показывалъ отъ минусъ 8° до минусъ 30°, солнце было ослѣпительно и

Окраина ледника.

жгуче. Днемъ, когда солнце свѣтитъ въ лицо, просто невозможно идти.

Тихо, ясно. 22-ое апрѣля. Подошли къ широкой щели. Передовая упряжка собакъ поскользнулась и полетѣла въ воду. Общими усиліями вытащили обратно. Повернули на востокъ. Щель разбилась на нѣсколько мелкихъ, покрытыхъ тонкимъ льдомъ. Кое-какъ перебрались. Впереди видѣлся

край ледника—преддверіе земли. Земля, тамъ отдыхъ, покой.

Къ полуночи всѣ уже были на ледникѣ.

Когда поднялись послѣднія сани, мои эскимосы, я думалъ, сошли съ ума. Они кричали, размахивали руками, плясали до тѣхъ поръ, пока не свалились въ изнеможеніи на землю. Ута, лежа на саняхъ, бормоталъ:

— А дьяволъ-то, видно, все время спалъ, либо съ женой не поладилъ, иначе бы мы отъ него такъ легко не отдѣлались.

Въ 6 часовъ утра 23 апрѣля мы были уже въ старыхъ „иглу“ м. Колумбія.

Четыреста тридцать миль, разстояніе отъ Полюса до м. Колумбія, мы прошли въ шестнадцать маршей, оба конца сдѣлали въ пятьдесятъ три дня.

Я никогда не забуду того, какъ мы спали послѣ возвращенія. Спишь, спишь, повернешься на другой бокъ и опять спишь. Вставали только затѣмъ, чтобы поѣсть, и тотчасъ же опять засыпали. И такъ ровно двое сутокъ, послѣ чего отправились къ мысу Шериданъ.

Два форсированныхъ марша, и мы на „Рузвельтъ“. Собаки не голодны, но безжизненны, вся ихъ энергія пропала, поджавъ хвосты, еле волочатъ ноги.

Мы узнаемъ о смерти Марвина.

Навстрѣчу намъ шель Бартлеттъ. По его лицу я уже прочиталъ, что капитанъ несетъ дурныя вѣсти.

— Слышали вы о бѣдномъ Марвинѣ?—были его первыя слова.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

А затѣмъ онъ разсказалъ намъ, что Марвинъ на обратномъ пути утонулъ въ „Большой рѣкѣ“. Подробности были собраны отъ его эскимосовъ, вернувшихся безъ своего руководителя. — Марвинъ, — разсказывалъ Бартлеттъ, — не до-

ходя до „Большой рѣки“, ночевать въ „иглу“. Утромъ онъ по обыкновенію пустился впередъ, оставивъ эскимосовъ укладываться и запрягать.

Дойдя до рѣки, онъ пустился поперекъ нея по молодому льду. Около берега ледъ былъ достаточно толстъ, но къ срединѣ становился все тоньше и тоньше. Можетъ быть, думая о своемъ новомъ путешествіи къ сѣвернымъ берегамъ Гренландіи и поэтому торопясь, какъ можно скорѣе, попасть на пароходъ, онъ не замѣтилъ, что ледъ становится слишкомъ тонокъ, или замѣтилъ, но уже было слишкомъ поздно и попасть въ воду. Эскимосы были далеко, и крики о помощи не были услышаны.

Эскимосы, идя по слѣдамъ Марвина, никакъ не могли увидеть его самого. Наконецъ, они приблизились къ отверстию во льду. Конечно, они тотчасъ же поняли, что случилось съ ихъ главой, но по странной дѣтской психологій, они остановились и долго ждали,—а, можетъ быть, онъ еще выйдетъ.

Но видя, что „бѣлый“ не выходитъ, они страшно забеспокоились. Боясь духа погибшаго, они побросали съ саней все, что принадлежало Марвину, чтобы духъ его не имѣлъ повода гнаться за ними, и бросились впередъ къ землѣ, почти не останавливаясь для ѣды и сна.

Опять на „Рузвельтъ“.

Съ тяжелымъ сердцемъ я вошелъ въ мою каюту на „Рузвельтъ“... Пароходъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, комната была та же, та же обстановка, какъ и прежде; трудная задача жизни выполнена, цѣль достигнута, но неотвязная мысль о безвременной гибели дорогого Марвина, омрачая нашу успѣхъ, тяжелымъ камнемъ лежала на сердцѣ, сводя почти на-нѣтъ торжество побѣды.

Черезъ двадцать четыре часа я опять былъ готовъ, если бы понадобилось, двинуться въ путь. Но вскорѣ началась серьезная реакція. Какъ это ни странно, но я потерялъ чувство мѣры. Я могъ спать сколько угодно, пока не разбудятъ, что бы поѣсть. Начавши ѣсть, я не могъ остановиться, чтобы лечь спать. Мы не голодали въ пути, но два мѣсяца жизни только на одномъ пеммиканѣ привели къ тому, что обыкновенная пища мнѣ казалась совершенно не утоляющей голода. Это чувство мнѣ было уже знакомо раньше, и поэтому въ концѣ концовъ я заставилъ себя ѣсть понемногу, но чаще.

Черезъ нѣсколько дней я награждалъ моихъ эскимосовъ магазинками, обыкновенными охотничьими ружьями, патронами, пулями, топорами, ножами, маленькими подозрными трубами и т. п. Довольству и радости ихъ не было конца. Подзорнымъ трубамъ они придавали большое значеніе, такъ какъ, пользуясь ими, они могли различать дичь на большомъ разстояніи. Четверо, что были со мною на Полюсѣ, получили по лодкѣ, парусиновой палаткѣ и кучу другихъ сокровищъ, которыя я долженъ былъ доставить вмѣстѣ съ ихъ обладателями къ мѣстамъ ихъ поселеній вдоль берега Гренландіи.

Мак-Милланъ и Борупъ еще до моего возвращенія отправились къ сѣв. берегамъ Гренландіи, чтобы заложить тамъ „депо“ на случай, если мнѣ придется, благодаря движенію льдовъ, выйти на берегъ Гренландіи, какъ это мнѣ пришлось сдѣлать въ 1906 году. Борупъ еще на обратномъ пути къ мысу Колумбіи заложилъ другое „депо“ въ 80 миляхъ на западъ отъ Колумбіи, на тотъ случай, если бы меня отнесло въ противоположномъ направленіи.

Тотчасъ же былъ посланъ гонецъ эскимосъ съ запиской, что депо уже не нужно, и чтобы они, т.-е. Мак-Милланъ и Борупъ, все вниманіе обратили на наблюденіе приливовъ и отливовъ у мыса Моррисъ К. Джезуа и измѣреніе глубины моря на сѣверъ отъ него.

Эскимосы, побывавшие на Полюсе.

Отъ мыса Шериданъ до Полюса—видъ съ высоты птичьего полета.

Вернулись они 31-го мая съ запискою десятидневныхъ наблюдений приливовъ и отливовъ и измѣреніемъ глубины до 84° 17' сѣв. шир. Во время экскурсіи они убили пятьдесятъ два мускатныхъ быка и привезли съ собой шкуру и мяса столько, сколько могли утащить собаки. Съ тяжело нагруженными санями они прошли разстояніе въ 270 миль отъ мыса Джезупа до „Рузевольта“ въ восемь маршей, въ среднемъ по 34 мили на переходъ.

Нѣсколько дней спустя, Мак-Милланъ принялся за продолженіе наблюдений приливовъ и отливовъ у мыса Конгеръ (Conger), чтобы связать работу нашихъ наблюдений, въ которую входили —мысъ Шериданъ, Колумбія, Бріантъ и Джезупъ съ наблюденіями экспедиціи 1881—83 года.

Запасы провизіи, размѣщенные во время зимы во многихъ мѣстахъ вдоль берега, теперь были перевезены обратно на пароходъ. Большая часть этой работы была выполнена Борупомъ. Онъ же съ помощью эскимосовъ построилъ на мысѣ Колумбія прочный монументъ, состоявшій изъ груды камней съ водруженнымъ на немъ деревяннымъ столбомъ, сколоченнымъ изъ досокъ отъ саней. Наверху столба былъ прикрѣпленъ горизонтальный крестъ, концы котораго указываютъ четыре страны свѣта—югъ, сѣверъ, западъ и востокъ. Для приданія большей прочности памятнику, крестъ былъ оснащенъ проволокой. На каждомъ концѣ креста была прибита мѣдная дощечка съ соответствующей надписью. Такъ на западномъ концѣ стояло:

„Мысъ Томаса Ховвардъ, іюля 1-го, 1906 г. 256 миль.“ на восточномъ—„Мысъ Моррисъ К. Джезупъ, мая 16-го, 1900 г., 275 миль.“ на южномъ—„Мысъ Колумбія, іюня 6-го, 1906 г.“ и на сѣверномъ—„Сѣв. Полюсъ, апрѣля 6-го, 1909 г., 413 миль“. Ниже креста, съ одной стороны столба, въ рамкѣ за стекломъ былъ помѣщенъ списокъ членовъ экспедиціи, а съ другой надпись:

ПАМЯТИ

Росса Г. Марвина

ПРОФЕС. КОРНЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 34-ЛѢТЬ,

утонувшаго апрѣля 10-го, 1909 г., въ 45 миляхъ на сѣверъ отъ мыса Колумбія, при возвращеніи отъ 86° 38' сѣв. шир.°.

Въ настоящее время это самый сѣверный памятникъ на землѣ, а морская пучина, гдѣ погибъ Марвинъ, самая сѣверная могила на земномъ шарѣ.

Домой.

18-го іюля „Рузвельтъ“ покинулъ мѣсто зимовки и вышелъ на средину канала. Выѣсто того, чтобы опять проби-

Ледъ ломается на обратномъ пути.

раться возлѣ берега, на этотъ разъ мы пустились по срединѣ и не раскаялись.

8-го августа прошли уже мысъ Сабинъ (Sabine), на 39 дней

раньше, чѣмъ въ 1906 году. Выйдя изъ льдовъ, мы, вмѣсто того, чтобы двинуться къ Эта, поплыли на югъ, съ цѣлью убить нѣсколько моржей для эскимосовъ, раньше чѣмъ ихъ высадить въ Эта. 17-го августа прибыли въ Эта.

Послѣдняя остановка на льду.

Здѣсь мы приняли на бортъ Гарри Витней, Маффи, юнгу Притчарда и поплыли на югъ, дѣлая краткія остановки около поселеній, чтобы спустить на берегъ эскимосовъ.

При прощаніи я говорилъ имъ, что никогда больше не вернусь къ нимъ, но такъ эти слова они слышали отъ меня не разъ въ предыдущіе годы, то отнеслись къ нимъ съ немалой долей сомнѣнія.

Около бухты „Сѣв. Звѣзды“ мы встрѣтили шкуну, которая везла для насъ уголь. 26-го августа на мысѣ Іоркъ я высадилъ послѣднюю партію моихъ вѣрныхъ эскимосовъ.

5-го сентября пароходъ прибылъ къ первой станціи безпроводнаго телеграфа, расположенной на берегу Лабрадора. Отсюда я послалъ первую телеграмму жень:

„Кончено, Полюсъ мой. Здоровъ“.

За нею слѣдовала денеша Бартлетта къ матери и затѣмъ моя въ Нью-Йоркскій „Таймсъ“.

„Достигъ Полюса 6 апрѣля и т. д...“

21-го сентября, въ то время, какъ „Рузевельтъ“ приближался къ городку Сидней (на островѣ Вретонѣ), вдали показалась, идущей намъ навстрѣчу, бѣлая яхта. Это была „Шила“, принадлежавшая Джейсу Россу, канадскому угольному королю. На ней были моя жена и дѣти. Около гавани насъ встрѣчала съ музыкой уже цѣлая флотилія лодокъ. Весь берегъ былъ усыпанъ народомъ. Маленькій городокъ, куда я возвращался столько разъ, не достигнувъ цѣли, слѣлать намъ королевскій пріемъ.

Изъ Сиднея съ семьей я отправился по желѣзной дорогѣ домой на Орлиный Островъ, а „Рузевельтъ“ поплылъ въ Нью-Йоркъ, куда и прибылъ 30-го сентября.

РУСАНОВА, О. Свѣтлые дни жизни. Съ рис. Ц. 35 к.

САВВИНЪ, Н. А. Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1908 г. Ц. 30 к.

— **Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1909—1910 г.** Ц. 35 к.

СВѢШНИКОВА, Е. Добрый старикъ. Ц. 5 к.

СКВОРЦОВЪ, Н. А. Какъ животныя добываютъ себѣ пищу. Съ рисунками. Ц. 40 к.

— **Въ царствѣ животныхъ.** Какъ животныя плачутъ и смѣются, радуются и сердятся, любятъ и ненавидятъ и т. п. Съ рис. Ц. 30 к.

СЪРОПОЛКО, С. О. Народныя библіотечки. Порядокъ открытія библиотекъ и ихъ организація. Ц. 15 к.

ТИХОМИРОВЪ, Д. М. Великая Сѣверная война Россіи со Швеціей. (1700—1721 г.). Чтеніе для школы и народа. Съ рис. Ц. 10 к.

— **Современныя задачи начальной школы.** Ц. 5 к.

ТОЛСТОЙ, А. К., гр. ТЮТЧЕВЪ, В. И. и ФЕТЬ, А. А. Біографія и избр. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 25 к. Движеніе въ русск. белл. илит. рч.

ХОМЯКОВЪ, А. С., К. С. и И. С. АКСАКОВЫ. Сборникъ избранныхъ стихотвореній, съ портретами и біографіями, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

ЦЕБРИКОВА, М. Разсказъ нини. Ц. 10 к.

— **Мой отецъ.** Ц. 10 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. Мои мѣ малышамъ. Съ рис. худ. В. Силесскаго. Ц. 25 к.

— **Въ деревнѣ.** Съ рис. Ц. 15 к.

— **Дѣти нунды.** Съ рис. худ. А. Ансета. Ц. 20 к.

ШКЛЯРЪ, Н. Лѣтнія сказочки про мыльтонокъ подъ елочкой и лѣсного шмеля, про листянонокъ и душлинонокъ, лѣсовиконокъ, мохонячиконокъ и про весь народъ журиличій. Роскошное изданіе съ цѣлыми рисунками въ 3 краски художника М. Щеглова. Ц. 1 р.

ШМЕЛЕВЪ, Ив. Въ новую жизнь. Повѣсть. Съ рисунками худ. Н. Богатова. Ц. 50 к.

— **Служители правды.** Повѣсть. Съ рис. худ. Андреева и Жигарева. Ц. 50 к.

— **Къ свѣтлой цѣли.** Первая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— **Они и мы.** Вторая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 45 к.

ЭНЪ, Е. Вѣрные друзья. Съ рис. Ц. 15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Особымъ Отделомъ Ученнаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ доставлять въ книжечкѣ, на предпріятельной подпискѣ, въ учебныя библіотеки, сиротскія и казенныя учебныя заведенія, и въ библіотеки церковныя читальни и библіотеки.

Журналъ дается поѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и биографіи; г) научно-художественныя статьи; д) картинки съ портретами замѣчательныхъ людей и съ картинами, а также иллюстраціи.

бесплатныхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшаго участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“.

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ доставляютъ посылку развѣ съ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшено для университетскихъ библіотекъ и библіотекъ церковныхъ читальницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе»)

безъ «Педаг. Листка»:

Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.
Съ доставкой, а пересыл. на годъ	5 » — »
Безъ доставки на $\frac{1}{2}$ годъ	3 » 50 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{2}$ годъ	3 » 75 к.
Безъ доставки . . . . . на $\frac{1}{2}$ годъ	2 » 25 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{2}$ годъ	2 » 50 к.
Безъ доставки . . . . . на $\frac{1}{4}$ годъ	1 » 15 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{4}$ годъ	1 » 25 к.

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе»)

съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ	5 р. — к.
Съ доставкой, а пересыл. на годъ	6 » — »
Безъ доставки, на $\frac{1}{2}$ годъ	3 » 75 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{2}$ годъ	4 » 50 к.
Безъ доставки . . . . . на $\frac{1}{2}$ годъ	2 » 50 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{2}$ годъ	3 » — »
Безъ доставки . . . . . на $\frac{1}{4}$ годъ	1 » 25 к.
Съ доставкой, а пересыл. на $\frac{1}{4}$ годъ	1 » 50 к.

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“)
ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За гравію: «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перекладку атласа 25 коп. жернова.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналы: 1 строкъ.—40 руб., $\frac{1}{2}$ строкъ.—20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Малаяновскій, домъ № 24—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногороднихъ: Москва, въ редакцію «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

Or

ГПБ Русский фонд

38.72.4.10.